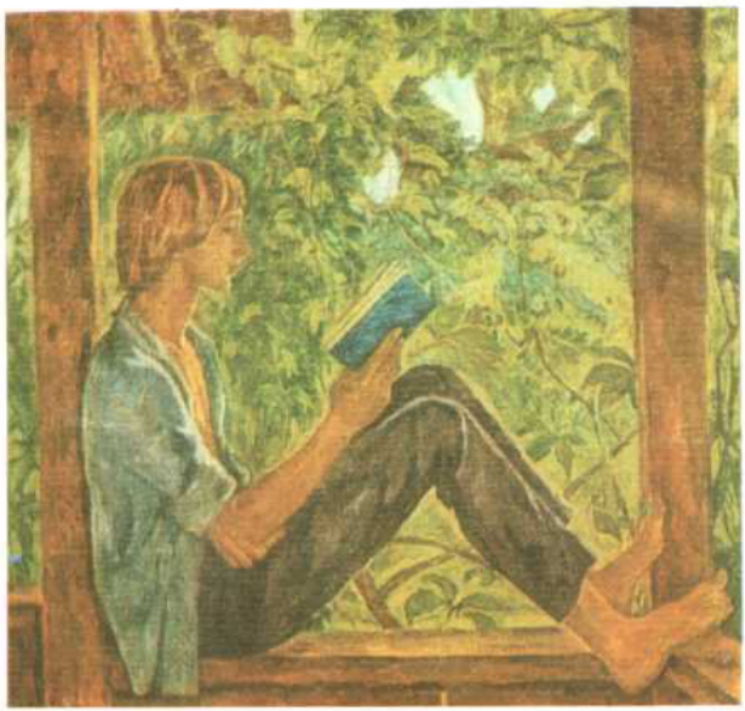
БОЛЬШОЙ ПЕДСОВЕТ



Молодая гвардия

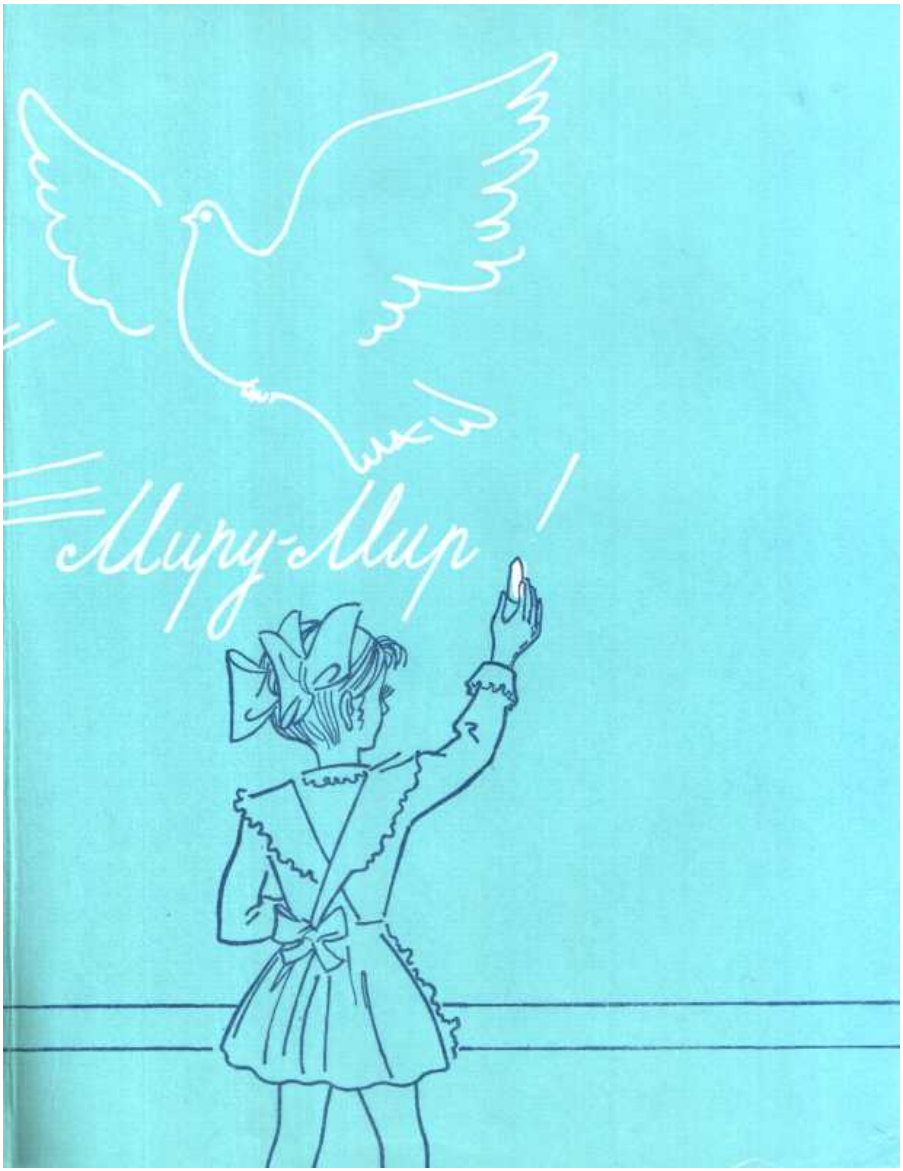
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сборник очерков и рассказов об учителях, совсем молодых и умудренных опытом, об учительских династиях из Латвии и Армении, Эстонии и Азербайджана, Белоруссии. Книга касается важных проблем, выдвинутых реформой общеобразовательной и профессиональной школы. Написана молодыми литераторами по социальному заказу издательства.

-
- СТУПЕНИ ВЗРОСЛЕНИЯ
- Призвание
- На роду написано.
- Наследство Овсепянов.
- Дом на острове.
- Дважды два.
- У старой реки два русла.
- Древо добра.
- Сады для сыновей.
- СТЕПЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
- От разговоров — к договорам.
- Порядок — а не радует.
- Товарищ мой, учитель!
- «Я работать бы пошел...»
- Сентябрь... И снова школа.
- В понедельник утром.
- Твой друг ЭВМ.
- ОДА УЧИТЕЛЮ
- Сон-трава
- Страницы жизни директора детдома.
- Золотая медаль учителя.
- Федора-бессмертник.
- Возвращение в школу.
- О наших авторах.
- Содержание
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Пусть всегда
будет солнце!



БОЛЬШОЙ ПЕДСОВЕТ

Игорь Арясов, Георгий Баженов, Елена Брускова, Виктор Васильев, Юрий Данилин, Максим Земнов, Сергей Иванов, Валерий Козлов, Андрей Коновко, Ольга Мариничева, Феликс Махов, Валерий Митрохин, Михаил Петров, Николай Полунин, Александр Радов, Николай Старченко, Ольга Стыкалина, Валерий Хилтунен, Татьяна Цюпа

МОСКВА

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986

74.204
Б 79

Большой педсовет / Сост. В. Б. Козлов. — М.: Б 79 Мол. гвардия, 1986. — 192 с., ил.

В пер.: 75 к., 100 000 экз.

Сборник очерков и рассказов об учителях, совсем молодых И умудренных опытом, об учительских династиях из Латвии и Армении, Эстонии и Азербайджана, Белоруссии. Книга касается важных проблем, выдвинутых реформой общеобразовательной и профессиональной школы. Написана молодыми литераторами по социальному заказу издательства.

ББК 74.204
373

© Издательство «Молодая гвардия», 1986 г.

СТУПЕНИ ВЗРОСЛЕНИЯ

Беседа с заместителем министра просвещения РСФСР Любовью Кузьминичной Балясной.

— Любовь Кузьминична, что лично вам кажется самым важным в реформе школы?

— То, что вся она пронизана идеей формирования социально активной личности. Не только о работе школы, ПТУ, внешкольных учреждений идет речь, а о завтрашнем дне нашей Родины. О поколении, которому жить и трудиться в XXI веке.

«Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» — документ огромного идеологического, политического звучания. Сейчас, когда обстановка в мире так сложна и тревожна, когда администрация Рейгана размещает в Европе «Першинги-2», наша страна, наша партия приняли программу долговременного действия, направленную на создание условий для формирования гармонически развитой личности. В этом не только знамение времени, но и традиция нашего государства. Вспомните речь Ленина на III съезде комсомола, вспомните знаменитый ленинский план ГОЭЛРО: в решении о реформе школы — такая же устремленность в будущее и такая же уверенность в нем.

— Мне рассказывали, что, бывая в командировках, изучая, как осуществляется реформа на местах, вы встречаетесь не только с работниками органов народного образования, учителями, родителями, но, как правило, и со школьным активом — комсомольцами, пионерами. Более того, в Бауманском районе Москвы вы ведете семинар секретарей школьных комсомольских организаций.

— Да, потому что я считаю: одно из первых лиц, к которому обращена реформа, — ученик. «Основные направления» ставят целью формирование сознательного гражданина. И очень важно нам, взрослым, посмотреть на изменения в школе глазами самих школьников — услышать их мнение, соображения, замечания. Заинтересованное участие в решении задач, поставленных реформой, — школа гражданственности для ребят. Многие вопросы, которые ставят перед нами «Основные направления», органы народного образования не смогут решить без помощи школьных комсомольских и пионерских организаций.

— Хорошо, если бы такой точки зрения придерживались и педагоги в каждой школе. Между тем не случайно в «Основных направлениях» сказано: не допускать мелочной опеки в

руководстве школьными комсомольскими организациями. Нередко в редакции молодежных газет приходят письма о том, что учитель диктует, кого принять, кого не принять в комсомол, кого выбрать комсоргом, что написать в характеристике... Обычно, когда ребята жалуются на излишнюю опеку, им говорят: сами виноваты, сами не умеете доказывать свою взрослость, свою самостоятельность. Это верно, но лишь отчасти: на практике действительно очень часто активность и самодеятельность комсомольской организации в школе зависят от позиции педагогов. Что предпринимает министерство, чтобы не было этой «мелочной опеки», тормозящей развитие самодеятельности и активности комсомольцев в школе?

— Есть немало педагогических коллективов, для которых традицией стало видеть в комсомольцах своих единомышленников и помощников. Они все делают сообща: вместе вырабатывают планы воспитательной работы, вместе организуют ее, вместе анализируют итоги. Однако сказать, что так обстоит дело везде, нельзя. Сила инерции, к сожалению, очень велика, и факты, о которых вы говорите, действительно имеют место. Министерством направлено на места специальное письмо об участии учащихся в реализации реформы, приняты и другие документы и рекомендации. Видимо, и нам, и органам народного образования на местах надо решительнее осуществлять контроль за исполнением этих решений, за созданием условий для активной роли комсомольской организации в школе.

Но это только одна сторона проблемы. Корни часто уходят в неготовность, так сказать, учителя воспринять эти решения. Он нередко не умеет включать комсомольскую организацию в учебно-воспитательный процесс. И это не вина его, а беда. Выпало ли самому учителю счастье пройти школу общественной активности в свои ученические годы? Уже тогда приобрести навыки и умения организаторской деятельности в пионерской и комсомольской организациях? Далеко не все прошли такую школу. Вот где часто истоки сегодняшних ошибок учителей по отношению к школьному комсомолу — в их детстве, в их школьной юности. И этот пробел не всегда восполняется ими потом, в студенческие годы. Убеждена, что сейчас, в период осуществления реформы, нужно обратить более пристальное внимание на формирование навыков общественной работы у будущего учителя еще на школьной, на студенческой скамье. И в вузе, и в системе повышения квалификации учителей они должны получать и более основательные знания по возрастной психологии, по методике воспитательной деятельности в школе и

вне ее, умение организовывать воспитательную работу, опираясь на самодеятельность пионерской и комсомольской организаций.

— «В школе и вне ее», — говорите вы. Принцип единства, преемственности воспитательной работы в учебное и внеучебное время пронизывает весь документ о реформе школы. По сути, в нем выстроена целая система общественного воспитания, в которой — и школы, и группы продленного дня, и внешкольные учреждения, и работа по месту жительства. Более активную роль в организации всей этой работы, подчеркивается в нем, должны сыграть комитеты комсомола. В чем видится вам их помощь органам народного образования в этом отношении?

— Только в Российской Федерации свыше 35 тысяч различных внешкольных учреждений: Дворцов и Домов пионеров, станций юных техников, натуралистов, клубов по месту жительства. Задача в том, чтобы полнее использовать их базу, помещения, штаты. Перспективным является опыт Белгородской, Горьковской, Липецкой областей, Удмуртской, Татарской АССР, когда внешкольные учреждения «выходят» за собственные стены и создают кружки, филиалы непосредственно в школах, по месту жительства. Но охватить как можно больше детей кружками, занятиями по интересам, клубами — это, я бы сказала, задача-минимум. Важно усилить их воспитательное воздействие на формирование нравственных идеалов, идейно-политической убежденности, трудового отношения к жизни. Думается, тут должны получить большее развитие те методы, которые мы рекомендуем и в учебной работе, — те, которые будят мысль, толкают на поиск, развивают самостоятельность: диспуты, дискуссии, больше должно быть практических занятий, в которых ребята приобретают конкретные навыки, умения.

И очень важно, чтобы при этом у них формировались качества общественников. В РСФСР более 2 тысяч детско-юношеских спортивных школ, в них занимается 1,5 миллиона ребят. Но, чего греха таить, только единицы из них становятся организаторами спортивной работы в своей школе, помогают создавать спортивные секции, организуют работу по сдаче ГТО, проводят физкультминутки. Сколько ребят занимаются в музыкальных школах, а какую отдачу имеют от этого «свои» школы? Конечно, это упущение учителя, который часто смотрит на подобные занятия как на сугубо «личное» дело ученика. Но и комсомольской организации тоже!

— Но, может быть, дело и в дефиците свободного времени у этих ребят?

— Думаю, нет: скорее во внутренней установке. Хотя, понятно, у них более уплотненный день. Но вот вам пример.

Когда говоришь, что школьная комсомольская организация должна занимать более активную позицию по отношению к школам и группам продленного дня, иной раз слышишь: а откуда старшеклассникам взять для этого время? Но вот в 52-й школе Пензы работу в группах продленного дня комсомольцы считают не только важной, но престижной. Они помогают малышам в подготовке уроков, обсуждают с ними новые книги, организуют игры, проводят ежедневно спортивные часы. В ущерб себе? Отнюдь! Лучший путь взросления, самовоспитания — оказаться в позиции воспитателя.

Воспитательные возможности школ и групп продленного дня стали бы куда больше, если бы на помощь учителю и комсомольцам-школьникам более деятельно пришли педагогические отряды. Причем хотелось бы, чтобы больше пришло юношей — они помогли бы восполнить так остро ощущаемый дефицит мужского влияния в воспитании детей.

На тех предприятиях и в тех учреждениях, где работают комсомольцы-шефы, есть, как правило, и школы молодого воина, и секции охраны памятников, и общества книголюбов — почему бы им не включить в работу и своих подопечных школьников?

— Недавно я услышала такое выражение: «Лестничные дети». Подростки, для которых постоянное место общения — лестница, подъезд. Домой, на покрытый лаком паркет, их не пускают, из Домов пионеров они выросли, да и когда были младше, еще не факт, что ходили туда. Кружки при ЖЭКах? Их тоже не так уж много, и они чаще рассчитаны на младших детей — не подростков и чаще — девочек, чем на мальчишек. Вероятно, когда в документе о реформе мы читаем о необходимости коренным образом улучшить работу по месту жительства, стоит задуматься и об этих так называемых «лестничных детях», их судьбе?

— Безусловно. Как сказал мне один старшеклассник: «В подъездах Маяковского не читают. И шампанское не пьют. Там пьют стаканами нечто иное. И иначе доказывают свою принадлежность к мужскому роду». Конечно же, нас не могут не тревожить эти подростки. А рождается это — иногда отнюдь не безвредное! — стояние на лестничных площадках и в подъездах отчасти оттого, что нередко, к сожалению, механически переносятся формы работы школы на работу по месту жительства. Мы исходим подчас из абстрактных, традиционных построений, забывая о реальных отношениях, реально складывающемся общении. Скажем, какая-то часть ребят, поведение которых тревожило педагогов, ушла из школы. И они вздыхают с облегчением: нет больше дурного влияния! Действительно, в школе у ребят нет общения с этими подростками, но дома-то, во

дворе, на пресловутой лестнице они общаются по-прежнему. Закрывать на это глаза — не прятать ли, как говорится, голову под крыло? Правильно ли, если школа печется только о «своих» подростках, ПТУ — о «своих»? Разумнее, организуя работу по месту жительства, объединить усилия, включив в этот союз и внешкольные учреждения. Мы рекомендуем сейчас единое расписание внешкольной работы на основе взаимодействия школы и внешкольных учреждений.

Думаю, что коренным образом нужно изменить систему индивидуального шефства над подростками, требующими пристального педагогического внимания. Обычно шефом назначают комсомольца, который работает в том районе, где живет «трудный». А сам шеф может жить совсем в другом конце города. Во что выливается такое шефство? В эпизодические встречи и нравоучительные беседы. Эффекта это не дает. По сути, шеф знает своего подопечного по коротким разговорам с ним и по той характеристике, которая ему была официально дана. И подшефный, по сути, о своем шефе имеет весьма смутное представление, он для него разновидность учителя, человек, которому вменено в обязанность ставить его на путь истинный. У них нет поля для общения, они не видят друг друга в деле, в деятельности. Думаю, куда полезнее было бы, если бы и шеф и подшефный жили рядом, по соседству. Не беседы в специально отведенные часы, а вместе организованный досуг, вместе организованная жизнь — поход на лыжах, участие в субботнике и т. д. — вот что может действительно воспитывать.

Признаюсь, иной раз во время субботника не знаешь, куда деть от стыда глаза, когда видишь, что работают во дворе у дома пенсионеры, бабушки и дедушки, папы и мамы, а взрослые дети в это время занимаются своими делами, а иногда и просто бездельничают.

Работа с людьми по возрастам приводит к разобщению детей и взрослых. Больший успех дает организация совместной жизнедеятельности старших и младших, общего досуга, общего труда. Родителей и детей. Комсомольцев и ребят младшего возраста.

Про внимание к детям младшего возраста мне хочется сказать особо. В детстве — истоки многих обнаруживающих себя потом бед. Замечено, например, что среди подростков, совершивших правонарушения в 7—8-х классах, почти нет ребят, занятых в кружках. Вместе с тем мы не раз давали внешкольным учреждениям рекомендации обратить внимание именно на этот возраст. В чем же дело? Они записываются в тот или иной кружок, но очень скоро начинают чувствовать себя там так же не

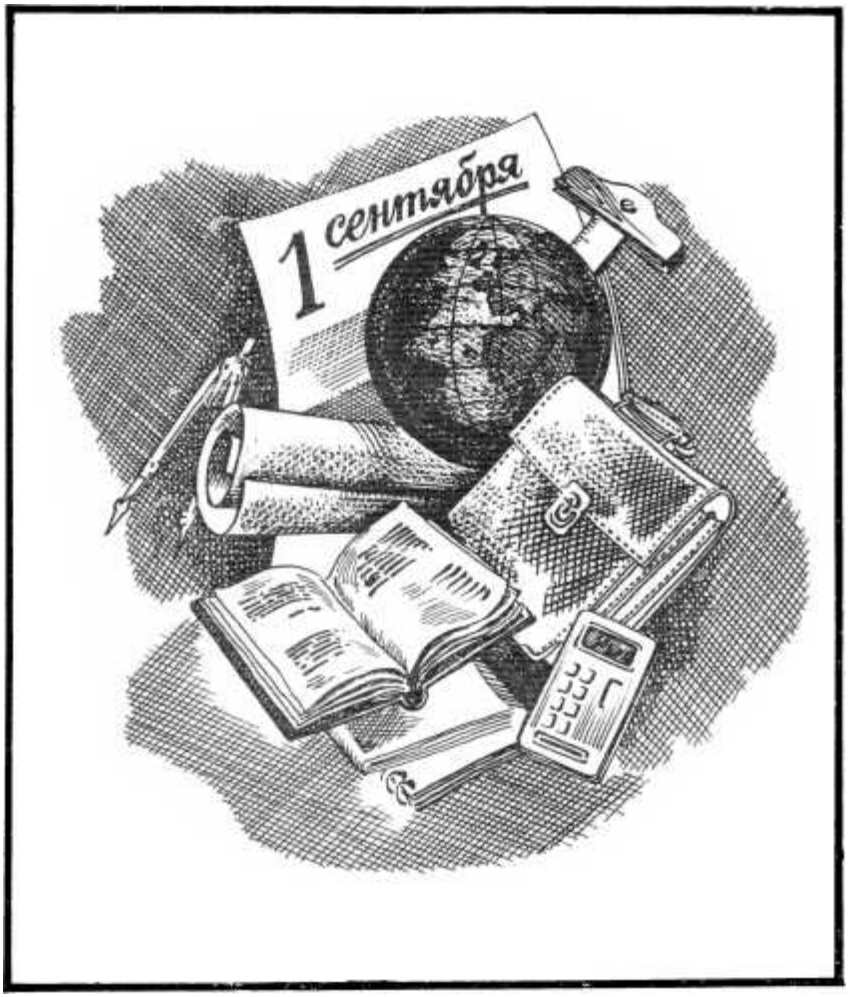
у дел, как еще раньше чувствовали себя в школе. У них нет ни сформированного интереса, как у товарищей по кружку, ни усидчивости, ни умения работать... Но если в школу его обязывают ходить, как бы он ни чувствовал себя там неуютно, то кружок — дело добровольное.

Зачем же добровольно себя опять обрекать на последние роли? И он уходит — на ту самую лестницу, в тот самый подъезд. Вот почему важно как можно раньше увлечь, заинтересовать ребенка, вот еще почему младшим ребятам так нужны шефы— старшеклассники. О пользе этого для самих старшеклассников я уже говорила. А младшим, кроме всего прочего, это дает еще и чувство защищенности. Не у всякого ведь есть старший брат. А отсутствие защищенности ущербно влияет на формирование ребенка.

Иными словами, магистральное направление в работе по месту жительства сегодня, на мой взгляд, — формирование культуры отношений взрослых и детей, расширение их сферы общения, общения заинтересованного и помогающего вырастить нам из маленького человека гражданина.

Беседу вела Т. ЯКОВЛЕВА.

Призвание



Ф. Решетников. ЛЮБИНЫ УРОКИ.

На роду написано.
ОЛЬГА СТЫКАЛИНА

Часто вспоминаются Александре Николаевне Афонской прожитые годы. Их было немало — восемьдесят шестой идет. И сорок лет из них прошли в школе. Сколько учеников было у нее! Трудно сосчитать. Озорные и прилежные, непосредственные и тихие — но все такие родные, любимые. Как-то у них сложилась жизнь? Впрочем, «ребятишек» сейчас и не узнать. На днях подошел к ней на улице седой грузный мужчина. «Александра Николаевна, вы меня помните?» Ну как распознать в этом солидном человеке худенького первоклассника тридцатых годов?

В соседней комнате зажигается свет. Опять Шура, внучка, не спит. Вернулась из театра — уже ночь на дворе. А еще кипа тетрадок дожидается своего часа. Кому-то тройку на уроке поставила, переживает. По себе знает Александра Николаевна: трудную работу себе выбрала внучка. Помнится, когда надумала Шура поступать в педвуз, идти дорогой бабушки, мамы и отца, предостерегала ее: проверь свои силы, свой характер. Не каждый сумеет всю душу без остатка, всю жизнь до минутки отдать чужим ребятишкам, полюбить их, как любят близких людей. Предупреждать предупреждала, а сама радовалась, когда Александра-младшая только отшучивалась: «У меня, бабушка, на роду написано учителем быть».

Когда Шура, теперь уже Александра Юрьевна Горбачева, стала работать в школе, Александра Николаевна не вытерпела и пошла к ней на урок. Уходила успокоенная: профессия учителя Шуре по плечу. Трудный класс достался внучке, а с ребятами — полный контакт. Энергия, оптимизм — понятно, привилегия молодости. Но откуда у нее в двадцать с небольшим лет мудрость педагога, доброта и понимание зрелого человека? Словно с молоком матери-учительницы впитала она б себя то, что и делает человека учителем — не по должности, по призванию. А может быть, и в самом деле «на роду написано»? Их род — Афонских, породнившийся с Луковкиными, а через них с Дешиными, талантлив на учителей. Даже если приблизительно прикинуть — на всех около 800 лет педагогического стажа набирается. Не одну учительскую династию насчитывает этот род.

Память возвращает Александру Николаевну в село Шапкино, что в Наро-Фоминском районе Подмосковья, туда, где прошло ее детство.

В селе Афонских уважали: дружная, крепкая семья. Особенно

заметен был отец: и музыкант прекрасный, и художник. При этом труженик был, каких мало. Это он отправил старшего сына Василия учиться в город. Вслед за ним уехала в Боровск Нина. Пришел черед Александры. Во всем отказывали себе родители, чтобы видеть детей образованными. Рано ушел из жизни Николай Григорьевич. Тогда старшие взяли на себя заботу о младших, поднимали на ноги, давали образование. Случайно ли, что четверо из детей Афонских стали учителями?

Александра Николаевна показывает мне альбом, медленно переворачивает листы, подолгу задерживаясь взглядом то на одной фотографии, то на другой. Каждая — история ее судьбы и вместе с тем — судьбы ее страны, ее народа.

В 1919 году выпускница Боровской женской гимназии впервые вошла в начальную сельскую школу учительницей. Вошла, чтобы долгие десятилетия не расставаться с ней.

На поблекшем снимке тех лет — Александра Николаевна в окружении своих учеников.

Не было тогда тетрадок и учебников. Не было дров, чтобы отапливать школу, зачастую приходилось самим ездить за ними в лес. Бывало, что и без зарплаты работали. И все-таки работалось радостно Жажда, с которой впитывали в себя ученики знания, окрыляла, придавала сил.

— Я до сих пор вспоминаю своих первых учеников с большой благодарностью, — говорит Александра Николаевна. — Как они тянулись к знаниям, с какой самоотдачей работали! С нынешними школьниками, по Шуре сужу, труднее. Избалованнее стали, самоувереннее. Правильно реформа ставит вопрос о трудовом воспитании детей. Трудом оценивается человек, с труда он начинается.

Сама Александра Николаевна — большая труженица. Так говорят о ней все, кто ее знает. Можно ли подсчитать, сколько верст прошагала учительница от деревни к деревне, доставляя книги, которых очень ждали, каждый приход учителя-книгоноши был событием.

А сколько радости приносили и большим, и маленьким жителям окрестных сел немудреные спектакли, которые ставили школьники по сценариям своей учительницы! Не было специальных костюмов, не было декораций. Но каждая постановка оставляла в сердце и зрителей, и участников светлое чувство. Настоящим очагом культуры стала школа, в которой работали молодые тогда учителя Александра Николаевна Афонская и ее муж Николай Матвеевич Луковкин.

— А как же по-другому? — в темно-карих глазах учительницы загорается искорка удивления. — Как же научить ребят в каждое

дело душу вкладывать, если не делаешь этого сам? По-моему, это прямая обязанность учителя.

Александра Николаевна волнуется, то и дело поправляет седую прядку волос. Видимо, она немало думала о том, какие люди входят в школьный класс. Сколько на своем веку она видела учителей, для которых работа кончалась сразу же за школьным порогом. Не случайно в документах реформы, которые бережно хранит Афонская, подчеркнуты строки: «Улучшить отбор молодежи для учебы в высших учебных заведениях, ведущих подготовку учителей». Очень вовремя поставила реформа этот вопрос. Равнодушные, черствые люди опасны для школы. Страна им доверила растить своих юных граждан. Где, как не здесь, важен личный пример педагога...

Зардевшись, Александра Николаевна легко поднимается со стула. Несмотря на годы, она очень подвижна.

— А что вы хотите? — смеется она. — Когда-то с ребятами по Военно-Грузинской дороге прошла. Помню еще, соревнование устроили, кто первый один участок пробежит. Приз, огромный торт, мне достался. Вместе с ребятами съели. Где-то фотография была...

Александра Николаевна снова берется за альбом. Аккуратно поправляет между страницами потертый листочек бумаги.

— Это с войны осталось. Тяжело об этом вспоминать...

Голод, бомбежки, смерть... Несколько месяцев хозяйничали в родном Наро-Фоминске фашисты. В те дни и появились у нее первые седые пряди волос. А ведь только-только за сорок перевалило...

Листочек, который так старательно прячет Александра Николаевна, — справка, в которой сказано, сколько дней она отработала на восстановлении города.

— У бабушки еще медаль есть: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», — вступает в разговор средняя внучка.

— Нина! — укоризненно качает головой Афонская.

— Бабушка про себя все равно ничего не расскажет, — продолжает та. — Как нашим пленным хлеб подбрасывали? Как тебя, когда на заснеженном поле колоски подбирала, чуть немец не застрелил? Как школу, из которой фашисты конюшню сделали, расчищала?

Александра Николаевна смахивает с морщинистой щеки слезинку. Все это было. И ничего никогда не забудется.

— 26 декабря освободили город. Вскоре начались занятия, — добавляет Нина и с любовью смотрит на бабушку. А та, примостившись на краешке стула, маленькая, хрупкая, не знает,

куда деваться от смущения.

— Мама очень не любит, когда о ней говорят, — подсаживается Нина Ивановна, невестка. — И ордена надевает только в исключительных случаях...

Орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени, медали — награды, которыми удостоила Родина учительницу Афонскую.

— Да что вы все обо мне! — не выдерживает наконец Александра Николаевна. — В доме столько учителей!

Не часто случается, когда семья может провести свой домашний «педсовет». А вот в квартире Луковкиных именно так и происходит. Не колеблясь, пошел по стопам матери сын Юрий, Юрий Николаевич. Был учителем, теперь директор Апрелевской вечерней школы. Правда, его ученики мало напоминают малышей из начальных классов, которых доводилось учить Александре Николаевне. Уставшие после рабочей смены взрослые люди собираются по вечерам на уроки. Нужен особый такт, высокое профессиональное мастерство, чтобы увлечь их своими и без того нелегкими предметами: математикой, физикой. Юрий Николаевич и его жена Нина Ивановна, тоже преподаватель этой же школы, считают, что педагоги вечерних школ обязательно должны хорошо знать производство, на котором работают их ученики. В Апрелевской вечерней школе занимаются в основном рабочие завода грампластинок. От самых простых до самых сложных заводских операций изучили учителя, чтобы сделать свои уроки более доступными, понятными и творческими. Переживают за каждого ученика, понимая, как нелегко совмещать работу с учебой. Но у опытных, вдумчивых педагогов это отнюдь не означает нетребовательности, которая — и это отмечается в документах о реформе общеобразовательной и профессиональной школы — стала одним из серьезнейших недостатков в работе вечерних школ. Неприятие всякого рода фальши, самообмана — «фамильная» черта всех учителей этой династии.

— И меня Луковкины втянули в эту профессию, — улыбается Нина Ивановна.

Девчонка из села, она никогда не задумывалась в детстве о педагогической стезе. Кончив школу, пошла на завод, вышла замуж за Юрия Николаевича. И сама не заметила, как с большим интересом стала вслушиваться в семейные профессиональные разговоры, принимать в них участие. Этот интерес заметили близкие, посоветовали идти учиться.

Принять решение было нелегко. 27 лет — это еще не много, но уже и не мало. И на руках двое маленьких детей. «Ничего, поможем!» — успокаивали ее свекровь и муж. И Нина Ивановна решилась.

— Теперь сама радуюсь, что так жизнь сложилась, — задумчиво говорит она.

Подтянутая, стройная, если бы не рано поседевшие волосы, она казалась бы совсем молодой. И не скажешь, что у нее три взрослые дочери и двое внуков.

— А я, может быть, и не совсем традиционная бабушка, — возражает Нина Ивановна. — В походы люблю ходить, такие, чтобы чувствовать усталость длительного перехода. Петь люблю. В театры, на концерты — всегда с удовольствием. Это у нас семейное увлечение.

Но есть одна особенность: семейное увлечение далеко простирается за рамки семьи. Все желающие: ученики, соседи — с удовольствием включаются в тургруппу, без стеснения начинают подпевать в общем хоре. Более того, Луковкины намеренно стараются в каждый поход захватить побольше учеников.

Может быть, поэтому Шура, дочка, и выросла такой непоседой? Все Подмосковье обходила и объездила со своими пятиклассниками. В одно воскресенье едут в Московский Кремль, в другое их путь лежит в Петрищево, на место казни Зои Космодемьянской. Через неделю устремляются в Крюково, потом — на Бородинское поле. Сказались семейные уроки... Но главное, пожалуй, даже не в любви к путешествиям. С самого раннего детства ребятишек в этой семье окружает атмосфера бескорыстия и доброжелательности, полного доверия к людям, насыщенной духовной жизни. Здесь никогда не гонятся за модными вещами и не коллекционируют хрусталь. Зато могут ночь простоять за билетами на концерт Рихтера. Не было случая, чтобы дети видели бабушку, мать, отца раздраженными.

— Я не понимаю педагогов, которые позволяют себе срываться на крик, — убеждена Шура. — Доброжелательность должна быть профессиональным качеством учителя. Ведь он в первую очередь воспитатель, потом уже предметник.

Она очень часто начинает урок непривычно: «Любимые мои, здравствуйте!» Вот и сейчас поприветствовала учеников так же. Вижу, как загораются радостью у ребят глаза, распрямляются спины. Атмосфера необычайной раскованности, что, однако, абсолютно не означает разболтанности, царит на уроке. Нет и следов напряженности, с которой, как часто случается, ученики ждут, кого же учитель вызовет. Напротив, на каждый вопрос поднимается лес рук. Стараюсь докопаться, в чем причина такой активности учеников. Особые методы, формы работы? Пожалуй, дело в другом — в отношении учительницы к ребятам, в особом такте, в уважительном тоне.

— Садись, Саша, на этот раз «четыре», — говорит Александра

Юрьевна и подробно объясняет, за что снижена оценка.

Вроде бы мелочи. Но не из таких ли мелочей возникает контакт учителя и учеников?

Один за другим подходят к доске ребята. И все отвечают четко, чувствуется, что увлечены предметом. Оказывается, тут все же есть маленькая хитрость учительницы. Это она просит учеников во время ответа особенно следить за голосом, жестами, осанкой. Чтобы ответ был не только правильным, но и красивым — тогда весь класс будет с удовольствием его слушать. Это, конечно, своего рода игра, но пятиклассники очень хорошо на нее отзываются. И каждый раз у доски — умно срежиссированный маленький спектакль.

Школьная реформа расширила творческие возможности учителя, предоставила ему право самому определять оптимальные формы, методы и средства обучения. Такое положение, считает учительница Горбачева, помогает делать уроки более творческими. А ученикам младших классов, даже пятиклассникам форма игры, соревнования просто необходима: с их помощью и тема усваивается лучше, и интерес к предмету возрастает.

— Какое звено быстрее справится с заданием? — этот вопрос нередко звучит на уроках Александры Юрьевны. Ребята оживлены, отвечают с удовольствием. Каждый старается, понимая, что от его ответа зависит успех всего звена.

С последней парты мне хорошо видно лицо учительницы: одухотворенное, энергичное. Особым внутренним чутьем она улавливает настроение каждого из тридцати трех учеников. Как ни дорога каждая минута урока, но бывает и так, что урок математики вдруг превращается в урок нравственного воспитания.

На последней парте мальчишка спрятал лицо в ладони. Ему сейчас не до занятий: до слез обидела его неудачная шутка одноклассника. Александра Юрьевна прерывает урок. Голос ее дрожит от волнения: она говорит ребятам о том, как больно может ранить необдуманно брошенное слово. Совсем не похож этот минутный разговор на нотацию, морализирование. Может быть, поэтому он и доходит до самого сердца. Ребятам передается волнение учительницы, понурился «шутник». Для каждого из них этот урок не менее важен, чем математические формулы. Поэтому Александра Юрьевна так чутко реагирует на каждое проявление в своих учениках бессердечия и равнодушия, разболтанности и нетребовательности к себе. Для педагога это должно быть законом, считает она, и слова ее не расходятся с поступками.

— У нашей Шурочки за всех душа болит, — говорит про нее

Александра Николаевна, и глаза ее при этом светятся гордостью за внучку.

Как-то проверяя дневники, обнаружила Шура подтертую оценку. Подозвала после уроков к себе мальчишку, начала расспрашивать — тот в слезы. Оказалось, мать бьет за каждую тройку. Отложив все дела, отправилась Александра Юрьевна в этот дом, поговорила с матерью. А парня пересадила на первую парту. Здесь у него внимание совсем другим будет, труднее получить неважную оценку.

А другой мальчишка еще больше тревожит. Дома у него обстановка сложная. Как его обогреть, приласкать, чтобы оттаяла душа у человека?

Бесконечны вопросы, которые волнуют учителя. Например, снижать или не снижать оценку за то, что ученик забыл тетрадь с домашним заданием? Александра Юрьевна давно для себя решила: ни в коем случае. Пусть в журнале останется до следующего урока точка. Зато из-за досадной случайности — всякое ведь бывает! — не останется в душе ребенка горечь и обида. А требовательность... Ребята хорошо ее принимают, если видят, что все идет от желания добра.

Вступившая в жизнь реформа общеобразовательной и профессиональной школы поставила перед учителем новые задачи. Одна из важнейших, считает Александра Юрьевна Горбачева, научить своих учеников быть активными, самостоятельными, инициативными. Самоуправления в школе, о котором говорится в реформе, невозможно наладить, не воспитав в ребятах этих качеств. И Александра Юрьевна думает, ищет.

Первые шаги уже сделаны. Ребята сами, без подсказок, начинают замечать, кому в отряде нужно срочно оказать помощь. Сами принимают решения. Вот, например, на последнем сборе, когда обсуждали опубликованную в «Комсомольской правде» статью о подвиге советского летчика, бежавшего из плена на вражеском самолете, ученики сами предложили поздравить героя с праздником Победы. Не только теплые слова они написали — к ним приложили стихотворение собственного сочинения о мире.

— Трогательные стихи получились, — вспоминает учительница. — Но не только в них дело. Я рада за ребят, что так прониклись подвигом. От души писали и это поздравление, и поздравления ветеранам войны, которые живут с нами по соседству.

Конечно, это всего лишь одна деталь. Но все чаще появляются в ее классе такие детали. Разве не замечательно?

В семейном архиве Афонской—Луковкиных—Горбачевой рядом с бабушкиными наградами хранятся и грамоты, которыми

наградил Александру Юрьевну горком комсомола. Дорожит молодая учительница ими. И все-таки самое дорогое — признательность учеников.

Учились несколько лет назад в ее классе трое мальчишек. Занимались вроде бы неплохо, а вот беспокоило Александру Юрьевну их равнодушие, а порой даже жестокость. Отчаяние брало — никак не удавалось на них повлиять. И как раз в это время попала она в больницу. Прошло несколько дней, и вдруг заметила: стоит под окошком эта троица. Ждет, когда их учительница заметит. Спустилась, подошла. «Это — вам!» — только и сказали мальчишки, вручая ей цветы и шоколадку. А в глазах — такая признательность!

— Какая я была в тот день счастливая! — темно-карие, как у бабушки, Шурины глаза лучатся радостью. — Впрочем, таких дней бывает много. Ученики у меня замечательные!

Повезло учителю? Можно сказать наоборот: повезло ученикам, которые у Александры Юрьевны учатся. Повезло и младшей сестренке, семикласснице Ирине, которая уже сейчас приглядывается к профессии педагога, вбирает в себя опыт всей семьи.

Рабочий день кончился. Можно отдохнуть, поиграть с сынишкой Димкой. Но вдруг неожиданный звонок в дверь: «Александра Юрьевна! К вам можно?» — приходит мама одной из учениц. «Только сначала мы вас чаем напоим», — отвечает Шура и начинает хлопотать у стола. Снова до позднего вечера не погаснет свет в окнах этой уютной квартиры. Снова соберется домашний педсовет, чтобы кого-то выслушать, кому-то помочь. Для всех открыта дверь дома, в котором живут четыре учителя. Каждый из них носит это звание по праву.

Наследство Овсепянов. МИХАИЛ ПЕТРОВ

Скажу сразу: я не только интересовался примерами из богатой многолетней практики учительской династии Овсепянов, их педагогическими методами, школьными успехами. Успехи есть, и они стоят внимания. Октемберская сельская средняя школа, где вот уже более тридцати лет работает директором Мигран Манукович Овсепян, например, одна из лучших в республике. Ее выпускников можно встретить и в местном колхозе, и в институте, и на заводе — везде их отличает трудолюбие, гордость за свою школу, все они помнят своих учителей, прекрасны школьные производственные мастерские, где они овладевали секретами будущих профессий, школьный стадион за школьным садом, где добывалась спортивная слава Октемберской школы — десятки кубков, дипломов и вымпелов, украшающих стены школьного коридора. А выпускница школы 1977 года Лидия Мурадян, работающая колхозной звеньевой, избрана в 1984 году депутатом Верховного Совета СССР. Достижение учеников — это и достижение учителей.

Сам Мигран Манукович — кавалер ордена Трудового Красного Знамени и заслуженный учитель Армянской ССР. Он и его жена Вергине Артемовна, сестра Сирвард Мануковна, сын Норайр с женой Ануш, дочь Амалия были участниками Всесоюзного слета учительских династий. И там династию Овсепянов не обошли вниманием. Старшие удостоились знаков «Отличник просвещения СССР», младшие — награждены знаками ЦК ВЛКСМ «Лучшему учителю-комсомольцу». За полтора века учительства (а именно таков общий стаж трудовой династии учителей) успехам как не быть? Но общаясь с учительским семейством Овсепянов, я хотел ближе узнать самого учителя. Ведь школа — это еще и сам учитель, его психология, его характер, жизненные идеалы, традиции воспитания. Еще до поездки в Армению я не раз слышал и читал, что там — ничтожный процент правонарушении среди подростков, что в Армении, краю виноделия, где достать вино так же просто, как и воду, не увидишь пьяного подростка, что в Армении крепкая молодая семья, редки случаи разводов, что здесь свято чтут свою историю, берегут и почитают исторические памятники. Какова в этом заслуга армянского учителя?..

Современные путешествия все более укорачиваются за счет времени, сэкономленного на дороге. Раньше, бывало, чего только

не наслушается, на что не насмотрится путешественник, пока доберется до цели. Вылетев утром из Москвы, часа в четыре дня я был уже на станции города Октемберян, а через полчаса в селе Октембер. Мигран Манукович работал в саду, когда мы с его сыном Норайром подъехали к дому, назвать который сельским никак не поворачивается язык. Дом каменный, из розового туфа, с подвалом для хранения продуктов, садом, мощеным двориком, гаражом. Таких в селе Октембер, как сказал мне Норайр по дороге, более тысячи. На шесть же тысяч жителей села приходится всего две тысячи гектаров обрабатываемой земли, что создает в местном колхозе кадровые проблемы, прямо противоположные нашим. Мы с хозяином пожали друг другу руки, представились и помолчали, собираясь с мыслями. Мигран Манукович собрался быстрее меня, так как был хозяин дома, а в своем доме, как известно, даже стены помогают.

— Вот эти виноградные лозы посажены еще моим отцом, — указал он на кривые обрубки, торчащие из серой земли. — И тутовое дерево, и абрикос тоже посадил отец. Он мне говорил: «Мигран, этот абрикос обязательно меня переживет». Отца нет, мне самому уже шестьдесят, а абрикос цветет...

Как я вскоре понял, экскурс в прошлое не был продиктован профессиональными издержками Миграна Мануковича, учителя-историка. Одна из коренных черт армянского характера — ощущение постоянной зависимости человека от прошлого. И земля, и вода, и горы, и здоровье осмысливаются как результат усилий предшествующих поколений: отца, деда. Дело тут, как объяснили мне, во многом: и в исторической судьбе армян, и в их характере, и, может быть, даже в самой природе Армении. Армения — это камень, а камень живет и хранит следы веками. Жить в Араратской долине — это, между прочим, знать, что на вершины Арарата и Арагаца взирали твои предки и сто, и двести, и пятьсот, и две тысячи лет назад и что вершины их не изменились с тех пор ни на йоту — уже одно это располагает к мыслям о прошлом. Вершины двух армянских гор высятся маяками вечности, между которыми проходит не время, проходят люди поколение за поколением, передавая детям детей горы, землю, дома, могилы, предания, язык, веру, обычаи, психологию, национальный характер. Голый камень и бегущая по камням вода сами по себе рождают в душе образ времени. Интерес в Армении к истории, ее знание — явление не мной замеченное. Корень этого явления — уважение и любовь к отцу, к родителям.

Кстати, оказавшись на другой день в саду с младшим сыном Миграна Мануковича Овсепом, я услышал буквально следующее:

— Вот эти лозы посадил отец. И ту яблоню тоже. Мы жили в

доме дедушки. Этот дом построил отец в 1960 году...

Хозяин пригласил меня в дом, где нас встретили женщины — жена Миграна Мануковича Вергине Артемовна, учительница начальных классов, и сноха Тамара, «вывезенная» Овсепом из Брянска, где он служил в армии. Мы сели за стол в гостиной. И вновь, когда я попросил хозяина рассказать о себе, он начал рассказ о себе с рассказа об отце:

— Мой отец был неграмотный крестьянин, он бежал сюда в 1915 году из Западной Армении. Он мне говорил: «Мигран, я всю жизнь не знал грамоты. Может быть, все наши беды от того, что мы неграмотные. Я хочу, чтобы ты узнал грамоту, чтобы стал учителем». И я стал учителем.

Учился он в Эчмиадзине, сначала в семилетке, потом — в педагогическом училище. Диплом учителя начальной школы получил за два года до начала Великой Отечественной войны. Учительствовал в селе Араик, километрах в семидесяти от Октембера. Из Араика и ушел на фронт. Воевал, был дважды ранен, имеет награды; после окончания войны старшина Мигран Овсепян был сразу же как учитель демобилизован. Приехал в родительский дом не один — с невестой, медсестрой Дилижанского военного госпиталя Вергине Дерзян.

Я записываю девичью фамилию Вергине Артемовны.

— Вы знаете, а ведь наша свадьба была первой свадьбой в Октембере после войны! — сияя большими печальными глазами, говорит Вергине Артемовна. — Двадцать пятого ноября тысяча девятьсот сорок пятого года. Сорок лет прошло, Мигран!.. Сорок лет!..

Это время она помнит до мельчайших подробностей, помнит двадцатилетнего раненого сержанта в госпитале, первую любовь, письмо Миграна отцу, в котором он просил у отца благословения на брак, приезд в Дилижан старого крестьянина на смотрины.

Дошло дело до семейного альбома. Мне показали фотографии совсем еще юных супругов, солдатскую книжку хозяина, его боевые награды.

Я вдруг тоже завелся, вспомнил, как после войны стали приходить в наше сибирское село фронтовики: шумные и бедные застолья посреди дворов, песни, смех, слезы, пустые рукава, костыли, протезы, уродливые шрамы на теле фронтовиков, пугавшие нас, мальчишек, в бане; послевоенные свадьбы...

— Сколько работать приходилось тогда! — задумалась Вергине Артемовна. — С утра учили детей, потом с учащимися начальных классов шли помогать колхозу, дома ждал огород, а потом тетради, планы...

Ждал не только огород, но и малые дети. Сначала Амалия,

потом Норик. Мигран Манукович сразу после войны поступил учиться. И учился шесть долгих лет по 1952 год в Ереванском заочном пединституте.

— Да, — вздохнул Мигран Манукович, — тяжелые были времена...

Общие воспоминания сблизили нас; мы встали из-за стола друзьями.

Такова, видно, людская природа: познакомившись с человеком, мы стремимся рассказать и показать ему все самое хорошее. Да можно ли осуждать за это? Делиться следует лучшим. Мигран Манукович недолго думал, что показать гостю в первую очередь — Сардарапат!

Сардарапат — название персидское. Так именовалась крепость, желтые глинобитные стены которой еще кое-кому в Октембере служат забором; Сардарапатом называлась в прошлом и небольшая железнодорожная станция в двух километрах от одноименного села, на месте которой сейчас вырос молодой промышленный город Октемберян. В 1918 году здесь, за селом, на пустынном склоне, произошла знаменитая битва с турецкой армией, вторгшейся в Араратскую долину. В память о победе армянского ополчения и был воздвигнут мемориальный ансамбль, называемый Сардарапатом.

Чувствовалось, что не один урок провел здесь Мигран Манукович, рассказывая своим ученикам о битве. В его рассказе — боль и гнев изгнанного с родной земли человека, он показывает мне перевал за Араксом, за которым осталась земля отцов, и говорит о битве так, будто сам в ней участвовал.

В Сардарапатской битве участвовали отец Миграна Мануковича и его дядя Петрос. Дядя Петрос был ранен, о чем с гордостью вспоминал всю жизнь.

В 1968 году, к 50-летию победы в сражении, на месте героической битвы был сооружен уникальный мемориал. Он состоит из 35-метровой колокольни-усыпальницы с красными крылатыми быками, охраняющими ее, аллеи орлов, стены Победы, с обеих сторон которой высечены барельефы и горельефы, посвященные битве, и здания музея, в котором расположился Государственный музей этнографии Армении.

Не знаю, как поступил бы на месте Миграна Мануковича учитель математики или литературы, но как историк он поступил совершенно мудро, показав мне в тот же день местное кладбище и рынок в городе Октемберяне, эти два полюса, между которыми заключена материальная жизнь человека.

Крытый рынок поразил громадностью и обилием зелени. Снопы укропа, кинзы, петрушки, молодого лука, тархуна, реана,

пирамиды пучков редиски — все стоило копейки, несмотря на то, что была середина апреля. Без зелени здесь нет ни завтрака, ни обеда, ни ужина, к свежей, пряной, разнообразной на вкус зелени, завернутой с мягким сыром или теплым вареным яйцом в листок лаваша, привыкаешь уже на другой день. На рынке же я заметил, что большинство покупателей здесь мужчины, и попросил Миграна Мануковича объяснить это с точки зрения педагогической. Едва ли не с гордостью он ответил, что армянская семья сохранила некоторые черты патриархальности. Например, в армянской семье бюджет полностью находится в руках мужа, а не жены, как в большинстве русских семей. Сознание, что ты добытчик в семье, что в первую очередь ты, мужчина, несешь главную ответственность по обеспечению семьи, здесь прививают мальчикам с раннего детства; тому же учат и в школе.

Скоро мне довелось убедиться в кулинарных способностях мужчин. Норайр и Овсеп на моих глазах разделали кусок мясной свинины, приправили его луком и реаном, как называют в Армении базилик, и после того, как мясо напиталось соком и ароматом приправ, приготовили за домом замечательный шашлык. Сыновья Норайра Арман и Аргам весьма заинтересованно присутствовали во время мужских кулинарных таинств и получили в награду за усердие по самому лакомому куску, завернутому в лаваш.

Кадр из кинофильма «ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ».

Кадр из кинофильма «СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА».

Кадр из кинофильма «УЧИТЕЛЬ».

Сельское кладбище поразило ухоженностью, старинными каменными надгробьями, похожими на сундуки с полукруглыми крышками.

Читая надписи, Мигран Манукович нашел надгробья ста- и двухсотлетней давности. Среди них нашлись и хачкары — каменные кресты, украшенные изощреннейшей резьбой. Постояв у могилы отца и матери Миграна Мануковича, мы пошли к выходу. Здесь приходишь к мысли, что уважение к истории народа начинается с уважения к отцу, к родителям, к отчим

могилам. От надгробья на могиле отца до колоколов Сардарапата. А хранить заветы приучают с раннего детства.

Немногие из нас, отправившись в вояж с гостем, рискнули бы взять с собой двух малолетних детей, да еще и мальчишек. У Миграна Мануковича и Норайра перед поездкой в Эчмиадзин даже сомнений не было, брать детей или не брать. Потому, как вели себя в поездке Армен и Аргам, чувствовалось, что подобные выезды им не в диковинку. Да и не одни мы расхаживали по Эчмиадзину в сопровождении детей, детишки сновали и поменьше наших и числом поболе, всех поили холодной чистой водичкой из фонтанчиков, поставленных здесь в память о жертвах геноцида 1915 года.

В музее великого армянского композитора Комитаса проходила выставка произведений живописи и скульптуры известного скульптора из Америки Хорена Тер-Арутяна, работы которого украшают многие музеи мира. Как явствовало из каталога, художник решил оставить в дар родине все произведения, экспонирующиеся в Эчмиадзине. Мигран Манукович пояснил мне, что Тер-Арутян в раннем детстве пережил ужасы турецкого геноцида, семья его была вынуждена бежать из Западной Армении в Америку, но связи с родиной художник не порывал, часто бывает в Армении. С гордостью рассказал Мигран Манукович, что в Государственную картинную галерею Армянской ССР подобные дары поступают зачастую.

В одном из залов музея Норайр обратил внимание отца на мемориальную доску, гласившую, что здесь в начале века в духовной семинарии учился Анастас Иванович Микоян. Мигран Манукович как-то странно осмотрелся вокруг, выглянул в окно и вдруг сказал:

— А ведь я в этой палате лежал!..

— Как в палате? — удивился я.

— Здесь госпиталь был в войну. Палата была в этом зале, столовая — дальше. У той стены моя кровать стояла. Аргам, заметив мое удивление, стал теребить деда за рукав, требуя пересказать по-армянски, чему я удивляюсь? Дед пересказал, Аргам внимательно выслушал его рассказ.

— Ты почему мне не говорил об этом? — спросил Норайр.

— Забыл, слушай. Посмотрел на эту доску — вспомнил.

Вот так все и сливалось для малышей в одно целое — великий композитор Колиетас, работавший здесь преподавателем музыки, семинарист Анастас Микоян, ставший деятелем революции, военный госпиталь, старшина Мигран Овсепян, медсестра Вергине Дерзян, выставка армянского художника Тер-

Арутяна — все это становилось для них историей.

— Послушай-ка, дедушка, — сказал Аргам, когда мы вышли из музея.— А как же Комитас играл на рояле, если около рояля нет стула? Он что, стоя играл? И зачем вынесли твою кровать, на которой ты лежал здесь? Пусть она с роялем стоит...

Урок, как говорится, пошел впрок, но больше всех радовался «историческому» выводу внука дед...

Вечером того же дня мы пошли к сестре Миграна Мануковича Сирвард Мануковне. Она жила здесь же, в селе, но работала в городской школе. Большой дом. большой сад, большая дружная семья, живущая под одной крышей, наводили на мысль о том, что крестьянские традиции и здесь еще крепки.

Разговор в доме сестры как-то вновь повернулся к прошлому. Оказалось, сестра помнит наизусть все письма брата с фронта, из госпиталя. Я не удержался от искушения, попросил припомнить хотя бы несколько строк.

— «Здравствуйте, дорогие папа и мама! Пишу вам из госпиталя, но вы не волнуйтесь, пожалуйста, я цел и невредим, просто меня немножко поцарапало...»

— Так хорошо помнишь? — перебивает ее Мигран Манукович.

— Как стихи. И папа, и мама, — поясняет она мне, — были неграмотные крестьяне, родня наведывалась послушать письма, соседи, читать приходилось по многу раз, вот и запомнились. Да еще мама остановит: «Постой, дочка, не торопись, правильно читай. Повтори еще то место, где Мигран пишет, что цел и невредим. Вдруг ты чего не поняла, вдруг сынок тяжело ранен, ошибка произойдет, читай еще раз», — а сама плачет от радости. Отец с работы придет, тоже просит: «Не спеши, Сирвард, читай помедленнее, не на оценку читаешь».

А когда родители уходили на работу в колхоз, Сирвард собирала младших сестер, подружек и читала письма им. И представляла себя учительницей.

Мечты ее сбылись. После окончания десятилетки брат настоял на том, чтобы она поступала в Ереванский педагогический. Училась заочно и работала в школе, как в свое время ее брат Мигран. И растила троих сыновей — Аршака, Арсена и Артака. И вот уже более двадцати лет преподает в средней школе № 7 города Октемберяна армянский язык и литературу. А скоро и старший сын ее, Аршак, станет учителем. Пять раз Аршак поступал в Ереванский университет. Поступил. И как дядя Мигран, избрал специальностью историю.

— Учительская династия продолжается! — торжественно, почти хором, сказали все сидящие за столом.

— Как жаль, что с нами нет Амалии! — вздохнула Вергине Артемовна.

(Амалия Мигрaновна живет в Кировакане. Она закончила Ереванское педучилище и, как мать, работает в начальной школе уже тринадцать лет.)

Мы заговорили об авторитете учителя. По единодушному мнению собравшихся — и молодых, и старшего поколения, авторитет учителя в армянской семье очень высок. С учителем обязательно советуются по части выбора будущей профессии, и не только советуются, совет учителя подчас оказывается решающим; ученики традиционно приглашают своих классных наставников на свадьбы, на защиту дипломов, другие важные события в жизни. Готовность говорить на общие темы и вспоминать прошлое сочеталась, однако же, со сдержанностью, едва речь заходила о негативных явлениях, о конкретном. Сколько бы, к примеру, ни спрашивал я о повседневных трудностях и проблемах, разговор как-то незаметно переходил на другую тему. Очень мне хотелось услышать о народной педагогике, о воспитательных приемах в армянской крестьянской семье, из которой вышли и Мигран Манукович, и Сирвард Мануковна. Я стал просить Мигрaна Мануковича вспомнить какие-то примеры из детства, назидания и уроки родителей, которые бы повлияли на его характер, на его отношение к жизни, запомнились бы ему.

— Ну что сказать? Отец был крестьянин, много работал, семья была большая. Он мне всегда повторял: «Мигран, будь трудолюбивым, это главное...» Я это на всю жизнь запомнил.

— Мигран Манукович, а поконкретней не вспомните? — навострился я. — Может быть, поступили как-то не так или еще что-нибудь?..

Мигран Манукович призадумался.

— Вспомнил! Однажды летом я работал в саду. Отец пришел из колхоза усталый, посмотрел на меня и сказал: «Главное — будь трудолюбивым!..» Я это очень запомнил!..

Так и не удалось мне выжать из детства Мигрaна Мануковича поучительно-драматический эпизод. Грешным делом, я отнес это на счет скрытности, но, присмотревшись к отношениям между отцами и детьми в армянских семьях, я пришел к выводу, что эпизодов таких могло и не быть. Уже дома, листая томик японского поэта Басё, я наткнулся на трехстишье, в котором узнал свои армянские наблюдения:

«Нет покою от детей!» —
Для таких людей, наверно,

И вишневый цвет не мил.

Малыш в армянской семье — источник общей радости. Мне довелось побывать в нескольких домах; во всех (быть может, случайность?) были маленькие дети, и их присутствие в доме бросалось в глаза не обилием развешанных пеленок, а культом всеобщего внимания и поклонения. Детей здесь, по нашим расхожим меркам, балуют. Кто бы ни вошел в дом, где есть малыш, малышу — ласковое внимание. Молодой папаша, придя с работы, тут же спешит к своей Люсине, Марине, к своему Мигранчику, берет грудного ребенка на руки. Когда приходят гости, молодая мамаша не спешит уйти с грудным ребенком в спальню, гости с готовностью отнимают у нее ее чадо, передают его друг другу с рук на руки, как дорогой подарок. Оттого, наверное, дети удивительно отзывчивы на каждое новое лицо; пробыв в детных семьях несколько дней я не слышал, чтобы дети капризничали.

С грудными детьми, начавшими сидеть, мамы садятся за общий стол вместе с гостями. И детей постарше не спроваживают за закрытые двери, откупаясь конфетами и пирожными. Они находятся вместе со всеми, внимают взрослым разговорам, их угощают с общего стола. Все дело в том, что застольные разговоры и отношения взрослых в семейном и гостевом кругу так целомудренны, что взрослым перед детьми и скрывать-то нечего. Папы ухаживают только за мамами, мамы — за папами, тамада говорит красивые тосты, остроумные речи, пьяных за столом и в помине нет, все словно создано для того, чтобы дети учились красивому застолью, умению поддержать беседу, произнести тост за друзей, за родителей.

Нужно ли удивляться, что у подростка, знающего только такие застолья, не возникает порочного желания купить бутылку вина и тайком распить ее где-нибудь в подъезде или в подворотне? За десять дней пребывания в Армении я не видел не только что пьяного подростка, но и пьяного взрослого человека. Более того, в миллионном Ереване нет ни одного вытрезвителя. Культуре застолья, к которому дети приобщаются с ранних лет, конечно же, способствует и древнейшая культура питания Армении с ее дикими и культурными травами, пряностями, придающими одному и тому же продукту совершенно другой вкус, запах, цвет. Девушка к семнадцати годам умеет приготовить десятки простых на вид, но разнообразных по вкусу блюд, закусок, сладостей; очень развито здесь домашнее

консервирование: из обыкновенных овощей — моркови, капусты, фасоли, сладкого перца, кабачков, помидоров с помощью все тех же пряных трав — укропа, петрушки, кинзы, базилика, майорана — заготавливаются впрок десятки банок вкуснейших закусок и полуфабрикатов.

Но детей в Армении не только учат, у них учатся. Ануш Коляевна, жена Норайра Миграновича, учительница армянского языка и литературы в Октемберской средней школе, самым большим событием, повлиявшим на нее как на педагога, считает... рождение своих сыновей. Их в семье Норайра и Ануш трое. Старшему, Арману, шесть лет, младшему — три месяца. Причем забота о них не только не мешала педагогической работе, с рождением каждого сына она, по ее словам, как бы поднималась на новую, более высокую ступеньку понимания детской души.

— А после рождения Мигранчика, — Ануш смеется, — все дети в школе как свои. Как мать детей понимаю их. Когда не было своих детей — не так понимала.

Мне вспомнилась анкета, проведенная среди калининских школьников областным отделом народного образования. На вопрос, какие качества учителя вы больше всего цените, дети на первое место поставили доброту, затем — справедливость и только потом — знания...

— Дети очень чувствуют, как ты к ним относишься, — поддержал жену Норайр. — Они не хотят, противятся получению знаний от человека злого, несправедливого, черствого. И наоборот — для учителя доброго в доску разобьются.

Норайр математик, заместитель директора октемберянской школы № 2 по воспитательной работе, секретарь парторганизации школы, он хорошо знает все тонкости в отношениях между учителем и учеником, ребенком и родителем, учителем и родителем. Его выступление на слете, посвященное психологии усвоения учеником новой программы по математике, было выслушано коллегами, представителями учительских династий, с большим вниманием и принято, как говорится, к сведению при разработке новой школьной реформы. Норайр считает, что новая программа по математике не стала сложнее, стал сложнее и заумнее ее язык, что и предопределило ее провал. Если старая программа разделяла учащихся на три группы: отличников, старателей, тех, кто постигал ее с трудом, но к десятому классу порой достигал уровня отличников, и неуспевающих, то новая делила всего на две — понимающих и непонимающих. Именно в этом, в отчуждении от математики ученика-старателя, он видит нравственную неполноценность новой программы.

Норайр, как я уже говорил, работает в городской школе, но живет в селе, в учительском доме, в квартире для молодых семей. Ему можно было бы рассчитывать на благоустроенную квартиру в Октемберяне, но победила тяга к земле, они с Ануш решили строиться в Октембере. И будущий дом стоит еще без крыши, но огород и сад уже начинают приносить плоды.

— Да и мальчишек будет чем занять, — сказал он, объясняя свое решение жить все-таки в селе. — Лучшее воспитание — трудовое, особенно в наше время, когда сомнительны некоторые ценности, привлекающие молодежь. Пусть знают, как растут овощи, фрукты, чувствуют притяжение земли.

Мы долго проговорили с ним о семейной педагогике. Норайр вспомнил вдруг о моих попытках завязать беседу на эту тему с отцом.

— Я понимаю, что вы хотели бы услышать в ответ, — заговорил он, — но у нас другие понятия... Отцу ведь действительно могло хватить на всю жизнь скупого завета: «Будь трудолюбивым!» В семье деда, как и в любой армянской крестьянской патриархальной семье, авторитет главы семьи был очень высок...

И Норайр Мигранович, 35-летний отец троих детей, заместитель директора школы по воспитательной работе, нисколько не смущаясь, рассказал мне о том, как недавно собирался на встречу выпускников своего десятого класса.

— Вам это может показаться забавным, но мне нужно было отпроситься на этот вечер встречи у отца. Не у жены — у отца. И отец, прежде чем дать добро, целый час пытал меня: «Где будет встреча? Кто придет на встречу? Будут ли женщины? Будут ли танцы? Что будете выпивать? Во сколько часов вечер закончится?..» Потом еще советы мне дал, как вести себя. Понимаете разницу? У нас с годами ответственность отца за поведение сына не уменьшается, а растет. Чем старше сын, тем большую ответственность несет за него отец.

Что делает для поддержания авторитета родителей школа? Норайр Мигранович рассказал мне, что учителя не только никогда не отчитывают родителей в присутствии детей, но и не отзываются о них плохо заочно. Посягнувший на родительский авторитет учитель рубит сук, на котором сидит, так как все взаимосвязано: плох тот, кто не уважает моего отца, плох отец, а следовательно, плох и я. Отсюда один шаг до детского нигилизма, до вседозволенности.

— Норайр, — спросил я. — Если у вас взрослый заметит на улице подростков, нарушающих правила поведения, сделает он им замечание или пройдет мимо?

— У нас? Обязательно сделает. И подросток тут же исправится. У нас подросток знает, что огласка плохого поступка ляжет пятном на всю семью, на отца, на родню, он этого очень боится...

Была и еще одна проблема, занимающая меня: проблема молодой семьи. О том, что у нас в больших городах процент разводов среди молодых супругов велик, известно всем. Специалисты объясняют это явление многими причинами.

В Армении процент разводов ничтожен. Проблема эта занимала меня не сама по себе. Думаю, не последней причиной, вызывающей очерствение и ожесточение детской и отроческой души, является тот факт, что она воспитывалась в разрушающихся, конфликтующих семьях. Об устоях армянской семьи мне рассказывало старшее поколение Овсепянов и поколение молодое. Мнение их, несмотря на разницу в возрасте, было одинаковым: все дело в поддержании традиций. На армянскую свадьбу приглашается иногда до ста человек. Кажется, излишество? Ну а если молодые перед лицом всей родни, друзей, соседей как бы обязуются в том, что их чувство серьезно, что они намерены создать прочную семью? После такой свадьбы о разводе и подумать страшно. Не менее важна и такая традиция: молодожены должны жить для семьи, поскорее обзаводиться детьми. Эта традиция легко прослеживалась на семействе Овсепянов. Мигран Манукович учился, имея троих детей, Сирвард Мануковна — тоже. За шесть лет супружеской жизни Норайра и Ануш родилось трое детей. Аршак учится на первом курсе университета, но у него есть ребенок. Дети в армянских семьях не мешают молодоженам быть счастливыми, отцам добиваться своей цели.

Мы много говорим о сексуальном воспитании молодежи. Есть оно и в армянских семьях, о нем стоит упомянуть, особенно касательно воспитания девушек. Здесь заповедан культ целомудрия, идущий также от патриархальной семьи. В основе его выношенная веками идея о том, что предназначение женщины прежде всего в материнстве. Чтобы армянская женщина бросила своего ребенка, поместила его в приют, в детдом? Не бывает такого. Брак заключается не для комфорта и наслаждения, а для продолжения рода человеческого...

Всякая культура — это система запретов: моральных, поведенческих, пищевых и т. д. В армянских школах, например, запрещены танцы и дискотеки, что никого не удивляет и не шокирует, потому что в пользе запрета убеждены все — и педагоги, и родители. В то же время там переходят улицу где и когда кому вздумается даже в таком городе, как Ереван, и,

говорят, дорожных происшествий в нем много меньше, чем в подобных городах с более строгой регламентацией дорожного движения. В Армении культ модной обуви и полное равнодушие к головным уборам.

Чтобы понять культуру народа, его обычаи и привычки, пристрастия и пренебрежения, нужно хорошо знать историю, психологию, экономические условия, в которых он находился и сейчас находится. Мои проводники — Мигран Манукович и Норайр Мигранович — хорошо знали все это и с присущим Востоку гостеприимством делились своим знанием со мной. В наших культурах я замечал много сходных черт. Как на давно знакомое, оставившее след в душе, смотрел я на пейзажи Сарьяна и Айвазовского, находя рядом портреты Рокотова и Петрова-Водкина, покупал книги Саят-Новы и Севака на русском языке, видя, как покупают рядом Толстого и Горького на армянском. Но, вспоминая об Армении, о ее каменистой, цветущей земле, о ее снеговых вершинах, о памятниках Сардарапата и Эчмиадзина, а главное — о людях, с которыми довелось мне общаться, я думаю, что самое поразительное, что я открыл, — это самобытность. И заключалась она в том, что люди не торопились зачеркивать бесценное наследство, которое досталось им от отцов и дедов.

Дом на острове.
ЕЛЕНА БРУСКОВА

Почему-то я ее себе такой и представляла: неброские, но со вкусом подобранные цвета одежды, современная стрижка, чуть-чуть косметики. Молодая, следящая за собой женщина. Молодой ученый, с самого начала своей работы знающая, чем она будет заниматься. Хорошо воспитана, хорошо держится, наверное, счастливая семья, ухоженный дом. До семьи в ту первую встречу мы с Лэени Симм не дошли, потому что речь шла о ее научной работе. Для непосвященного тема звучит непривычно — орфоэматика — звукоподражание в разных языках.

И теперь я растерянно смотрела на прелестный подарок знакомого художника — рисунок, висящий на стене ее квартиры: шляпка, задорный носик, пальто колоколом, а из-под него — четыре пары ребячьих ног. Лэени и ее большая семья. Самой Лэени тридцать пять, старшему сыну Алару — пятнадцать, младшему Карелу — пять.

Жизнь остановилась в тот день, когда в траве под летним солнцем она увидела распростершееся тело мужа и, еще не зная, что случилось, поняла, что случилось непоправимое. Говорят, что инфаркт скорее настигает тех, кто о своем больном сердце не догадывается. Но это только в те страшные своей нелепой внезапностью дни казалось, что жизнь остановилась. Как ее остановишь, если рядом — четверо.

Все эти дни, что я была в Таллине, я приглядывалась к Лэени Как она успевает? Как она успевает не только привести в порядок свою уютную трехкомнатную квартиру, не только накормить и одеть, но и сходить с ребятами в театр, на концерт, почитать им, собрать дома малышей у пианино и выучить новую песню? Как она успевает не отставать от своих коллег, у которых нет ни Лэениного несчастья, ни ее радости — детей? Я внимательно наблюдала за ней: ни суматошности, ни задерганности. Она ровна и на работе, и дома. И не вызывает она жалости у окружающих. Уважение, сочувствие, удивление, но только не жалость. Жалеют слабых, сильные жалеть себя не позволяют.

— Лэени, что вам в трудную минуту помогает?

— Дом на острове.

— Кто оказал на вас в жизни самое большое влияние?

— Пожалуй, бабушка.

— Что бы вы хотели воспитать в детях?

— Любовь к дому на острове.

На следующий день я покупаю билет на самолет Таллин — Кингисепп. От Кингисеппа еще восемьдесят километров до дома...

Они уже перестали плодоносить, эти яблони, придавленные ветром и временем, а спилить их у Яана духу не хватает. Яблони заглядывают в окно рабочей комнаты отца, где все осталось, как при жизни родителей. Стеллажи с книгами, письменный стол, лампа с зеленым стеклянным абажуром, которую теперь не зажигают, потому что керосина не купишь.

Сколько бурь прошло над островом, сколько войн, а маленький дом так и стоит против большого, связанный одной судьбой. Учительский дом и школа, на которую теперь лучше всего смотреть вечером, когда подходишь к ней со стороны аллеи, оставшейся от барского дома. Голубоватые сумерки высвечивают островерхую крышу, поблескивают в узких мансардных окнах и скрывают все, что яркий день безжалостно обнажает: облезшую краску, облупившуюся штукатурку, заброшенность и запустение. Время, беспощадное время, которое не всегда свидетельство упадка. Рядом, в пяти километрах от деревни Тумала, не обозначенной даже на дорожных указателях, в поселке Оресаара — прекрасная школа-одиннадцатилетка со спортивным уклоном и школа-интернат. Сельская школа в Тумала давно закрыта за ненадобностью.

И поэтому если летом на остров приезжают в отпуск ее бывшие ученики, они стучатся в дом Ратассеппов. В дом сельских учителей, в котором все осталось на своих местах. Любимая картина матери — «Старый дуб» Э. Виральта, фисгармония отца и его скрипка, большой стол в кухне, где вечерами собиралась вся семья, кресло матери и кровати с причудливыми спинками, купленные в начале века. Они приходят в дом, в котором не прерывалась связь времен и поколений, в котором все имеет свое начало и свое продолжение, в простой и просторный деревенский дом, «родовое имение» самой бескорыстной династии в мире — династии сельских учителей.

Учитель Яан Ратассепп, отец Лэени Симм, крепкий статный человек с молодыми ироничными глазами, скрывающими, что ему уже за шестьдесят, сын учителей Ратассеппов, раскладывает на столе родительский архив, который он специально подготовил к моему приезду. Папки, кожаные коробки с тиснением, альбомы, пачки писем, фотографии, справки с печатями, записки и дневники. Надо уметь ценить все в своей жизни, чтобы сохранить и это, например, письмо: «Многоуважаемая Мария Карловна! Настоящим выражаю Вам благодарность за успешное и аккуратное преподавание и определение сына моего в реальное

училище. Понимаю, как было нелегко ввиду неправильного предварительного преподавания начинать все сначала. Дети мои помнят Вас и продолжают исполнять установленный режим...» Надо очень беречь память о родителях, чтобы не выбросить, не утерять ни листочка, ни пустого конверта, на котором по-эстонски написано: «Деньги на молоко».

В любом архиве — аромат эпохи, приметы и свидетельства времени. Стихотворение, полученное в день конфирмации, аттестат.

В любом частном архиве не только аромат эпохи, но и круг интересов, привязанностей, знаний. Открытка с памятником на могиле Песталоцци, цитата из Руссо, записанная рукой матери по-французски. На программе концерта, где исполнялись Бах и Бетховен, карандашом: «абонироваться на цикл Сибелиуса». Справка о том, что «учитель Ратассепп прослушал курсы при консерватории в Тарту, где преподавались начальная музыкальная теория, психология музыки, история музыки, методика школьного пения, дирижирование хором, хоровое пение». Список, написанный угловатым почерком матери: «Гамсун, Гайлит, Гауптман, Гауф, Гёте, Гейне, Горький, Гофман, Грильпарцер, Грибоедов, Гуцков, Гюго»... Наверное, попытка систематизировать домашнюю библиотеку.

Я ее уже видела, эту библиотеку в той комнате, что и сейчас называется кабинетом отца. Русские и французские, английские и немецкие и, естественно, эстонские классики — здесь все читалось в подлиннике. Учебники по педагогике, психологии, справочники, энциклопедии, словари.

Лежат в архиве записки, написанные каллиграфическим почерком отца: «Ушинский ставит на первый план развитие устной речи, рассматривая ее как основу для речи письменной и чтения. Самое развитие устной речи Ушинский ставил в теснейшую связь с развитием мысли ребенка, с наличием конкретного материала, который давал бы содержание детской речи...» Еще листочек: «Сначала нужно возбудить мысль ребенка, а потом уже требовать ее выражения». Начало доклада: «Гуманистический метод... эвристический метод преподавания...»

Эдуард Ратассепп, начав учительствовать в начальной школе, был мобилизован на первую мировую войну и затем направлен во Владимирское военное училище в Петрограде. Сразу же после революции он перешел на сторону Советов и был выборным (чем гордился всю жизнь особенно) командиром роты. Эдуард имел диплом «частного учителя с правом преподавания математики», он получил музыкальное образование, в совершенстве владел русским и немецким языками. Мария имела право преподавать

русский и немецкий, хотя и французским владела свободно.

Приехали они на остров Сааремаа в 1918 году, бывший прапорщик, учитель Эдуард Ратассепп, демобилизованный из Красной Армии по декрету, возвращавшему учителей в школу, и его жена учительница Мария Ратассепп.

Ехали они сознательно в глушь, в даль, на остров, отделяемый на недели от материка непогодой, ветрами, неласковым морем. Соглашались на островную сельскую школу, потому что ехали не просто работать — служить народу.

А. Ткачев, С. Ткачев. МЕЖДУ БОЯМИ.

Е. Чепцов. ПЕРЕПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ.

В. Сафронов. Я ВЕРНУСЬ.

Сохранилась биография Эдуарда Ратассеппа, написанная (по-русски!) слогом, каким теперь биографии не пишут: «Благодаря матери, умевшей иногда заставлять непреклонного отца изменить свои решения, меня отдали наконец в Юрьевское Городское четырехклассное училище... между тем страсть к учению увеличивалась все более и более, и наконец мне снова

предоставился случай продолжать образование». Сохранилось его письмо, помеченное 1917 годом: «Кому, как не нам, вышедшим из народа, не отдавать ему же долги?»

Ехали отдавать долги, готовились открыть своим ученикам двери в храм знаний, путь в который для них самих был долог и труден. И поэтому вдвойне дорог. История отделила их на время от судьбы России, с языком и культурой которой они были связаны. Но это не изменило ни их взглядов на жизнь, ни их отношения к своей профессии.

И наверное, именно это желание — не только учить, но и просвещать — заставляло Эдуарда Ратассеппа и в юности, и в зрелой жизни заниматься делами не только учительскими. Он руководил сельским хором, он организовал в Тумала сельский кооператив, защищавший права крестьян, он учил их передовым методам земледелия. Он мечтал о справедливости для тех, кто возделывал неласковую землю Сааремаа и встретил с радостью изменения, которые принес в Эстонию 1940 год. Он мечтал об изменениях общественных, никогда не пытаясь, не желая изменить судьбу собственную.

Только однажды они оба покинули свой дом. В самом начале войны учителя Ратассеппа, уже из Советской Эстонии, призвали в армию. Через два года немцы, оккупировавшие остров, арестовали его жену «за агитацию в пользу Советской власти». Сначала дело оборачивалось круто, Марии грозили расстрелом. Но помог случай в лице странного немца, допрашивавшего ее и поразившегося безупречному немецкому и тому, что она помнит наизусть «из Лессинга и Гейне». Это потом, много позже, Мария Ратассепп узнала, что Гейне в фашистской Германии был под запретом, и поэтому была убеждена, что «ее немец» был антифашистом.

Немец выслушал историю жизни Марии: она не скрывала, что муж находится в рядах Красной Армии (при этом слове офицер пугливо оглядывался на дверь).

— Как вы считаете, чем кончится эта война? — спросил он ее на последнем допросе, на котором Мария убеждала отпустить ее не потому, что дома ждут шестеро детей, а потому, что «все это бессмысленно».

— Вы, наверное, и сами об этом догадываетесь, — ответила Мария.

— Сотрудничать с нами вы ведь не согласитесь? — спросил он, уже подписывая какую-то бумажку.

— А вы и сами на это ответили, — сказала Мария.

Ее отпустили домой, запретив заниматься учительской деятельностью и вменив в обязанность отмечаться в районной

полиции.

Позже Мария Ратассепп так напишет об этом в автобиографии: «После вторжения немецких оккупантов меня сняли с места учительницы с 8/XII-1941 г. как политически неблагонадежную. С 3/VIII-43 г. я сидела в тюрьме в Кингиссеппе за агитацию в пользу Советской власти и после состояла под надзором политической полиции фашистов». И ниже совсем доверительно: «Жить было очень трудно. Кое-как прокармливались земледелием. Особенно много помогал своим трудом сын Яан».

Так получилось, что в свою школу Мария и Эдуард Ратассепп вернулись в одно и то же время. Эдуард Ратассепп отказался от предложения остаться в Министерстве просвещения Эстонской ССР, где он работал инспектором в последние месяцы до освобождения острова. С 1944 года до 1950-го, когда Ратассеппу пришлось уйти на пенсию из-за последствий военной контузии — глухоты, он был директором сельской школы в деревне Тумала.

Мы сидим в Оркесаара, в учительской школы-интерната, где на столе стоят красные пионы, принесенные в честь женского дня. Ильзе Кютт, воспитательница и преподавательница русского языка, с восторгом и вдохновением, опровергая представление о сдержанности эстонцев, декламирует стихотворение, которое она учила на уроке русского языка у Марии Ратассепп.

— Она была необыкновенной! — восклицает Кютт, словно я пытаюсь доказать обратное. — Чем больше работаю в школе, тем яснее это понимаю.

— Она была маленькой, невысокой женщиной, — говорит директор школы-интерната, — но большой, великий человек.

Мария Ратассепп ушла из школы в конце пятидесятых годов. Беспощадное время — жестокий судья, оно глушит одни жизни и ярче высвечивает другие.

Рассказывают педагоги, прекрасно разбирающиеся в методике, формах работы, принципах преподавания. Но вспоминают вроде бы обычное. Как Мария в школу приходила с корзиночкой лучших яблок из своего сада. Решивший сложную задачу (в сельской школе все приходилось делать, было время — она и арифметику вела) получал яблоко. Как пела вместе с учениками в классе, считая, что так лучше усваивается произношение. Как дарила выпускникам сельской семилетки их первые прописи. Как огорчалась до слез, если выяснялось, что ее кто-то из ребят обманул. Как вела урок, сидя на первой парте лицом к ребятам. Почему-то от этого в классе была домашняя атмосфера.

Но за этим обыкновенным и встает самое сложное. Истинный

учитель силен не одной методикой и даже не одними знаниями, а тем, как он живет, что говорит, что думает. А у сельского учителя самая трудная судьба. Кто в деревне не знает все про своих соседей? Кто к кому пришел, что готовят, почему поссорились, какие газеты читают. Семья Ратассеппов была на виду, как и все остальные. Знаменитое пироговское «быть или казаться» в деревне приобретает особый смысл.

До сих пор вспоминают, как Эдуард в плохую погоду провожал Марию под руку по скользкой тропке из школы в дом, как играл ей по воскресеньям на скрипке, как дети не позволяли матери ничего тяжелого поднимать, как никогда никто у них в семье голоса не поднимал, резкого слова не сказал.

Школа тогда, в послевоенные годы, была открыта с утра до позднего вечера. Вечером учились те, кто из-за войны свои классы пропустил. А по воскресеньям — в школьном зале драмкружок, хор. Своя сельская консерватория, свой театр. Никто не помнит, чтобы Ратассепп пожаловался, чтобы Мария Ратассепп говорила о тяготах учительской жизни. Вправду их не было? Или они их не замечали, на учительской тропе поддерживая друг друга так же, как на деревенской тропочке?

Однажды много позже кто-то из подраставших внуков придумал анкету, «как в семье у Маркса». Бабушка на вопрос: «Твое главное достижение в жизни» — ответила: «Согласилась выйти за дедушку замуж».

У Эдуарда и Марии был свой старомодный стиль отношений, и учили они тоже по старинке, без магнитофонов, лингафонных кабинетов и кабинетной системы. Но им и в голову тогда не приходило, что учением надо развлекать, делая урок интересным для всех — для ленивых и прилежных. Но в том-то и дело, в том-то и фокус, что у них ленивых не было. Ученики Марии Ратассепп и сейчас вспоминают, как она награждала не только яблоками — дополнительными заданиями. Хорошо овладевшие русским языком допускались к списку дополнительного чтения. Книжки приносила из дома Мария и раздавала их торжественно лучшим. Как они старались, как хотелось им получить эти книжечки!

Позже, когда Эдуарда уже не стало, а Мария была на пенсии, она в каникулы дожидалась «своих девочек», своих учениц, поступивших в педучилища и пединституты. Первые вопросы — чему учат и как учат. Наверное, все не так, как она привыкла. Но Мария Ратассепп, взяв тетрадочку, записывала новые названия учебников педагогики, новые фамилии известных учителей, огорчалась, что не может купить учебника по возрастной психологии.

Удивительно, но именно у старомодных людей

привязанность к прошлому не заслоняет интересов к дню сегодняшнему. А может быть, это происходит потому, что старомодность включает в себя глубокую образованность, исключающую всякую узость?

Как хорошо, что мы в последнее время внимательно относимся к памяти великих современников, что мы поняли: нельзя прерывать связь времен. На здании полтавского пединститута два барельефа: здесь учились Макаренко и Сухомлинский. Но как редко можно встретить дом сельского учителя, на котором стоят слова: «здесь жил и работал...» Как редко мы видим музей сельского учителя, труженика, подвижника, просветителя.

Чем измерить тот след, который человек, уходя, оставляет на земле? Хорошо тем, у кого рукотворная профессия. Стоят выстроенные дома, растут посаженные леса, радуют глаз краски холста, остается написанное слово, живет музыка. А чем оценить учительскую жизнь? Памятью? Количеством учеников? Кем они стали или, вернее, какими они стали? Все верно, все в счет. И все имеет непосредственное отношение к Эдуарду и Марии Ратассепп. Но есть еще один, более точный, более чистый камертон.

В семье Ратассеппов было восемь детей. Двое умерли, двоих кинула на чужбину последняя война, четверо оставшихся на острове и учившихся писать и считать в той же Тумальской школе, где преподавали родители, стали педагогами. Сыновья Яан, Вяйно и Ааду, дочь Эви.

Родители считали, что дети сами должны выбирать свой путь. И советы давали, если их об этом спрашивали. А дети советов не спрашивали. Они учились делу родителей, как учатся ремеслу в семьях, где профессия передается из рода в род. Перед их глазами был пример отца и матери, которые честно и достойно прошли выбранный ими самими нелегкий путь. Без тщеславия, суетности, с твердым пониманием своего назначения, с твердым убеждением: человек должен жить со спокойной совестью и сознанием выполненного долга. Их дети росли, разделяя эти взгляды. И поэтому пошли по учительскому пути, в чем-то повторяя, в чем-то обгоняя родителей.

Нет в Эстонии такого школьника, который не знал бы фамилии Ратассепп. Она стоит на всех учебниках химии. Вяйно Ратассепп — кандидат педагогических наук, заместитель директора республиканского института усовершенствования учителей — пришел в науку после восемнадцати лет работы в школе. Отец думал о системе индивидуального преподавания, сын взял это темой диссертации, успев обрадовать своей защитой

мать.

И теперь все рабочие тетради по химии на эстонском языке — дело Вяйно Ратассеппа. Все учебники и все рабочие тетради! А он мечтает о новом, последнем учебнике, о курсе обобщающем, систематизирующем знания. На его рабочем столе — сборник: «О нравственном воспитании в семье и в школе», составитель В. Ратассепп. Другой сборник с его статьей: «О педагогических аспектах борьбы с алкоголизмом».

Еще в те времена, до прихода Советской власти в Эстонию, когда хождение в церковь считалось обязательным, Эдуард Ратассепп говорил: надо думать не о показной вере, надо отчитываться перед своей совестью. В их семье спиртного на стол никогда не ставили. И когда отмечали восьмидесятилетие Марии в школе, в актовом зале, на столах не было ни бутылок, ни рюмок. Мать сказала: «Я не знаю, как сейчас принято. Я хочу, чтобы все было так, как всегда у нас дома было».

Мы едем в Оресаара на старенькой машине Яана, и он поднимает в приветствии левую руку и не опускает ее на руль, потому что все едущие и идущие нам навстречу ему знакомы. Это его ученики. Яан Ратассепп, хозяин дома на острове, учитель физики и математики, прекрасно окончив Таллинский педагогический институт, остался на всю жизнь сельским учителем. Тридцать семь лет учительской жизни, тридцать семь сентябрей, тысячи контрольных, отметок, сотни судеб, тысячи светлых ребячьих глаз.

Мы попытались с Яаном записать, кем работают его ученики: зоотехник, продавец, морской капитан, летчик, доярка, учительница, преподаватель вуза, портниха, инженер, опять учительница, строитель, мелиоратор, партийный работник... А потом поняли, что это невозможно: попробуй перепиши все тридцать семь выпусков, попробуй запомни, кто кем стал. Одно ясно: почти все окрестные молодые педагоги учились у него.

Кто сказал, что его судьба, судьба продолжателя сельской династии, не заметней других?

Когда Эдуард Ратассепп должен был по состоянию здоровья оставить школу, он предложил свои услуги сельской библиотеке. Ему сказали: для настоящей библиотеки и помещения-то нет. Ратассеппы отдали под библиотеку одну из комнат своего дома. Через пару лет несколько полок растрепанных книг превратились в серьезную, прекрасно классифицированную библиотеку, насчитывающую 18 тысяч томов. Сейчас библиотеки Ратассеппа нет, ее, как и школу, закрыли за ненадобностью, ибо рядом — Оресаара. Радоваться этому? Наверное, все закономерно. Но все-таки как грустно, что разлетелись по разным библиотекам книги,

подклеенные руками Эдуарда Ратассеппа, отмеченные его вкусом и его образованностью.

Осталась на острове дочь Эдуарда и Марии Ратассепп, Эви, двадцать лет проработавшая в библиотеке, основанной отцом. Теперь Эви четырнадцатый год работает воспитателем в интернате, где надо не только проверять уроки, но и пришивать мальчишкам пуговицы, латать протершиеся локти, разнимать и мирить. Они уходят из интерната, сорванцы и тихони, лентяи и зубрилы, и с ними что-то уходит. А потом вдруг приезжает вытянувшийся парень с усиками и ломающимся баском приглашает на свадьбу.

На полгода пережило мать больное сердце Ааду, преподавателя Таллинского мореходного училища, самого младшего и, как говорят братья, — самого талантливого. Но жизнь Ратассеппов-старших повторяется не только в детях — во внуках.

Осталась еще одна работа Эдуарда Ратассеппа — рукопись русско-эстонского технического словаря, над которым он работал вечерами сорок четвертого года в уже свободном Таллине, ожидая освобождения Сааремаа. Осталась тетрадка, которую он и не предлагал в издательство. Не успел? Не захотел? Хотя опыт работы с издательством у него был. В его переводе с русского на эстонский была издана книга К. Бадигина «Седовцы».

Когда я была в Таллине, в институте языка, на столе у Лэени, дочки Яана, внучки Эдуарда, лежал школьный эстонско-русский словарь, автором которого она является. В этом году выходит и первый том большого трехтомного издания русско-эстонского словаря. Один из авторов — младший научный сотрудник Лэени Симм, которая по образованию учитель русского языка.

Когда-то Мария жалела, что в сельской школе не преподают французский: «На этом языке говорили мыслители и поэты». Я была в таллинской школе на уроке французского у Лиины Ратассепп, дочки Вяйно, внучки Марии. Она ходила по классу, не очень отличающаяся от десятиклассников, не очень стесняющаяся ни меня, ни ребят, рассказывающая на хорошем французском о том, что такое participe présant и как с ним обращаться.

Лиина училась в школе, где математику преподавала ее мать Валве Ратассепп. Физике и математике в школе на острове ее двоюродная сестра Лэени училась у своего отца Яана, русскому языку у бабушки — Марии Ратассепп. Лэени поступила на русское отделение, Лиина закончила французское.

Как-то в беседе со мной Вяйно Ратассепп сказал: «Себе в класс своих детей могут брать только хорошие учителя. Плохим учить собственных детей нельзя. В школе, в классе видно про

человека даже то, чего не видно дома».

Мы все повторяемся в детях. Наши ошибки, наши привязанности, шкала жизненных ценностей, наши свершившиеся и несвершившиеся судьбы — все в наших детях...

К удивительной московской встрече лучших представителей учительских династий, которую в марте 1983 года проводил ЦК комсомола, Ратассеппы вычертили свое учительское генеалогическое дерево. В Москву приехали сын Ратассеппов Яан и его дочь Лэени Симм, дочь Ратассеппов Эви Клостер, сын Ратассеппов Вяйно, его жена Валве и их дочь — Лиина. А на генеалогическом дереве — пятнадцать человек (выходили замуж и женились дети и внуки тоже на учителях). Два кандидата педагогических наук, два преподавателя музыки (помните: дедушкина скрипка и фисгармония), из шести внуков только у одной — среднее педагогическое образование, у всех остальных — высшее.

...Мария Ратассепп умерла за четыре дня до своего восьмидесятитрехлетия. Прощались с ней в здании старой школы. Внуки играли Шопена, Бетховена, Чайковского, Шуберта. Внуки прощались с бабушкой словами из ее любимой поэтессы Л. Койдулы. Собрались все: четверо детей с мужьями и женами, девять внуков, зал заполнили поседевшие ее ученики. Вспоминали, что в последний год Мария о болезнях не говорила, не жаловалась, но всем что-то подарила. Все свои нехитрые сережки, брошки, колечки раздала.

Но разве она только это им оставила? Она оставила скамейку у сваленного дерева, где сидела в последнее время, не в силах одолеть дорогу до дома Эви. Она оставила перевязанные голубой ленточкой письма любимого человека — отца ее детей, которые они так и решили оставить — нечитанными. Она оставила им умение переносить тяготы в одиночестве и делить радости с ближними.

Она оставила им в наследство Дом на острове, начало ее жизни, продолжение их судеб.

Дважды два.
ИГОРЬ АРЯСОВ

Ох и красив же этот парень — Лойко! Рост богатырский, плечи широкие, руки сильные. А главное — один справляется с трудной работой: сам форму раствором набивает, сам тележку шестипудовую на выставочную площадку катит, неуловимым движением опрокидывает форму. На землю рядом с другими плюхается кирпич, замешенный на воде из песка и цемента. Еще две минуты — и форма, будто металлическая рубашка с накладными карманами, сложена, и снова Лойко мчит к бадье с раствором, опять вставляет закладные детали (они в этих кирпичах пустоты образуют, за что и называют кирпичи-блоки пустаками) и ну руками наполнять форму да толкушкой деревянной раствор трамбовать.

Серый от цементной пыли летит на землю пот с лица Лойко, сверкают глаза да зубы. И не поймешь, то ли одобряет, то ли сердится мастер на Мишу Турко, который вот уже неделю как зачарованный, жадными, внимательными глазами с утра до вечера смотрит за его работой, фиксирует каждое движение, будто хочет выучить наизусть. И не пугают парня ни грязь, ни тяжесть формы, ни огромная усталость, что к концу дня, как ни прячь ее за бравадой, все заметнее сказывается на скорости мастера.

Восхищает Мишу Турко результат — сплошное загляденье: на площадке ровными рядами лежат серые, сохнущие под солнцем пустаки. За каждую их сотню заказчик платит шесть злотых да еще в придачу обедом кормит. А из кирпичей этих добрые строения получаются, не на десять лет, а на целый век.

Вот бы Мише такую работу. Один, конечно, и за неделю он с непривычки даже ста штук не изготовит, а вот если младший брат Антон в подсобниках будет, тогда дело пойдет. Ведь у Миши плечи почти такие же, как у Лойко, который всего-то на четыре года старше. Просто Лойко ловчее, да и повезло ему в жизни, видимо, больше: купил форму для изготовления пустаков. Соседи говорили, будто из самой Варшавы выписывал, триста злотых платил за нее. Цена великая, три коровы за такие деньги купить можно. Мише еще отца предстоит уговорить, чтобы согласился на риск, купил форму. Но это — потом. А сейчас смелости надо набраться и попроситься к Лойко в подсобники. А Лойко — умный парень, сам догадался:

— Ну чего, Миша, не устал смотреть за мной?

— Устал, Володя. Научи меня пустаки делать, хочу на жизнь зарабатывать.

— Добре, ежели так. А что же дальше не стал учиться?

— Три раза ездил в училище поступать, не приняли даже документы. — Михаил взял трамбовку и стал яростно уплотнять вязкую массу. — А все потому, что мой отец — белорус восточных взглядов, так его прозвали. Он в девятнадцатом году в Красной Армии за Советскую власть воевал. Если бы мы сейчас в Советском Союзе жили, я бы учился.

— Это верно, я тоже не мучился бы с пустаками. — Лойко потушил папиросу. — А взгляды у твоего отца правильные. Ты его благодарить должен за то, что он вас, шестерых детей, в школу сумел отдать. Эти кирпичи делать — наука несложная. А вот знания тебе пригодятся. Наступит время — сам поймешь. Дай-ка я лишнее срежу, чтобы пустак ровный был. — Лойко набросил на форму крышку-нож и срезал бугристую поверхность. — Теперь вези сам, опрокидывай аккуратно, а то испортишь.

Михаил взял тележку за ручки. Ох и тяжесть! Но промолчал, только зубами скрипнул и медленно покатил тачку к площадке. Лойко шел рядом, искоса посматривал на парня, размышляя: «Хорошо, что он грамотный, надо будет привлечь его в нашу подпольную комсомольскую организацию. Взгляды у него правильные. Но пока, кроме заработка, ни о чем другом не думает. Впрочем, семья большая, жить трудно, а он — старший сын».

После ужина, когда отец, экономя свечу, сел у окна с книгой в руках, Михаил подошел к нему:

— Папа, у меня к вам большая просьба — купить форму для пустаков. Буду, как Лойко, на хлеб зарабатывать. Он сказал, что у меня получится, я работал вместе с ним.

Отец поднял на сына строгие светлые глаза:

— Значит, вот ты где неделю пропадал! Эх, Миша! Учил-то я вас для чего? Когда я тебя привел в первый класс, что пан Кухарчик сказал? Забыл? А я помню. Он мне сказал так: «Пан Турко, у вас очень способный мальчик. Я удивляюсь, откуда он, сын белорусского крестьянина, научился бегло читать по-польски? Но этого мало. Я удивляюсь, откуда мальчик так хорошо знает счет? Я беру его сразу во второй класс!» Тебя Кухарчик бил деревянным молотком по рукам? Не бил. Потому что ты учился отлично. И я, Миша, хочу сделать из тебя ученого человека, чтобы тебя все уважали в селе, может быть, даже, как пана Кухарчика. У него самая главная должность — учитель. А ты мне — купи форму. Она же дорогая, я знаю. А вдруг не потянешь?

— Антон поможет, — робко возразил старший сын.

— Ему только семнадцать, надорваться долго ли? Да и в хозяйстве помощник нужный, мне вдвоем с Ваней разве управиться?

— Папа, — Антон, предупрежденный братом, пришел ему на помощь, — у нас получится. Мы свои злотые будем домой приносить. Мы сдюжим. Мы же Турко, а не какие-нибудь бездельники. — Он расправил неширокие плечи и даже привстал на цыпочках.

— Ну, что с вами робить? — Отец с сожалением посмотрел на книгу, потом в окно, за которым темнело, начал моросить дождь. — Я у деда вашего землю с трудом выпросил, чтобы на ней работать и вас учить. Он мне тогда говорил: «С пера сыт не будешь, а земля всегда прокормит». Видно, и правда. Одно радует: что не в работники к графу Пляттер-Зибергу идете. Пустаки делать — занятие серьезное и самостоятельное. Ладно, рискнем.

Два года, с ранней весны до самой слякотной осени, Михаил и Антон ходили по деревням и селам, делали пустаки. Эта трудная жизнь, тяжелая, изнуряющая работа почти не оставляли места для мыслей о будущем: если и загадывали братья что-либо, то на месяц вперед, не больше.

Но пришел 1939 год, наступил сентябрь, и вместе с частями Красной Армии, освободившей Западную Белоруссию, пришла Советская власть, пришла свобода, пришла другая жизнь в село Домаши, в судьбу большой семьи Антона Викентьевича Турко.

Отец посветлел лицом. О Советской власти он так говорил односельчанам.

— Стою я, значит, у хаты, а рядом — сыны мои старшие, Миша и Антон. Ну а мимо по дороге воинская часть идет. И подходит к нам офицер, годами чуть старше моего Михаила. Напиться просит. Даем ему из криницы воды, а я его спрашиваю: «Сколько же вам лет, сынок?» А он отвечает: «Двадцать один». То есть Мише ровесник. «Сколько же у вас образования?» — «Так я, — говорит, — институт учительский кончил, двухгодичный». А национальности он оказался татарской, это на Волге-реке. Вот вам и вся агитация за Советскую власть. Мальчишка-татарин, вишь, на кого выучился. А мой сын только семь классов кончил, дальше не пустили. Так что я первым делом детей своих на учебу отправлю. А как же! Советской власти грамотные люди нужны!

Русская семилетняя школа открылась в соседнем селе всего

через три недели после прихода Советской Армии. Братья Турко вместе с сестрами Антониной и Анной пошли в пятый класс. Директор школы Михаил Васильевич Гоголушко, который был всего на несколько лет старше своих взрослых учеников, не мог не нарадоваться на их успехи. А в конце учебного года предложил трем братьям Турко написать заявления в районный отдел народного образования с просьбой разрешить им в течение летних каникул подготовиться к экзаменам за шестой класс. Разрешение пришло, и братья все лето сидели за учебниками, успешно сдали экзамены, а в сентябре сразу пошли в седьмой класс.

Но Михаилу закончить семилетку не пришлось. Из Барановичей вскоре приехали инспектора районо, посидели на уроках в седьмом классе и предложили ему и еще нескольким его одноклассникам поступить на... учительские курсы. Объясняли это предложение тем, что в каждой деревне освобожденной Западной Белоруссии с приходом Советской власти открылись школы, а учителей не хватало.

— Ну, теперь и помирать не стыдно! — радостно улыбался отец. — Это ж моя наиглавнейшая мечта сбылась: старший сын учителем будет. Да я перед ним первый за версту буду шапку ломать. И вы, ребята, — Антон Викентьевич строго посмотрел на младших детей, — должны взять пример с Михаила. Вы тоже учителями будете. Я все силы отдам. А Советская власть поможет. Какой у нас сейчас год? 1941-й! Значит, в сорок втором Антон будет заниматься на этих курсах, в сорок третьем Иван, а потом и до вас, дочки, дело дойдет.

Антон Викентьевич ошибался редко. Но на этот раз «промашка» у него вышла только со старшим сыном. После окончания учительских курсов Михаила призвали в Красную Армию. А вскоре недавний семиклассник вместе со своими односельчанами Костей Щербой, Мишей Домашем и Кешей Анисаревичем в июне 1941 года в составе пулеметной роты в течение недели преподавал уроки ненависти фашистам на переправе через реку Прут, неподалеку от молдавского города Бельцы. Их рота прикрывала отход наших частей. За семь дней фашисты предприняли больше двадцати атак. Михаил Турко не запомнил, в какой из них погибли восемнадцатилетние его товарищи Щерба и Домаш.

Перед последней атакой, утром 30 июня, от батальона пехоты и пулеметной роты оставалось двести пятьдесят человек. А когда на продырявленной пулями полуторке на высоту, где они держали бой, примчался офицер из штаба полка с приказом

отходить, из двухсот пятидесяти человек в живых оставалось только двенадцать тяжелораненых. Каким-то чудом на глазах у гитлеровцев, робко решившихся на переправу, офицер и водитель машины сумели подобрать раненых и догнать отступающий полк.

Несколько месяцев Михаил Турко «путешествовал» по госпиталям, контуженый, раненный в голову, обе руки и ногу, пока врачи не списали его вчистую. И долго, почти до самого конца войны, Михаил учился шевелить пальцами рук, держать карандаш и на всякий случай — кусочек мела.

Домой он вернулся через пять лет после того, как на Урал, где Турко работал на одном из военных заводов, пришел из Минска запрос на учителя начальной школы.

«Какой я учитель? — со страхом и сомнением думал Михаил по дороге домой. — Я же ни одного урока не провел, мне самому еще учиться надо. Но с больными руками не пойдешь делать пустаки, да и не нужны они теперь, Советская Белоруссия теперь там, в селе Домаши. И неизвестно, остался ли кто живым из родителей, братьев и сестер, ведь несколько лет длилась фашистская оккупация...»

Ранним утром 1 марта 1946 года Михаил, сойдя с поезда и протопав дюжину километров, подошел к родному дому. Дом был цел. Но кто знает, что с его обитателями?..

У колодца Михаил увидел в сыром предрассветном мраке сутулую фигуру старика. Приблизился и чуть не закричал от радости, но слезы сдавили горло, и Михаил только попросил:

— Дедушка, напиться дадите?

— Пей, сынок, — дед подслеповато глянул на него и отвернулся. Не узнал внука старый Викентий. Тогда Михаил тронул его за плечо и пригнулся:

— Это ж я, дедушка, Миша Турко.

Дед радостно охнул, повис на его руке, и они торопливо пошли в дом.

Вечером вся семья сидела за столом, и отец рассказывал старшему сыну, что Антон да Иван все-таки стали учителями, как и желал он этого накануне войны. В сорок втором году по предложению командира роты партизанского отряда имени Суворова — Ивана Михайловича Панцуркина — пошел работать в школу Антон, а затем и Иван: были братья партизанскими связными. И невдомек было фашистам и полицаям, что молодые учителя, которым позволено было ходить по деревням и селам, собирать учеников, с математической точностью собирали еще и необходимую партизанам информацию об оккупантах. Не догадывались гитлеровцы, что высокий скуластый юноша Иван

Турко, учитель математики, является автором стихотворений «Павшему партизану» и «Партизаны», какие в списках, в листовках передавали друг другу местные жители, с радостью запоминая имя автора — Янка Тутейшего (Ивана-здешнего). В июле 1944 года, после того, как выгнали фашистов из села, Антон с Иваном пошли в Советскую Армию и воевали в составе 1-го Украинского фронта до Победы...

— Ну а сейчас вы чем занимаетесь? — спросил Михаил.

— Оба теперь в школе работают, опередили тебя, — улыбнулся отец. — Так что придется догонять младших братьев. Сможешь?

— Попробую, — Михаил грустно посмотрел на свои искалеченные руки.

— Да, сынок, — Антон Викентьевич тяжело вздохнул, — нам тоже досталось. Ваню заложником брали. А меня даже на расстрел водили за то, что я Панцуркина от раны вылечил и к партизанам отправил. Какая-то нечисть донесла. Но вот я, живой, не расстреляли. Соврал я немецкому офицеру, который по-польски понимал, что было у меня до войны много земли, он поверил и отпустил. Потом уж я убег к партизанам. А сейчас бухгалтером работаю, вот на заочные курсы повышения квалификации записался, Антон с Иваном в педагогическое училище собрались, тоже заочно. Так что привыкай, сынок, к мирной жизни вместе с нами. Заново теперь ее строить надо, фашисты проклятые много чего порушили.

Через две недели Михаил Турко провел свой первый мирный урок в третьем классе Даровской семилетней школы Ляховичского района Брестской области. Это был урок русского языка. И надо же было такому случиться, что именно в этот день в школу приехала инспектор роно. Сообщил об этом директор школы Иван Павлович Ковчур:

— Вот такие дела, братцы. И собралась она в твой третий класс, Михаил Антонович. Что там у тебя по плану?

— Творческий диктант. А как его проводить — понятия не имею. Есть у меня книжечка — «Сборник диктантов». Ладно, пусть идет ко мне. Не понравится мой урок, гоните меня из школы. А тему я возьму такую — «Весна».

Конечно, волновался Михаил Турко перед тем уроком.

Инспектора роно звали Татьяной Федоровной. Она села на последнюю парту. Михаил Антонович открыл сборник диктантов.

— Ребята, сегодня у нас урок необычный, творческий диктант. Тема — весна. Я напишу на доске девять главных слов. С каждым словом надо придумать предложение. Думать будем

вместе, вслух. Лучшие предложения писать в тетради.

...Через сорок пять минут Татьяна Федоровна, грея возле печки в учительской озябшие руки, сказала:

— Михаил Антонович, вы — прирожденный педагог. Я предлагаю вам провести подобный урок для всех словесников нашего района. А мне-то говорили, что в вашей школе слабые дети. Вот уж неправда. Я поздравляю вас с успехом!

«Прирожденному педагогу» пришлось еще много учиться, прежде чем он понял, что школа — его призвание. Михаил вместе с братьями и сестрой Антониной закончил педагогическое училище, затем учительский институт, а потом — педагогический. Первые годы он преподавал в начальных классах, но в конце концов математика взяла свое.

«Надо же, все дети — учителя математики!» — удивлялся отец и постоянно поддерживал их желание знать больше и лучше. В шестьдесят он сам поступил на курсы повышения квалификации бухгалтеров. В семьдесят лет, когда вышел на пенсию, подал документы в сельскохозяйственный техникум, а после его успешного окончания самолично у каждого из детей посадил по всем правилам агрономической науки сад. Потом принялся за изучение немецкого языка. А одному из своих многочисленных внуков — Валерию Ждановичу, учившемуся в педагогическом институте, на спор написал контрольную работу по атеизму, упросил внука показать ее преподавателю и в 75 лет заработал оценку «отлично». На своей золотой свадьбе Антон Викентьевич Турко полушутя-полусерьезно сказал детям и внукам:

— Да если бы Советская власть пришла к нам не в 1939-м, а на двадцать два года раньше, я бы, крестьянин белорусский, нынче уж академиком был. Это как дважды два, ребята!

...Чтобы добраться до села, где сегодня живет и работает основатель учительской династии Михаил Антонович Турко, надо от Минска ехать три часа электричкой, а потом еще столько же на автобусе от города Барановичи.

Автобус приходит в село Своятичи к вечеру, когда навстречу ему по большаку пылит стадо, когда на высоченной лиственнице укладываются на ночь аисты, когда на полях стихает рокот тракторов и солнце начинает цеплять вершины столетних вязов и ясеней, посаженных крестьянами графини Чапской.

Рядом с бывшей графской усадьбой белеет одноэтажное здание Своятичской средней школы, где тридцать пять последних лет работает Михаил Антонович Турко. У восточных народов есть такая мудрость: «Если человек хочет напиться воды, он должен копать колодец, а не пахать поле». В кринице Михаила

Антоновича, созданной многолетним трудом его, жаждущим знаний всегда хватит вкусной, чистой воды. Сравнительно немного ездил по белу свету Михаил Турко. В детстве — это город Жешуф в Польше, куда трижды пытался он поступить в ремесленное училище. В юности — это Молдавия и река Прут, где принял он первый бой с гитлеровцами и не отступил, а затем — госпитали на Кубани, в Ростове и на Урале. В зрелом возрасте — это Брест, где учился в институте, Минск, где вручали ему орден Трудового Красного Знамени за выдающиеся успехи в деле учительском. Наконец, Москва, где на всесоюзном слете чествовали среди других учительских династий страны династию Турко. В Москву Турко поехали не все, а только восемь из пятнадцати человек. Общий же стаж педагогической работы у этой нынче знаменитой в Белоруссии фамилии приближается к четырем векам. И невозможно сказать, сколько же учеников было, есть и будет у учителей по фамилии Турко.

Пять лет назад, когда вроде бы и возраст подошел, и раны фронтовые дали о себе знать, оформил Михаил Антонович официально пенсию. И однажды задумал подсчитать, кем же стали его бывшие ученики. Память у математика Турко отличная, имен и фамилий помнит он множество. Но и она не дала точной цифры. Тем не менее 73 человека стали учителями, из них 28 — математиками, а Машенька Дмитрук (она же — Мария Александровна) преподает нынче математику в Брестском педагогическом институте. Сорок шесть учеников стали инженерами, почти пятьдесят — врачами, двадцать — офицерами, пятнадцать — юристами, больше ста работают бухгалтерами, агрономами, зоотехниками. Густав Сергеевич Мазуркевич — теперь доктор медицинских наук, живет в Ленинграде. Отделом культуры ЦК Компартии Белоруссии заведует Иван Иванович Антонович — также ученик Михаила Антоновича. Список этот можно продолжать долго.

Но не только званиями учеными своих бывших воспитанников гордится Турко-старший. Своятичи — отделение колхоза «Беларусь». В хозяйстве этом живет и работает 1200 колхозников. Чтобы стать дояркой, здесь надо записаться в очередь, а одна из самых уважаемых профессий — механизатор. И трудно найти в колхозе человека, который не учился бы в школе у Михаила Антоновича Турко. Сегодня он преподает математику уже внукам своих первых учеников.

Недолго выдержал на пенсии старший Турко, снова пошел в школу. Возвращению его никто не удивился, приняли как должное.

У Михаила Антоновича сын — Михаил, окончивший с

отличием Минский педагогический институт, работает сельским учителем математики, так же как супруга его Галя. У братьев — Антона и Ивана не только жены работают в школе, но и дети — тоже учителя...

В третьем часу дня закончился экзамен по геометрии, написаны все протоколы, и мы с Михаилом Антоновичем медленно идем к его дому большаком на край села. Неожиданно Турко сворачивает влево, и я, зная, что ему трудно много ходить — болят ноги, удивляюсь. А Михаил Антонович, могучий, крепкий еще человек, кивая каждому, кто встречается на велосипеде ли, на телеге или за рулем автомобиля — все его ученики, — останавливается возле огромной лиственницы, за которой начинается неприметный овраг, заросший высокой травой. И, протягивая вперед руку, говорит:

— Вот здесь отец мой, Антон Викентьевич, под фашистскими автоматами стоял, вот где мы с вами. И Ивана сюда водили, стращали, хотели, чтобы сказал он, куда отец скрылся. А Ваня промолчал. Кстати, та форма и тележка для пустаков, честное слово, до сих пор цела. Брат мне как-то недавно, когда приезжал в гости, говорил, что в сарае лежит. Мы с Антоном ему вроде как по наследству передали ее. А сараи, какие из наших пустаков были сложены, и сейчас стоят. И думаю, еще долго стоять будут. Почему? В них, кроме воды, поту нашего много. — Михаил Антонович улыбнулся близкому своему прошлому. — Ну, пора домой, а то уж бабушка наша, Янина Александровна, с внуками заждалась нас.

Грузные серые облака, начиненные дождем, медленно перекрыли горячее солнце. Пыль на большаке посерела, стала тяжелей. Перед самым домом, предпоследним на выезде из Своятичей, вдруг догнал нас чей-то девичий голос:

— Михаил Антонович!

Мы оглянулись. По большаку, поднимая пыль, мчалась на велосипеде краснощекая от смущения девушка в белом школьном фартуке, в левой руке — портфель, в правой — букет огромных пионов.

— Михаил Антонович, ну как же вы?

— А что я такое сделал? — Турко поднял голову и сощурил светлые глаза, из которых, видимо, порыв ветра, выбил слезы.

— Так эти цветы вам. А вы их забыли!

У старой реки два русла. ТАТЬЯНА ЦЮПА

Автобиография проста и коротка. Жизнь длинна и сложна. Постулаты эти не новы. И тем не менее.

Герои очерка, о которых пойдет речь, реальны, жизнь их сложилась так, а не иначе. Это учительская династия. Каждый из них достоин рассказа, каждый истово служит, говоря старомодным языком, на ниве просвещения.

Однако профессия этих людей не предполагает демонстрации всех сторон их личной жизни. Они имеют дело с учебниками и должны быть для них определенны, четки и даже несколько загадочны. Чрезмерное знание учениками личной жизни преподавателя отвлекает, мешает восприятию знаний. Кроме того, мне кажется, для большего эмоционального воздействия при воспитании детей преподаватель (в глазах учеников, конечно) должен быть лишен слабостей. Поэтому имена некоторых героев изменены.

Первый сон из прошлого

А сна-то как раз и не было. Так, обрывки, бессонница.

— Никогда, слышишь, никогда не говори мне этого слова! — крикнул он Илве. — Я его ненавижу: компромисс! Я не признаю этого!

И осекся.

Они все удивились: и Аусма и девочки. Оярс редко повышал голос. В этих местах не принято кричать.

— И вообще нельзя врать. — Он постучал костяшками пальцев о тетрадку, которую проверяла Аусма. Хотел сдержаться и не смог. — Врать глупо!

— Я вру? — глаза Илвы потемнели. — Я попросила тебя: не спрашивай меня завтра.

Ах, как плохо кончился вечер! Лучший вечер в ее жизни. И танцы, и зимняя дорога, и сосны, что шумели так таинственно, — все напрасно! И стихи Павила Розита:

Усталости не зная,
Полмира облети.
Судьба твоя такая —
Далекие пути!

Она уедет отсюда, вот что. Кончит школу и уедет.

Корабль вот-вот отчалит.
За ним, о сердце, в путь!
Свой берег без печали
Оставь, покинь, забудь!

Музыка и стихи продолжали звучать в ней. Илва не понимала, не хотела понять гнев отца.

Аусма поняла. Она закрыла тетрадку. Красиво написано. Способный мальчик Арис. Может быть, он станет поэтом?

Мальчик вырос, окончил с отличием сельхозакадемию и стал начальником гаража. Прекрасным начальником гаража. Но это было потом, позже.

«Среди ночи он проснулся, — писал Арис в синей линованной тетрадке. — Ему было покойно и легко».

Это вранье. В его возрасте спят крепко. Если только не стучат в дверь. Громко, требовательно. А это страшно.

Летом 1941 года, когда Латвия еще не была полностью оккупирована немецкими фашистами, из тайных убежищ выползли кадровые офицеры и унтер-офицеры латвийской буржуазной армии, айзсарги и прочий сброд, изгнанный народом в 1940 году. Началась расправа с мирным населением. Тем, кто уходил из районов, занимаемых оккупантами, стреляли в спину.

* * *

Жестяной двухметровый петух повернулся и кивнул мне. Вообще-то он крутился в зависимости от погоды: в дождь глядел на озеро, в сушь отворачивался. Но тут такое дело!

Снег начал падать вечером и шел всю ночь. Он засыпал еловый парк, черепичные крыши, замел дороги. Когда приезжаешь в маленький город, кажется, что он ждет тебя. В большом — не так, там ты чужой.

Затерявшийся в лесах городок простодушно открывал свои легенды, историю, свою жизнь. И даже развалины древней крепости будто ждали меня. Это был древний город, а люди в нем жили молодые, много молодых людей.

Старинная аптека, сколько ей лет? Двести? А Иветте,

провизору? Чуть больше двадцати.

— Иветта, что вас больше всего радует?

— Стихи...

— Какого поэта больше всего любите?

— Вейденбаума... Ездили к нему с нашей классной руководительницей Аусмой. Это недалеко от Цесиса. Ходили там и читали стихи. Над нами немного смеялись, но это неважно.

— Иветта, но ведь Эдуард Вейденбаум умер более девяноста лет назад!

— Я знаю, — она поскучнела. — И при жизни его не было опубликовано ни одного стихотворения. Но Аусма так рассказывала о нем, что казалось, он встретит нас где-то за поворотом. Мы и по родным местам Райниса ездили, и Лайцена — это недалеко. И еще Аусма руководила драматическим кружком. Я была маленького роста и играла мальчишек.

— А кто играл героинь?

— Разные. Чаще всего девочка из старшего класса — Ария. Она работает здесь, в городе. Хирург.

С Арией мы встретились в горкоме комсомола.

— Что вы удивляетесь, — смеется она. — У нас, молодых, руки сильные, глаз верный, память хорошая.

— Не слишком самоуверенно?

— Уверенно. Хирург должен быть уверенным. У нас много молодых врачей. Вон жена Арманда, — она кивает на моего гида и переводчика, — главный гинеколог города. А ей 27 лет.

...Тихо в старинной гостинице, потрескивает камин, пахнет березовым дымом. За окном ночь, светлая, лунная. Удивительный город, колдовской. И герб у него удивительный — шапочка. Герб из легенды: о невесте, о нелюбимом женихе, о любимом парне. В день свадьбы девушка молила о буре, и буря пришла и смела деревню. Все утонуло в озере, плавали на водной глади лишь шапочка и фата. Они и сейчас видны; круглый островок и длинный.

А может, это и не легенда? Ведь утверждал Арманд, что если встать в ясную погоду вон на той горе, то видна в озере старая деревня. Арманд человек серьезный — заведующий отделом горкома комсомола, не будет же он шутить!

Тишина какая! Это от снега. Он падает отвесно, хлопьями. Как завтра доберусь в село, вдруг заметет дорогу?

А они задали загадку, эти бывшие ученики. Сначала просто. Врач должен любить людей, провизор должен любить людей. Аусма научила их любить стихи. Любить поэзию — любить человечество. Простая формула. А вдруг примитивная? И еще классная руководительница организовала кружок Красного

Креста. Может быть, это влияние личного обаяния? А знания? Ведь Ария поступила сразу без всяких там репетиторов и подготовительных курсов. И она сама сказала, что большую роль в этом сыграла начальная школа и преподаватель точных наук Оярс Озолс. А любимая учительница — Аусма.

И Арис, мальчик, который писал красивые сочинения. В школе он брал призы на математических олимпиадах, а потом с отличием окончил сельхозакадемию.

— Прекрасный учитель Озолс, — сказал Арис. — Только строгий очень. Строже всех спрашивал свою дочь Хилду. Она училась в нашем классе. И потом, знаете, на его уроках мне было иногда скучно.

— ???

— Все объяснял, объяснял, чтобы самому последнему отстающему было ясно. А мне было ясно сразу.

— Вы, Арис, секретарь комсомольской организации совхоза. Вы сказали, что у вас 59 комсомольцев. С кем вы больше всего возитесь? У кого работа кипит или у кого из рук все валится?

Смущенно улыбается:

— Отстающим, конечно, больше внимания. Только правильно ли это?

Вот и я тоже не знаю: правильно ли. Сижу сейчас в гостинице и думаю: пустяковый ли это вопрос или проблема?

Второй сон из прошлого

Какая красивая девочка! Как легко скользит она по льду. Сверкают бенгальскими огнями коньки, чудом держится на затылке красная шапочка. Интересно, все красивые девочки носят красные шапочки?

Ее зовут Аусма! Аусма по-латышски «заря». Девочка-заря.

— Ты не любишь стихи, — возмущается она, — я не могу в это поверить!

Почему же, он любит стихи. Потом, много позже, он прочел книжку Таливалдиса Брички. Она называлась «Распустившиеся березы». И Оярсу показалось тогда, что это про них, про него и Аусму.

Когда, бывало, вызванный к доске,
Я отвечал урок свой неумело,
За партой, от меня невдалеке,
Ты за меня встревоженно краснела.

Нет, он не мог сказать, что не любит стихи. Но любовь эта была сложная, ассоциативная, болезненная: он хорошо помнил, как в Сигулдском замке, где в 1940 и 1941 годах хозяевами были писатели Советской Латвии, во время войны размещался немецкий штаб главнокомандующего северной группой восточного фронта генерал-полковника Линдемана, который в 1944 году участвовал в покушении на Гитлера.

От мести Гитлера ему уйти не удалось. Его сменил генерал-полковник Шернер. Автомобиль Шернера часто носился по латвийским дорогам, а сам генерал охотно упражнялся в опрокидывании крестьянских повозок.

* * *

Не замело дорогу до села. Да и трудно ее замести — дороги здесь прекрасные, и езды минут двадцать. Директор сельской школы Айна Яновна. И опять ощущение, что нас ждали. Пьем кофе, в котором плавает кусочек лимона. Сахара нет. Зато на маленьком, красиво сервированном столике — мед. Айна сама занимается пчелами. А муж — цветами.

Школа стоит на горе красивая, освещенная солнцем, окаймленная снегом. Так и светится янтарем! Ей уже 120 лет. Но Айна не хочет, чтобы я умилялась. Она и гордится, что школа такая старинная, с историей, традициями, но и сердится. Нужны новые помещения, новые кабинеты. Вон какие сейчас на восьмилетку возлагаются надежды. А ведь в школе 118 учеников.

Мы ходим из класса в класс, глядим кабинеты, стенды, вернее, Айна показывает, а я смотрю. Но в одном из классов идет урок, учитель явно рассержен нашим появлением. Мы выходим, суетливо толкаясь в дверях.

— Это математик, — осторожно сообщает Айна. — Мой муж.

Ах, как я люблю, когда женщины с почтением относятся к своим мужьям. Как навязла в зубах наша независимость, наша эмансипированность.

А школа жила привычной жизнью сельской школы. Ребята работали на каникулах в совхозе. Преподавали им не только учителя, но и агрономы, зоотехники, инженеры. В пятом читали курс профориентации, в шестом занимались животноводством, в седьмом — совхозным строительством. И участвовали они не только в математических и химических олимпиадах, а и в республиканских конкурсах молодых строителей. И даже заняли в районе первое место, а в Риге поделили третье и четвертое с

Даугавпилсом.

Преемственность поколений... Может быть, она и в том, чтобы получить в награду поездку в Таллин и поехать туда вместе с работниками фермы, которым помогали выращивать телят?

Может быть, преемственность в плодах труда, которые старшие оставляют младшим? «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы? В веке железном, скажи, кто золотой угадал?» — спрашивал Пушкин.

Да, конечно, в труде. И в доброте, вероятно. Доброта и милосердие должны быть вечно.

Хрустит снег под сапогами, прыгает синица на еловой лапе, нахально переходит дорогу независимая ворона. Мы идем в другое здание школы, более новое, менее красивое. Здесь занимаются младшие классы.

«Корабль вот-вот отчалит...» А ведь Илва осталась.

— Ребята, что вы видите на этой картинке? — идет урок русского языка, Илва волнуется и говорит с довольно сильным акцентом.

— Детей, они играют в мяч.

— Какие могут быть дети?

— Большие! Маленькие!

— Умные! Добрые!

— А это что?

— Снеговик!

— Что вы можете о нем сказать?

И неожиданное:

— Его жалко! Он растает.

— Он устал стоять.

Есть точка зрения, вполне научно обоснованная, что если бы не было доброты, человечество не состоялось. Без милосердия, без заботы о ближнем, без альтруизма.

В ребенке надо вырастить веру в добро и справедливость. Иначе, писал В. А. Сухомлинский, он никогда не сможет «почувствовать человека в самом себе, испытать чувство собственного достоинства».

Почему-то уроки в сельских школах производят впечатление откровения. Учитель и ученики как-то заодно, вместе.

Другая школа, в другом краю — в селе Заборье Рязанской области. В той самой школе, куда за девять километров бегал с кордона Ваня Малявин, герой Паустовского. Почти столетняя эта школа притулилась около замечательного рязанского леса, около сосен и берез. Тишина стояла окрест такая, что, кажется, слышно было, как опадают листья. Начинался холодный осенний день. Холод пришел накануне, в один момент, что-то около полудня,

сменив затянувшееся лето. На дворе было зябко и неуютно. Может быть, поэтому особенно праздничным показались нам теплый класс, аккуратно подстриженные белобрысые затылки ребят и яркие капроновые бантики девочек. На окошке цвела герань и ставший теперь редкостью ванька мокрый.

Шел урок ботаники, и вел его директор школы Вячеслав Павлович. Маленький, верткий, он быстро ходил, вернее, катался, по классу.

— Знаете ли вы, ребята, что раньше цветы картофеля дарили невесте на свадьбу? — спрашивал он заговорщически.

Ведь он, директор, сам кончил эту школу, ученики работали на каникулах в поле, а надо же, простые вещи о картошке говорил так, что заслушаешься. Ах, Вячеслав Павлович, Вячеслав Павлович, я так и не поняла, прекрасный ли вы учитель или хороший артист. А может быть, учитель и должен быть артистом немного.

А потом урок продолжил Герой Социалистического Труда. И рассказывал он, какие сорта сейчас наиболее вкусные, и как их лучше убирать, и при помощи какой техники. И урок был праздник, и картошка открывалась нам как ярмарка, звонкая и цветастая.

Простите меня за реминисценции, но у меня тоже был свой урок о картошке. Давно, в московской школе военного времени, где при занятиях в вечернюю смену мы опускали светомаскировку на окна. Это была средняя женская школа, сидели мы в валенках, бурках, а одна девочка пришла однажды на урок в одном черном, другом — белом валенке. Теперь она доктор наук.

Урок о картошке был таков. Появился новый сорт — «лорх». Превосходный сорт. А картошки было мало. А весной нам надо было ее сажать на вскопанных газонах, поделенных жильцами больших каменных домов на грядки. Так вот, эту картошку, этот «лорх» можно было сажать «глазками». Теми самыми глазками, которые мы теперь недовольно обрываем весной с проросших клубней. Каждое время дает уроку свой эмоциональный оттенок.

Илва вела свой урок. Она учила русскому языку, учила сопереживанию, состраданию, учила познавать скорее не знания, а эмоциональный мир. Красивая, темноволосая, с влажно блестевшими глазами, Илва была воплощением оптимизма: да, конечно, центр перенесли из села в соседнее. Но молодежь, если хочет, найдет, чем заняться вечером. В понедельник идет автобус в Колберг — там хор, в среду — баскетбол, в субботу — танцы. Она пока только на хор успевает — двое маленьких детей. Но скоро дети подрастут! Правда, она еще выращивает телят, тоже хлопот с ними полно А ведь надо готовиться к урокам!

И. Ильинский. ЛЕНИН ПРИЕХАЛ.

И. Шевандронова. В СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ. ЧИТАТЕЛИ.

С. Григорьев. ПРИЕМ В КОМСОМОЛ.

Первые классы — это так ответственно! Были они летом с мужем в Армении на экскурсии. Теперь переписываются с учителем оттуда. Обменялись букварями. О, буквари, это такая проблема! Это ведь первая книжка ребенка. А что, например, скажет маленькому человеку абстрактный рисунок и подпись: дерево. Городскому кругозор не расширит, а сельскому сузит. Дерево — это и ель, и сосна, и береза, и дуб. А у Нагибина есть даже рассказ «Зимний дуб». Дети попадают в абстрактный мир,

где просто собаки, просто птицы, просто звери. Конкретный зверь приобретает у них обличие Чебурашки. А ведь ребят ждет реальный сложный мир, в котором им предстоит жить и к которому мы их плохо готовим.

— Илва, вы никогда не идете на компромисс с совестью?

— Никогда!

Третий сон из прошлого

(Сны идут не в хронологической последовательности, на то они и сны.)

Он был маленького роста, во всяком случае, ниже ее. Во всяком случае, когда она надевала туфли на каблуках.

— Ты теперь страховой агент? — встретив его на улице, спросила она насмешливо. — Ну и как?

— Хорошо, — ответил он. — Этот труд ничуть не хуже другого.

— Конечно. Но ты хотел стать учителем, помнишь? Может быть, скажешь, что раздумал? Ты просто трус, вот что! — красная шапочка подпрыгнула на ее голове.

Какая злая девочка!

* * *

— «Собрались кони со всего света — черные, чалые, гнедые, саврасые, вороные и в яблоках — и сказали:

— Если машины победят — мы все погибнем. Сделаем так, чтобы один конь был вечным!

Так они решили, что вечный конь будет синим. Это цвет мечты и надежды», ну, все, — Аусма Донатовна захлопнула книгу. — Теперь играй гаммы.

— Бабушка, но я же не знаю конец! Я не могу заниматься музыкой. Я все время буду думать, какой же конец!

— Ладно. Слушай. «Тот, кто едет верхом на Синем Коне, весь мир видит синим. Черемуха для него синяя, заяц синий, даже гриб-дождевик и тот синий.

Вот почему латыши говорят: синие чудеса!

Синий конь — синее чудо. И тот, кто едет на нем верхом, видит синие чудеса. Правда, он почти никого к себе не подпускает. Разве только некоторых поэтов».

— Но если у вас есть немного синего овса... — рассмеялась Илва и толкнула дверь в комнату. — Есть у вас горсточка синего овса? — затормошила она сына. — И, обращаясь ко мне, кивнула.

— Это моя мама, Аусма Донатовна.

— Я догадалась.

Все она делала вдохновенно: и заваривала кофе, и читала сказку внуку, и рассказывала о своих учениках. А сколько их было за 39 лет преподавания! Фотографии, где она, классная руководительница, со своими учениками, фотографии взрослых учеников, фотографии их свадеб, письма: «Добрый вечер, моя любимая бывшая учительница! Не могу я пережить, что не могу быть с Вами на слете...» (20 лет после окончания школы). А дальше рассказ о работе, о школе, где преподает автор письма. Врачи, агрономы, зоотехники, провизоры — ее бывшие ученики, разные специальности, разные люди. Аусма говорит о них восторженно, как бы предлагая вместе удивиться и обрадоваться, какие они замечательные.

А четверо ее учеников преподают в той же школе, что и учились: Ливия — историю, Эрике — физкультуру, Инесс — учит латышскому языку и литературе, к тому же она пионервожатая.

«О, Инесс», — Аусма всплескивает руками и переходит полностью на латышский.

Я беспомощно смотрю на Арманда, Арманд не менее беспомощно смотрит на меня: «Это непереводимо». И пытается отрывочно: «О, Инесс... когда она поступила в университет, она приехала такая солнечная, такая радостная», — Арманд поворачивается ко мне. — Она рассказывает, как кто учился, но в таких выражениях, нет, это непереводимо, но попробую: «Ноги еще пола не касались, когда мальчик сидел на стуле, а он уже был умудрен...»

У Аусмы крупные черты лица, коротко стриженные волосы, и трудно было ожидать от нее столь возвышенную речь.

«Столь коротка и ничтожна минута, — писал Райнис. — Но вспомни, что в сутках только 1440 минут. И немногим более полумиллиона в году. Тебе отпущено хорошо если 25 миллионов минут: смотри, чтобы ни одна из них не пропала бесследно».

Ее радовали стихи, ароматы летних лугов, сияние озер, зимние вьюги. Она пятнадцать лет руководила хореографическим кружком не потому, что хотела вырастить из ребят танцоров, а просто потому, что танцы — это радость, это народная культура. А потом организовала драматический, и ставили там пьесы русских и латышских писателей, и играли ребята вместе с родителями. И в этих танцах, в этих пьесах взрослые передавали свою молодость молодым. И жизнь продолжалась.

Да, конечно, Аусма учила латышскому, литературе и истории, ее цель, чтобы ученик получил соответствующее образование. Но не только это. Главное, чтобы он был прекрасен,

умен, чист.

— А детей своих я не воспитывала, — говорит она. — Похвастаться не могу.

Она никого не воспитывала. В общепринятом значении этого слова. Просто жила. А жизнь вокруг нее была любопытнейшая, наполненная интереснейшими людьми, их замечательными мыслями, красками, звуками. И они, ученики ее, подхваченные круговоротом, тоже с таким же удивлением ждали новый день, который обязательно дарил им что-то. Иногда это была новая пьеса Упитиса, иногда урок, где она рассказывала им о Кришьянисе Бароне, собирателе народных песен, дайн. Иногда это были луг, поле, лес. А то и просто муравейник, который они охраняли. И все это было увлекательно, облачено поэзией, новизной, символикой. Дуб и липа становились для них не просто деревьями, а символами мужского и женского начал. Нежность и сила являлись для них олицетворением вечной связи поколений, постоянного возрождения народа, связи его с природой.

Она была доброй и мягкой учительницей и так радовалась, так удивлялась удачным ответам, что становилось наслаждением блеснуть на уроке знаниями, узнать и рассказать что-либо больше учебника.

Говорят, что даже ремонт в школе они делали с упоением. Но здесь, правда, были аналоги — Том Сойер, красящий забор.

«Добрая, нестрогая, веселая», — так вспоминают ее бывшие ученики.

Четвертый сон из прошлого

— Мы уедем отсюда, — решительно сказала Аусма тогда, там, в селе. — Мы поедем в Рязань, Казань, в Сочи. Хочешь, в Сочи, Оярс? Мы увидим новые места. Ты будешь преподавать физику, математику и географию, как здесь. А я танцы. Народные танцы. Не только латышские, но и украинские, белорусские, молдавские. Я выучусь. Ты же знаешь, я легко учу танцы.

— Нет, — ответил Оярс тихо. Он говорил еще тише, чем всегда. — Мы останемся здесь. Только переедем в мое село, туда, где я родился.

Придорожный большого карьера песок,
Ты, кружась, обвиваешь мне ноги.
Те, кто здесь родились, весь назначенный срок
Исходили по этой дороге.[1]

Аусма молчит. Она сидит в своем директорском кресле и молчит. Слишком большая, слишком красивая. Может быть, она думает о том, как приехала сюда работать пионервожатой? Или как назначили ее директором и она позвала его преподавать здесь, в ее школе? Нет, для таких воспоминаний она слишком конкретна.

— Но ведь комиссия закончила проверку. Ничего не подтвердилось, — роняет Аусма. — Чего ты опасаешься?

— Марта, ты мне веришь, Марта? — Оярс обращается почему-то только к сестре. Ему кажется, что он кричит громко, во весь голос. А говорит он тихо, совсем тихо. — Мне нечего бояться.

Почему он должен бояться? Он рассказал все честно, ему поверили еще тогда, после войны, его приняли в институт, он заочно окончил его.

А под утро другой сон. И уже не Марта и Аусма в маленьком кабинете сельской школы, а Юлиус Сирмайс, спокойный, жесткий, внимательный, чуть прищурившись, смотрит на него.

— Юлиус, а ты мне веришь?

Сирмайс улыбается чуть иронически, он всегда так улыбается.

— Я и тогда тебе поверил, помнишь, в 50-м году? Тебя заставили, ты был слишком молод. Ты талантливый педагог.

Оярс никогда не был красноречив, но все кричало в нем: да, я работаю, я преподаю физику, математику, географию. Это мое дело. Но я всегда, всю свою последующую жизнь старался научить ребят сделать правильный выбор, сколько бы им лет ни было. Я хочу, чтобы они никогда не повторяли моих ошибок, никогда не были бы пассивными.

Но Оярс молчит. Молчит и Юлиус, блестят стекла его очков, и не видно насмешливых глаз.

Тогда он работал в горкоме партии. Он все понял, Юлиус. Он имел право понимать, имел право прощать — во время оккупации фашисты его, четырнадцатилетнего мальчишку, бросили в тюрьму.

Он сейчас директор школы в Алуксне. Школы, где у входа на мраморной доске имена первых комсомольцев, погибших в борьбе с врагами Советской власти, с врагами латышского народа. Как он там, сухощавый, скептический, резковатый?

— Иди, Оярс, — говорит Юлиус, тогда, в 50-м году. — Работай.

* * *

И уехали они в его родное село. Голубая дуга лесов вокруг, ясные озера, школа на пригорке. И живут они здесь уже тридцать лет и три года. И столько же преподают в этой школе. И родились у них три дочки: Хилда, Илва, и Лаймдота. И стали все они учительницами. Одна — музыки, другая — русского языка, третья — учит уму-разуму самых маленьких. Две уехали, а третья осталась. Илва осталась. Впрочем, об этом мы уже говорили. И все эти годы живут они в маленькой казенной квартирке, в доме, где почта.

А сестра уехала в Алуксне. Она очень способная, Марта. Все у нее просто и легко. Поступила сначала на филологический. Посмотрела на доску, увидела себя в списке принятых, а на той же доске объявление — продолжается прием на математический, тогда не хватало математиков. Пошла сдавать туда. И там приняли. Вступила в комсомол, потом в партию.

...Чучела птиц выглядывают из-за колб, весов, трубок, разных физических и химических приборов. Свернутые диаграммы, таблицы, старомодные панорамы, такие уж и в провинциальных музеях не водятся.

Молодой преподаватель, новый преподаватель, по-наполеоновски скрестив руки на груди, смотрит на нас, поглядывает на экспонаты чуть насмешливо, чуть обиженно. Он не выкинул все эти допотопные самоделки — просто вынес их в чулан. Ну что ж, это справедливо. Он все хочет сделать по-своему, современнее, что ли. Имеет право. Выпускник Рижского университета, приехал в дальнее село вместе с женой, тоже преподавателем. Новое время. Новые требования. Справедливо.

А Оярс гордился своими физическим и химическим кабинетами. Все каникулы мастерил с ребятами, готовили пособия. А потом возьмут и махнут в Карелию, например. А зимой сидят на занятиях технического кружка, ремонтируют учебники, наглядные пособия и вспоминают: ночевки у костра в палатках, испуганный крик ночной птицы, истории разные смешные.

Просто читать, просто мастерить, просто учить, нет, не то. Это ведь не развлекательная программа. Это школа, школа-восьмилетка. Она-то и должна дать основы образования и нравственного воспитания. Даже песни, которые Оярс пел с учениками и с дочками дома, имели свою «воспитательную нагрузку».

«Народные песни чрезвычайно многогранны, как и жизнь целого народа., которую они во всех подробностях изображают... Правильное и полное освещение народных песен дается правильным и полным пониманием жизни и мироощущения

народа, судьбы его, сердца и духа, — писал К. Барон в 1890 году. — Образцом для себя почитаю саму народную жизнь, коей духовная сторона суть народные песни, так сказать, душа для тела».

...А химию он любил какой-то особенной любовью. И Менделеева почитал более других ученых. «Гениальный», — назидательно подняв палец, говорит Оярс Эдгарович. Достает какую-то тетрадку и читает вслух из «Заветных мыслей» Дмитрия Ивановича: «Дело обучения лежит на совести учителей» и еще: «Истинно образованный человек найдет себе место только тогда, когда в нем с его самостоятельными суждениями будут нуждаться или правительство, или промышленность, или, говоря вообще, образованное общество; иначе он лишний человек и про него написано «Горе от ума».

Сон, который повторяется

— Открой, — говорит он матери. — Открой, все равно придется открыть.

Волостной староста стоит, широко расставив ноги, постукивая кнутовищем по сапогам. Этим же кнутовищем он стучал в дверь.

— Ну что, — говорит староста, усмехаясь, — твой сынок все еще болеет этой детской болезнью?

— Зайди посмотри.

— К черту. А вдруг и впрямь он заразный?

...Это было страшное время. Для охраны важных объектов в Риге формируется отряд. Вскоре из него вырастает батальон «службы порядка».

Был отдан приказ: призвать всех мужчин рождения 1919—1924 гг. Наиболее смелые и стойкие бежали в леса, пытались связаться с партизанами.

А его час уже пробил, час, после которого вся последующая жизнь пошла так, а не иначе. Час этот выглядел весьма прозаически — запуганный и растерянный Оярс был мобилизован на железнодорожные работы со своей повозкой, на собственном пропитании на неопределенный срок. За невыполнение приказа тюрьма, смертная казнь.

Через четыре месяца он заболел свинкой и сбежал. Вот и вся история. А сколько лет снится.

* * *

Утро наступает, Аусма встала, готовит внуку завтрак. Вчера Илва подкинула им парнишку. Илва увлекающаяся. Вот прошел призыв заводить личное хозяйство, они с мужем моментально двух телят купили, возятся с ними. А не подумала, останется ли у нее время готовиться к занятиям? Школа-то у них ведь сельская, на последнем уроке не обязательно с учениками прощаются.

Пора и ему вставать. День впереди длинный-длинный.

Они оба ушли на пенсию, он и Аусма. Ее провожали торжественно, она всплакнула, потом смахнула слезу — это у нее быстро — и сказала, что еще бы преподавала, да силы не те и молодым надо дорогу уступать.

Почти сорок лет проработал он в школе, никогда ничего о своем прошлом не скрывал. И когда пять раз выбирали его депутатом сельсовета, тоже все про него знали.

Пора вставать, пора. Начинается туманное утро. От холодной росы стынут валки подсыхающего сена, порывистый осенний ветер гнет яблоневую ветку, шумят, тяжело качаясь, ели в лесу.

Сейчас внук позавтракает, оденется, подойдет к двери. Аусма ему ранец на спине поправит и на крыльцо выйдет. Будет смотреть, как идет он по тропинке в школу.

Начнется первый урок.

Войдет в класс Илва и спросит по-русски: «Дети, что вы видите на этой картинке?»

Придвинет вертящуюся табуретку к роялю Хилда, выпускница консерватории, она приехала преподавать в сельской школе музыку и пение.

Встанут около парт малыши-первоклассники, приветствуя свою первую учительницу — Лаймдоту.

Постукивая мелом по доске, начнет объяснять формулы Марта.

Пора и Оярсу подниматься. Дрова надо бы сегодня заготовить.

* * *

Мы стоим на берегу озера с замечательной девушкой, ее зовут Натта. Я в долгу перед Наттой. Она подарила мне город, и я полюбила его. А я ей ничего подобного подарить не могла. Озеро перед нами огромное, свинцовое, ели шумят. Ели величественнее, чем сосны. А по озеру плывет лебедь. И откуда он взялся-то зимой?

Когда встречаешься с творениями рук человеческих — будь

то парк или дворец, — теряешь ощущение времени. И веришь в легенды, предания, сам становишься частью их. Ну как, например, не верить в историю о невесте, о фате, о шапочке. Вот он, остров, самая настоящая шапочка. Откуда же он тогда взялся?

— Смотрите, — Натта запрокидывает голову, показывает на верхушку ели, — это колесо Екатерины I. Ведь она из этих мест.

На макушке высоченной ели и впрямь колесо!

— Она здесь ехала, карета сломалась, колесо отлетело. Екатерина рассердилась и швырнула колесо. Оно упало на маленькую елочку. Теперь елочка выросла, не верите? Думаете, сказки? Я в школу по этой дороге ходила, и всегда это колесо было. И мама, сколько себя помнит, колесо видела...

Странный парк, таинственный. Вот беседка. Говорят, сюда из дворца горничная должна была приносить чай. Да так быстро, чтобы он не остыл Вот высокая пирамида старого памятника.

А это памятник воинам 3-го Прибалтийского фронта, освободителям Алуксенского района от немецко-фашистских захватчиков.

Когда через город в советский тыл направлялись эвакуированные, комсомольцы города и ближайших окрестностей организовывали боевые дружины, охраняли дороги. Дружины создавались в волостях для борьбы с немецкими парашютистами и бандами буржуазных националистов.

Летом 1942 года в окрестностях города Алуксне начинает действовать партизанский отряд Вальдемара Эзерниекса.

Нелегальные комсомольские организации, появившиеся еще весной 1941 года, поддерживают регулярную связь с партизанами и выполняют разные поручения — распространяют воззвания, проводят разведку. собирают необходимые сведения. С осени 1942 года в Алуксненской средней школе действует антифашистская молодежная группа.

В марте 1944 года в этих местах образуется Первая латышская партизанская бригада, в рядах которой много комсомольцев.

...Шумит старинный парк, сыплется мокрый крупный снег. Тишина стоит храмовая. Время будто остановилось.

А Оярс всю жизнь учил детей. Менялся объем, менялся материал. В физике много нового, математику иначе преподавать стали. Он критиковал иногда учебники. Но всегда старался быть «на уровне», много читал методической литературы. Как это Арис сказал: «С отстающими занимался». Так и не решили мы с ним вопрос: на одаренных рассчитывать обыкновенный урок или на средних?

Впрочем, не об этом сейчас речь. Главное другое. И он и Аусма старались привить ребятам такие жизненные принципы, которые, как они надеялись, приведут их на правильный жизненный путь, когда они станут достаточно взрослыми, чтобы принять участие в событиях и решить, какой путь является правильным, а какой ошибочным. И он и Аусма. Каждый по-своему.

...А лебедь плывет дальше, рассекая перламутровые волны озера. Не без странностей лебедь. По-моему, он должен был улететь еще на излете осени. Тоже мне, оригинал.

— Его кормит, наверное, кто-то, — предполагает Натта. — Надо проверить. А то приду принесу ему чего-нибудь!

Натта должна найти положительный выход из любой ситуации. Что там лебедь! Лебедь — пустяк.

Натта — первый секретарь горкома комсомола. Мать у нее латышка, отец эстонец, давно умер. Когда она училась в сельхозакадемии — прекрасно, кстати, училась, в аспирантуре предлагали остаться, — то приходила в гости к подружке. И завидовала: сколько человек сразу за стол садится. Большая семья — как хорошо!

А потом вышла замуж за русского парня, лесовода. Родилась у них дочка. И живут они большой дружной семьей — их трое, ее мать, да свекор со свекровью. Вот сколько человек сразу за стол садятся.

Только в тот вечер не дождались дома Натту. Дела мы закончили поздно, автобусы уже перестали ходить — живет Натта в селе.

— Да ладно, — машет Натта рукой, — у тетки переночую. В первый раз, что ли. Тем более, завтра на совещание в Ригу ехать!

* * *

... «Вагончик тронется, перрон останется». По-о-ехал автобус. Ровно в пять утра. Не повернулся средневековый петух на старинной лютеранской церкви, не зажглись окна в редакции местной газеты, где до полуночи горел камин, пили кофе с соленым печеньем и спорили и рассказывали, будто знакомы сто лет и только расставались ненадолго. И даже еловый парк, казалось, не шелохнулся, и по озеру не пробежала рябь, и спал где-то лебедь Дон-Кихот.

Спал и город. Он был очень старый, ему 700 лет. Комфортабельный «Икарус» ушел ночью, а мой автобус был

старенький, холодный. Он фыркал и подпрыгивал, а немногие пассажиры молчали. Здесь не очень любят разговаривать, особенно в такую рань. Ехал рабочий люд.

Автобус мчался в полной темноте среди сосен, снегов, мимо маленьких сел, ферм, мимо покрытых льдом серебряных озер. А за нами бежал кривой месяц, все хотел осветить дорогу и не мог.

Автобус останавливался по каким-то ему ведомым приметам. Шел конец ноября, и в это время еще не рассветало. Люди ехали на работу и выходили там, где им предстояло трудиться весь день. Но я человек пришлый, и мне казалось, что они уходят в темноту, в ночь, растворяясь в этих вековых лесах. Все было так загадочно и прекрасно, что если бы мне сказали, что именно здесь разгуливает знаменитый Стеклушка из сказки Гауфа, я бы поверила. Новые места заставляют верить в сказки.

А вдруг здесь, в этом краю, среди глухих лесов, прибрежных дюн, готических игрушечных городков, затерялась моя судьба, моя другая жизнь?

Автобус идет дальше. У меня иные остановки, свой песчаный карьер. «Где родился, там и пригодился».

Древо добра.
ВАЛЕРИЙ МИТРОХИН

Однажды мне подумалось, что учителем становится тот, кто не в силах пережить разлуки со школой.

Однако встреча с педагогами азербайджанских селений Охуд и Киш, что в Шекинском районе республики, еще раз показала: всякий афоризм, тем более самодельный, содержит весьма относительную истину. Не так все просто и однозначно. Учителя из родов Караевых и Юсифовых несут знания своему народу вот уже четыреста учебных лет — таков общий педагогический стаж.

Педагогическая деятельность этих семей начиналась вместе с новой жизнью народа. История республики — это история Караевых — Юсифовых...

Хаджи Исах-эфенди Караев был духовного звания.

В ноябре 1917 года старший из его сыновей объявил себя народным учителем. Это и был основатель учительских династий — Караев Гусейн Исах оглы.

Люди потянулись к нему. Повели в его дом детей...

Бакинская коммуна продержалась недолго. Уже летом 1918 года она пала под ударами англо-турецкой интервенции. Вплоть до апреля 1920 года в Закавказье кроваво хозяйничали мусаватисты. Под руководством Наримана Нариманова и других коммунистов трудящиеся с помощью Красной Армии изгнали врагов и восстановили Советскую власть.

За годы мрачного безвременья жизнь Гусейна Караева не раз подвергалась смертельной опасности. Крестьяне спасли Гусейна — красного муалима[2]. И все же, несмотря на смутное время, на глухое сопротивление духовенства, примеру старшего последовали все его братья и сестры. Все дети Исаха Караева стали учителями. Гусейн закончил медресе, знал персидский и арабский. Этим языкам обучил своих братьев и сестер. По праву слыл среди земляков не только высокообразованным человеком, но и по-настоящему своим, ибо всю жизнь не сторонился простого труда на земле: имел сад, выращивал овощи, обучал и этим наукам крестьян-односельчан... Когда у Гусейна спрашивали, как же он все-таки решился порвать с аллахом, он всегда вспоминал Мирзу Фатали Ахундова. И Гусейн отвечал на нелегкий вопрос так: «В детстве я слышал об Ахундове — создателе более доступного простому народу алфавита, основателе азербайджанской драматургии, только плохое. В медресе

особенно хулили этого человека. Тогда я стал искать книги писателя. Стал читать их. И чем больше изучал творчество Мирзы Фатали, тем сильнее проникался чувством благодарности и любви к нему — защитнику угнетенных и обездоленных. Тогда впервые задумался я о том, кто прав. Плохой человек не может так писать о своем народе. Фатали был более верен своему народу, нежели муллы, имамы».

Дожившая до наших дней жена среднего брата Гусейна Мамеда Караева, бабушка Хидижа, так вспоминает двадцатые годы.

В доме Караевых частыми гостями были композиторы Узеир Гаджибеков, Муслим Магомаев. Они приезжали в Шекинский район собирать народный музыкальный фольклор. В доме звучали тар и гобой, новые и старые песни. Гости из Баку жили в Кише и Охуде — соседствующих испокон селений — по два-три месяца. Традиция тесного общения с передовыми деятелями азербайджанской культуры на том не заглохла. Мамед Караев был дружен с поэтом Самедом Вургуном, который часто уже после Великой Отечественной войны приезжал в эти места, подолгу жил среди крестьян, ходил на охоту, писал. Шеки — один из древних азербайджанских городов, неизменно привлекающих к себе внимание живописностью облика, а также своими памятниками истории и зодчества. В городе много интересного. Исстари Шеки славен своим мастерством. В Азербайджане говорят: шекинца узнают не только по особенному выговору, но и по заливистому, заразительному смеху... С недавнего времени в городе проводят республиканский день юмора. Зять Фатьмы-ханум, преподаватель французского языка Кишской средней школы Кудрат Мурадов, собирает современный веселый фольклор своего края, хочет издать его отдельной книгой.

Но вернемся к началу. Ведь без прошлого нет будущего. Потому что в свете минувшего яснее настоящее.

Молодость сыновей Хаджи Исаха-эфенди Караева пришлась на первые годы Советской власти. Гусейн и Мамед закончили Азербайджанский педагогический институт имени В. И. Ленина. Один стал учителем литературы, другой — биологии. Сейди и Гасан, выпускники Шекинского педучилища, всю жизнь работали педагогами в начальных классах.

Младшие братья вошли в актив совета неверующих, организованного Гусейном. Гусейн призывал земляков открыто выступать против кулаков. Лично участвовал в вооруженной борьбе с басмачами. Учил грамоте не только детей, но и все население. Привлекал к учебе девушек...

Газета «Бакинский рабочий» писала в январе 1984 года: «Многие учителя Шекинского района, теперь уже со стажем, в свое время поступили в педучилище благодаря Гусейну-муалиму: с ними он занимался дополнительно. Кончили это училище благодаря Гусейну-муалиму: он их подкармливал из своих скудных домашних запасов, им помогал деньгами из своей скромной зарплаты...»

Гусейн не дожил до победы. Когда Гусейн умер, из кармана пиджака достали партийный билет и две похоронки. На сыновей — Аджар пал в Сталинграде, Фаррух — под Моздоком. Никто в семье — ни жена, ни дочери, ни младший сын — не знали об этом горе. Носил его Гусейн Исах оглы у самого своего сердца. В один день хоронило селение сразу трех учителей: отца и сынов-фронтовиков.

Учителем был и брат Гусейна — Мамед. После окончания, еще до Великой Отечественной войны, пединститута он поехал завучем школы в Геокчайский район. Был и директором, и заведующим роно, и председателем райкома профсоюза учителей. Вот что рассказала его дочь, Рафер Мамед кызы Караева: «Для многих ныне здравствующих людей района отец был не только учителем, он заменил им в трудные военные годы отца. Давно он уже покоится в земле родного селения Киш, и люди не забывают его, с гордостью говорят: он был наш учитель! А совсем недавно я узнала такую историю. Ханым Атаева — директор средней школы № 9, председатель районного женсовета — во время войны осталась сиротой. После окончания педучилища по настоянию отца все же поехала учиться в пединститут. Все четыре года он высылал ей деньги из своей зарплаты. В 1950 году девушка вернулась в Геокчай с высшим образованием. Стала учить дочь Мамеда Караева, то есть меня...»

За окном мелькали желтоклювые птицы. Они пели весенними голосами. Дозревали на деревьях в комнате золотые плоды. Гафар-муалим каждое утро срывал один из них. Мы пили чай с лимонами. Говорили о жизни. Гафар-муалим работает в основном в продленке, потому с утра часто свободен. Я ему рассказывал о своей земле — он очень молод (1959 года рождения), нигде еще, кроме Баку и Москвы, не бывал, — о себе и моей семье и работе... Все домашние были в это время в школе. Первым туда уходит Эйюб Гафар оглы. Директор идет в школу к восьми и возвращается после двадцати. Фатьма-ханум, жена Эйюба-муалима, преподаватель истории и обществоведения, имеет возможность приходить домой в свободные от уроков часы — в «окна». Она всякий раз весело вмешивается в наши с Гафаром

беседы, что-то уточняет, вносит в разговоры искрометность, столь неожиданную для этой полноватой, круглолицей, похожей на крестьянку женщины. При этом я гляжу на Гафара и вижу, как любит он свою веселую смешливую маму. Гафар еще совсем мальчишка и не может справиться с чувствами. Он стесняется их, но хочет, чтобы я понял все правильно: мама такая всегда, всю жизнь, а не только для гостя читает на память стихи Пушкина, Лермонтова, поет русские песни...

Я невольно сравниваю Фатьму-ханум с ее младшей сестрой. Зивер-ханум, тоже учительницей. Всего лишь год разницы в возрасте сестер, а младшая в отличие от старшей, по-молодому черноволосой, совсем седая. Маленькая, хрупкая, родившая десятерых детей, она тоже всю жизнь работает в школе.

В тридцатые годы сестры Фатьма и Зивер первыми из девушек деревни Киш отправились в педагогическое училище. Спустя несколько лет, вернувшись в селение, первыми прошли по улице с открытыми лицами. Разгневанный мулла пришел к их отцу Гусейну-муалиму и заявил: «Нельзя идти против шариата»[3]. — «Нельзя идти против жизни» — таков был ответ мулле. Сестер преследовали насмешками и проклятьями. Грозили убить их и Гусейна-муалима, породившего вероотступниц. Но Караевы не испугались. Зивер осталась в родном Кише, а Фатьма пошла работать в школу соседнего селения Охуд.

Их педагогическая деятельность начиналась в тяжелое время. Шла война. Это туда уходили из азербайджанских городов и селений отцы и сыновья. Фатьма с горечью глядела, как собирается на фронт муж Зивер, и в глубине души благодарила судьбу, что сама пока не замужем. Замужество в такое время часто оборачивается вдовством. Думала и со слезами вспоминала, как по дороге из Киша в Охуд встретила в первый снег девочку. Та собирала хворост, была в одном платьице. Фатьма сняла пальто, одела девочку, дала ей ломоть хлеба — чурека и наказала поскорее возвращаться в селение. Сама же спешила к началу занятий. Сразу после уроков домой вернуться не удалось, нужно было срочно идти в дальнюю деревню, читать лекцию о международном положении... Только на следующий день узнала, что та самая девочка не вернулась из лесу. Позже нашли ее около вязанки хвороста, в глубоком овраге, видно, в метель сбилась с дороги.

Зивер подала заявление в военкомат. Хотела с мужем на фронт. Но ее не отпустили. Республике нужны были учителя, как стране солдаты. И Зивер стала рядовым в армии азербайджанского учительства. Нелегкое то было сражение. Но она и тысячи таких, как она, победили. Это их ученики трудятся

сегодня в республике. Двадцать четыре года подряд была Зивер-ханум депутатом сельского Совета. Сотни парней и девушек из Киша научила труду и любви к Отечеству. И Родина наградила Зивер-муалим. В марте 1983 года на Всесоюзной встрече учительских династий, организованной ЦК ВЛКСМ, ей, как и Эйюбу Юсифову, был вручен Знак ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть». Положила Зивер эту награду рядом с другими: медалями материнства, «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда».

Преподает в школе теперь и Эльхан. Среди детей Зивер — шофера, плотника, монтера, слесаря, шелковода... — он — единственный учитель. С гордостью привела первого сентября 1971 года в Кишскую школу своего Эльхана Зивер. Тогда он только что кончил Шекинское педучилище, то самое, что в свое время и мать. Уже работая в школе, он поступил заочно на филологический факультет Азербайджанского государственного университета. Эльхан, как все Караевы, влюблен в Шекинский край. Не зря его дипломная работа называлась «Топонимика села Киш». Она положила начало увлечению этнографией. Эльхан готовится поступать по этой теме в аспирантуру. Кроме того, он ведет большую краеведческую работу. Следопыты Кишской средней школы разыскивают пропавших без вести на войне фронтовиков, изучают историю своего села и соседнего — Охуд.

Как Зивер в Кише, так Фатьма в Охуде была чуть ли не единственной грамотной женщиной, долгое время единственной, кто не носил чадры. А люди не отвернулись от нее, потому что она давала им знания.

Пусты и печальны были селения в годы войны. Голод, холод, похоронки... Детишки-сироты прежде, чем прийти на занятия, ни свет ни заря шли в горы за хворостом, тащили его через реку Киш в город, там продавали — на эти средства жили в ту пору многие семьи, оставшиеся без кормильца. Зимой еще кое-как можно было перебраться в Шеки через обмелевший и замерзший Киш. А весной река разливалась. Ребятишки переходили ее вброд. Появлялись в школе мокрые. Фатьма отпаивала малышей чаем, кормила хлебом и сахаром из своего пайка, а потом учила читать и писать слова «ЛЕНИН», «ПОБЕДА», «НАРОД»...

В 1943 году Эйюб Юсифов после тяжелого ранения инвалидом второй группы вернулся в Охуд, в школу, в которой учительствовал еще до ухода в 1939 году в армию. Отвоевавшемуся сержанту было всего лишь 23 года. Он вернулся в дом, который строил вместе с отцом и братом Юсифом. Когда река разливается, она несет камни. Вот из этих камней и по сей день строят шекинцы дома, школы, больницы...

Жить бы и радоваться старому Гафару с сыновьями, а потом, он очень надеялся, и внучатами. Всю весну и до середины лета пел в саду соловей, мешая старику как следует расслышать, о чем это говорят, допоздна засиживаясь у Юсифовых, комсомольцы Охуда. «Как так можно? — удивлялся старый Гафар своему сыну. — Ведь только-только привел в дом молодую жену. Если он так будет и дальше ночи напролет проводить в собраниях и разговорах, не дождаться мне внуков...» Гафар не дождался внуков. Куст кизила посадил старый крестьянин на том месте, где лежал его Юсиф. Первый коммунист Охуда, председатель кооператива имени Наримана Нариманова, был убит врагами Советской власти в 1930 году. Эйюб обкопал куст кизила и ушел в Шеки учиться на учителя.

В 1945 году Эйюб Юсифов и Фатьма Караева поженились.

После войны оба продолжали учебу. Получили высшее педагогическое образование. Фатьму приглашали работать в детский сад. Отказалась. Она хотела в школу, хотела преподавать историю.

До сих пор плодоносит кизиловый куст. Он могуч и похож на дерево. Его алые плоды всякую осень снимает Гафар, внук старого Гафара, родившийся в 1959 году. Но не все ягоды снимает Гафар-муалим. Оставляет дроздам и снегирям, прилетающим сюда через горы из России зимовать.

Фатьма-ханум снова уходит на занятия. А из школы возвращается Севда, жена Гафара. Они ровесники. Окончили один и тот же факультет — филологический. Когда Гафар объявил родным, что намерен жениться на однокурснице, бакинке, Фатьма-ханум и Эйюб-муалим задумались: как приживется в горном селении столичная девушка; понравятся ли ей узкие, кривые, сбегающие с гор улочки, занесенные снегом в зимнюю пору и шумящие потоками талой воды весной.

Эйюб-муалим взял обоих в свою восьмилетнюю школу. Работы в школе всем хватит. А что зарплата маловата, так это не беда. При теперешней жизни да еще в доме отца и этих денег молодым, что вдвоем заработают, достаточно. Прежде всего в школе, возглавляемой Юсифовым, на полном окладе работают более опытные учителя, то есть «другие», а «свои» получили «свободные» часы. У Севды шесть часов в неделю, у Гафара — одиннадцать... Хотя проводят молодые педагоги в школе неизмеримо большее время.

Как-то писатель Андрей Платонов заметил: когда труд из безотчетной бесплатной натуры станет одной денежной нуждой, тогда наступит конец света, даже хуже...

Я всматривался в этих людей и понимал, что с такими, как

они, человечество будет жить вечно. Они говорили на своем языке. И я, забываясь, начинал чувствовать: я понимаю этот язык. Я понимаю, потому что они понимают меня как брата и сына...

Они педагоги. Даже совсем молодой Гафар.

В. А. Сухомлинский писал: от того, кто вел ребенка за руку в детские годы, что вошло в его разум и сердце из окружающего мира, в значительной степени зависит, каким человеком станет сегодняшний ребенок.

Первые свои шаги малыш делает с родителями и педагогами. Этой мыслью я поделился с Гафаром, когда мы пришли в школу. Была как раз перемена. Дети — всюду дети. В просторном коридоре шум, гам. И все же я услыхал что-то непривычное моему слуху. Музыка! Звучание гобоя и тара — в сопровождении бубна. В пионерской комнате проигрыватель. Его включают в радиосеть школы на переменах. Дети отдыхают. Отдыхают и учителя. Пока Гафар отлучился в свой класс, я заглянул в биологический кабинет. Там я увидел невысокого человека. Саламов Бальяр — бывший ученик Эйюба Юсифова — задумчиво глядел в окно. Мое вторжение отвлекло учителя от дум. Я хотел было извиниться и уйти, но увидел на стене тар — тринадцатиструнный национальный инструмент.

— Это инструмент ашугов, — объяснил Саламов.

— А зачем вы его тут держите?

— Люблю иногда в перерыв послушать, что он мне скажет... — ответил Бальяр-муалим.

Так разговорились, познакомились.

В пятьдесят втором году он закончил Шекинское педучилище, в 1967 году — Азербайджанский университет, отделение географии и биологии. В школе работает вместе с женой. Сафия-ханум преподает в начальных классах...

Саламов улыбнулся и заговорщицким тоном сообщил, что он еще с тех пор, как был в этой школе старшим пионервожатым, не расстается с таром. Теперь у него есть помощник по организации художественной самодеятельности — Гафар Юсифов. Он играет на гармони...

В это время раздался звонок, и меня пригласили на урок русского языка в восьмой класс.

Высокий худощавый человек не скрывает того, что хочет показать гостю класс. Как выясняется, восьмой класс у него любимый. В него он вложил много терпения и собственных знаний и теперь хочет вознаградить себя за труды. На стенах портреты русских писателей. Изречения о русском языке Владимира Маяковского и Самеда Вургуна.

Широким читательским массам слова пролетарского поэта

известны, а вот высказывание азербайджанского классика мне хотелось бы привести полностью. Тем более что оно несколько раз будет звучать на этом уроке: «Наши дети, наша молодежь должны, как свой родной язык, изучать язык великого русского народа, язык Октября, язык Ленина».

— Кто хочет высказать свое отношение к предмету нашего урока? — спрашивает Гасан-муалим.

Поднимает руку девушка с первой парты.

— Прошу, Интизар, — приглашает учитель.

— Русский язык — это средство межнационального общения в нашей стране. Это язык космоса...

Язык космоса. Это, пожалуй, открытие. Я бы сказал, поэтическое открытие.

Но вот уже на этот вопрос отвечает юноша. Его зовут Малик Джабаров:

— Я люблю русский язык за то, что вы, Гасан-муалим, любите его. Вы научили меня говорить и читать на русском. И я сам прочел много книг русских писателей. Я много узнал о русских, о культуре народа и полюбил их...

Учитель смутился. Он, видимо, не ожидал этого признания. Я чувствую, что Гасан-муалим опасается, как бы я не подумал, что ученик из лести все это сказал... Напрасно, учитель Гасан. Я так не подумал и не думаю. Мальчишка так грамотно и чисто говорил по-русски, что ему веришь, веришь его искренности, его благодарности.

Однако Гасан, опасаясь возможных неожиданностей, перешел к новому материалу. Он рассказал биографию Маяковского, разобрал стихотворение «К юношеству». И дал задание написать небольшое сочинение на тему «Моя мечта». Пока ребята работали, Гасан потихоньку представил мне своих учеников. Новруз Мамедов занял второе место на республиканской олимпиаде по русскому языку и литературе. Он редактор стенной газеты, которую выпускает кружок русского языка. Позже мне сказали, что созданный Гасаном Мусаевым кружок — лучший в Шекинском районе. Его опыт изучается и распространяется методкабинетом роно.

Пока восьмиклассники пишут, я узнаю, что девушка с первой парты, с ответа которой начался этот урок, Интизар — внучка Эйюба и Фатьмы Юсифовых.

Но вот сочинения готовы.

Ибрагимова Ягут: «У каждого человека своя мечта. Я хочу быть учительницей русского языка. Это твердо мною решено. Когда я об этом рассказала родителям (они работают в колхозе и тоже учились в школе, где я учусь), они обрадовались. В нашем

роду появится первый педагог. Я представляю себе школу, в которой стану работать. Мне хочется, чтобы она была просторной со всеми удобствами, кабинетами, пришкольным участком, спортивным залом, бассейном...»

С гордостью рассказывает Эйюб Гафар оглы:

— Двести наших учеников, выпущенных в послевоенные годы, получили высшее образование и успешно работают в народном хозяйстве, в учреждениях культуры республики и страны. Сегодня выпускники учатся в разных городах нашей Родины: Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Баку, Ташкенте, Караганде, Ставрополе...

И снова урок, теперь азербайджанского языка. Дает его Гафар-муалим. Тема: правописание гласных. Учитель работает легко, с удовольствием, словно читает стихи. Конечно же, Гафар-муалим прирожденный педагог. А вернее будет, потомственный учитель. Он учитель третьего поколения. Я спросил его, в чем, по его мнению, нуждается современная школа, если говорить об обучении и воспитании? Гафар не удивил меня ответом: «Наша школа грешит объяснительным типом обучения. Это дидактика. Надо позволять детям больше самостоятельности. Пусть школа вспомнит свое исконное, но почему-то забытое право учить детей самообразованию...»

Я сказал Гафару, что подобную мысль встречал у Сухомлинского. Гафар не удивился. Пришла очередь удивляться мне. Ведь Сухомлинского до сих пор не перевели на азербайджанский, а Гафар его знает. К сожалению, и у нас, на Украине, наследие этого замечательного педагога все еще слабо изучается в вузах, а его бесценный практический опыт почему-то называют подчас спорным экспериментом.

По-весеннему тихим и теплым вечером мы возвращаемся из школы.

— Салам алейкум, Гафар-муалим! — приветствуют моего спутника и стар и млад.

— Алейкум салам! — с достоинством отвечает молодой учитель.

Я понимаю, что народ почитает в лице Гафара Эйюб оглы весь его учительский род. И вспоминаю незадолго перед этим сказанное Эйюбом Гафар оглы: учитель без авторитета — пустое место; дело в авторитете, деньги пустое в нашем деле; кто гонится за зарплатой — не учитель.

— Ахшамынныз хэйр! («Добрый вечер») — приветствует нас еще кто-то.

Гафар останавливается, уважительно пожимает руку мужчине средних лет. Знакомит нас.

— Рафик Джумай оглы Мамедов, председатель Охудского сельсовета, — представляется тот.

Только с 1981 года Рафик Мамедов в этой должности, а до нее работал в школе. После окончания пединститута учительствовал в соседнем Белоканском районе. Затем вернулся в родной Шекинский. Преподавал историю и обществоведение в Инча-Зунудской средней школе, работал заместителем директора в Охудской средней школе...

— Когда узнал, что вы приехали писать о нашей учительской династии, решил непременно встретиться, чтобы рассказать, какую роль сыграл в моей судьбе Эйюб-муалим, — говорит Рафик.

Его история типична для многих детей войны, а судьба похожа на судьбы многих сирот, которых случай свел с людьми из этой учительской семьи. Отец Мамедова погиб на фронте в самом начале войны...

— Эйюб-муалим покупал мне обувь и одежду даже тогда, когда я учился в вузе, не говоря уже о школьных моих годах. Юсифовы учили меня, а я потом Гафара, их сына...

У Фатьмы и Эйюба, кроме Гафара, есть еще сын. Младший Джамал учится в Московском химико-технологическом институте. А привил ему любовь к химии, готовил сначала в специальный интернат, а потом к поступлению в вуз муж его старшей сестры Музаккир Караев.

Музаккир Сейди оглы Караев — сын одного из братьев Гусейна Караева. В доме Музаккира на видном месте в рамке под стеклом — завещание отца. Учитель начальной школы, он был образованнейшим человеком. Свои заветы семье написал арабской вязью. А наказал он своим потомкам беречь семейный очаг, служить народу, защищать отчий край, соблюдать законы гостеприимства, трудиться...

Меня в людях Азербайджана поразила верность памяти. Ничто ценное из достояния прошлого здесь не исчезает. Потомки чтят предков. В городе Шеки я видел у домов факелы памяти о тех, кто не вернулся с Великой Отечественной. Я видел имена, выбитые на камне булаков — рукотворных питьевых источников. Это имена тех, кто провел воду. Сколько булак будет стоять и поить водою людей, столько люди будут помнить создателя источника. Из почитания предков выросло в этом народе почтение к старшим. Без разрешения отца, без совета с ним ничто не предпринимается, не делается в семье. Совсем недавно жители Киша хотели избрать Кудрата Мурадова председателем сельсовета. Отец пятерых детей, авторитетный в селе человек

пришел к тестю за советом. Эйюб-муалим посоветовал ему поблагодарить за доверие и... отказаться. Учитель должен оставаться в школе. Эйюб Юсифов сам когда-то отказывался от соблазнительных постов, потому что понимал: он необходим как педагог. Кудрат сегодня очень нужен школе — здесь он единственный учитель французского языка...

Кудрат и Музаккир друзья. И не потому, что свояки — женаты на сестрах Зульмухар и Нигяр Юсифовых. Это прежде всего единомышленники. Это прежде всего просвещенцы в современном понимании этого слова.

В брошюре, выпущенной институтом усовершенствования учителей республики, сказано: опыт преподавателя Кишской средней школы Шекинского района Музаккира Караева широко распространен в Азербайджане. В институте вышла его статья «Дидактический материал общего типа уроков органической химии».

Он участник 11-й республиканской конференции, посвященной вопросам преподавания химии. Решением роно он назначен председателем районного общества имени Д. И. Менделеева. В период экзаменов в Шекинское педучилище его приглашают в приемную комиссию.

Сам Музаккир очень скромный. Если бы не Кудрат, рассказавший о своем друге, мне бы вряд ли удалось вытянуть из Музаккира-муалима столько интересных подробностей о его достижениях как специалиста.

Кудрат-муалим совсем не похож на азербайджанца. У него славянское лицо. Меня так и подмывало спросить: в чем тут дело, да все как-то не решался. Позже, когда побывал на экскурсии во дворце шекинских ханов, услышал там, что до завоевания персами, а потом турками-сельджуками азербайджанцы были белокожими и светлоглазыми, успокоился. К этому вопросу меня неожиданно вернула Фатьма-ханум.

— Кудрат учился в моем классе. Я приметила для себя зятя еще тогда... У нас с Кудратом с давних пор единство душ, с молоком в младенчестве оно вошло в нас...

С улыбкой Фатьма-ханум рассказала, что она вскормлена молоком русской женщины, молоком Нюры-биби, жены дяди Насрулаха. Когда Фатьма родилась, ее мама тяжело болела, и за малышкой ухаживала тетя. Когда же она стала говорить о Кудрате, то улыбка исчезла. На лицо легла тень: «Мама Кудрата была с Украины. Гузу Мурадов и Татьяна Кравченко познакомились и поженились в Казахстане. Недавний фронтовик-азербайджанец и горный инженер с Украины стали мужем и женой. Увы, счастье молодых было недолгим. Татьяна Семеновна

умерла, когда Кудрату не было и семи лет».

Так мальчик и рос под материнским взглядом доброй заботливой Фатьмы-ханум. Восемь классов закончил в селении Оxуд, с девятого по десятый учился в Кише. В армию провожали его двумя селениями.

Кудрат впервые уезжал так далеко от дома и родных людей. То же, что и он, чувствовали и другие новобранцы. Поезд шел просторами необъятной земли. Кудрат читал книгу любимого поэта Бахтияра Вагаб-заде. Кто-то предложил погадать на книге. Когда Кудрат загадал страницу и строку, ему выпал такой текст: «Смотри за окно, перед тобою родина предков». Ребята спросили у проводника, какие края проезжают. «Проезжаем Украину», — был ответ.

Как река Киш впадает в Агричай, а тот несет свои воды в Куру, так ветви и веточки славных учительских династий Караевых — Юсифовых — этого древа добра — несут свет знания своему народу. Я заметил, что настоящий педагог никогда не замыкается в рамках только своей профессии. Это, как правило, человек многих интересов.

Кудрат Гузу оглы Мурадов неплохой краевед. Когда в Шекинский край приезжают туристы, обращаются к учителю из Кишской средней школы. И тот на какое-то время совмещает педагогическую работу с обязанностями гида. Фатьма-ханум — замечательная вышивальщица. Гафар-муалим показывал рушник, который вышивала его мама целый год, ожидая рождения сына...

Шекинский край — край мастеров самых разных народных промыслов. Этот район испокон давал родине поэтов.

— Гляди-ка! Наш Айдын! — восклицает Фатьма-ханум и зовет мужа, невестку, сына.

На экране телевизора худощавый средних лет мужчина. Он что-то говорит...

— Кандидат филологических наук. В академии работает... — с гордостью объясняет мне Эйюб-муалим, — мой ученик.

Севда и Гафар наперебой переводят мне из того, что говорит их земляк.

Мамедов Айдын говорит о еще одном земляке. Поэте из Шеки Вагифе Ибрагимове.

Фатьма-ханум смахивает слезу и тихо шепчет: «Золотые наши мальчики!» А ее невестка объясняет мне: «Айдын закончил школу с золотой медалью...»

А про Вагифа мне говорить ничего не надо. Вагиф мой друг. Мы с ним познакомились в Москве на VII Всесоюзном совещании молодых писателей страны.

Мы слушаем стихи Вагифа Ибрагимова — лауреата премии Ленинского комсомола Азербайджана, замечательного человека и поэта, до времени ушедшего из жизни. Звучат стихи Вагифа о родной шекинской земле, о земле своего народа, о нашей стране, о всей земле — доме человечества.

— Поэт — это самый главный учитель, — негромко говорит Гафар и как может переводит для меня стихи, звучащие с экрана телевизора: «Удивительно, что люди, убивая на Земле тысячи, миллионы себе подобных, в то же время ищут в космосе братьев по разуму!»

Я слушаю стихи Вагифа. Они звучат на языке, которого я не знаю, но я понимаю Вагифа. И мое сердце становится его сердцем...

В день моего отъезда рано утром пошел снег. Он то спускался, словно вата на ниточках, хлопьями, то сыпался — мелкий, словно манна. Умолкли птицы. Лишь изредка покряхтывали вороны. Было тихо и светло. Снегири сбивали снег с веток кизилового дерева розовыми грудками...

— У тебя легкая нога! — сказал Эйюб-муалим. — Ты привез нам снег. Снег нужен. Хороший снег — это урожай, это хлеб.

В то утро Фатьма-ханум поднялась ни свет ни заря. Замесила тесто. Разожгла огонь в тандыре. Потом пришла внучка Интизар — дочь старшей дочери Юсифовых медсестры Изумруд.

Восьмиклассница Интизар вполне взрослый человек. Бабушка без опаски доверяет ей ответственное дело — она топит, натапливает тандыр — печь, напоминающую полый усеченный конус, на внутренних, хорошо разогретых стенах которого здесь выпекают чурек — ароматный, нечерствеющий хлеб. Носит в гююме — металлическом сосуде — воду от булака.

Я вбирал запахи, краски, звуки этой простой жизни, и мне казалось, что мой дом рядом, за этими заснеженными, немного похожими на те, что между Алуштой и Судаком, горы. Вдруг появились желтоклювые дрозды.

— Это они хлебный дух учуяли, — замечает Гафар.

Он срывает лимон с дерева, растущего в комнате, и начинает готовить чай. Вскоре собираются все. Фатьма-ханум вносит только что испеченный чурек. Разламывает чурек пополам и протягивает мне половину...

Сады для сыновей.
СЕРГЕЙ ИВАНОВ

ВСТУПЛЕНИЕ

Было темно и холодно. Дула февральская вьюга. Снежинки реяли в воздухе, будто клочья разорванной паутины.

Я сидел, нетерпеливый и встревоженный. Не мог дождаться взлета. Незаданные вопросы томили меня.

Я журналист и молодой отец. (Не знаю, что ставить на первое место.) У меня двое сыновей, маленьких пока что. Они часто меня озадачивают. И я тогда просто не знаю, как правильно себя вести с ними. Поэтому, когда редакция поручила мне встретиться с настоящим педагогом, я с удовольствием взялся за это.

Адрес: город Херсон, средняя школа № 7. Там работает народный учитель Советского Союза Черненко Юлия Николаевна...

ХОЗЯЙКА

Первые минуты разочаровали. Простоволосая женщина в застиранном ситцевом платье поглядывает на меня с любопытством и плохо скрытой настороженностью. Приносит борщ, потом котлету с картошкой, радуется моему аппетиту. Куда-то звонит, чтобы устроить меня на ночлег. Почему-то подумалось, что она хочет спросить у меня документы, но не решается. От этой мысли возникла стеснительность, я неловко полез в портфель, вытащил паспорт, перелистал и сунул обратно. И долго не исчезало ощущение диссонанса между ожидаемым и действительным.

От людей заслуженных, признанных ждешь чего-то необычного. А тут — стоптанные тапочки, певучие слова, невысокий «штиль» разговора...

Детей у Юлии Николаевны нет, насколько я вижу. Тут же переспрашиваю и убеждаюсь — нет. Показалось или она слегка нахмурилась, когда я спросил про детей?..

ДОМ

Квартира озадачивала. Она не была оплотом, крепостью. Это сразу чувствовалось. Вещи только необходимые допускались в квартиру... Стол, стулья, трехстворчатый шкаф, телевизор, секретер, сервант. Наскоро застланный пледом диван. Их не любили, им не поклонялись. Их необходимость признавали. Сервант не блистал хрусталем, стол и шкаф не блестели лаком,

зато секретер «блистал» книгами. Здесь было много педагогики и приложения к «Огоньку» разных лет — собрания сочинений русских и зарубежных классиков.

— От отца книги! — сказала Юлия Николаевна. — Очень он жалел перед смертью, что нечего ему детям оставить. Одни книги!.. Он сады разводил, мой отец. Большие плодовые сады. Сдержанным был, с чувством собственного достоинства. И меня тому же учил. Помню, я в детстве пела хорошо, танцевала, стихи читала. Может, и артистка бы из меня получилась, а? Как думаете? Отец на моих выступлениях не бывал. Только однажды вышла на сцену, и вдруг его очки в зале. Я даже растерялась, запнулась, когда читала. А он потом дома ничего не сказал — будто и не был на концерте. Он любил дело свое ощущать — видеть его, держать его, дышать им, уставать от него. Землю вскопал — дело, ветви подрезал — дело. А слова говорить — разве это дело! Так и я, глядя на него, училась действовать, а не мечтать. И артисткой не стала, как видите!..

Юлия Николаевна замолкла, ожидая моих реплик, вопросов. «Она красивая! — вдруг подумалось мне. — Почему я раньше-то не заметил? Черные брови, черные волосы, гибкая фигура, ясные молодые глаза. Никак не дашь больше тридцати пяти».

— Извините за любопытство, — спросил, — у вас на шкафу так много бумаг! Вон сколько пачек! Это что, макулатуру, что ли, собираете? У нас в Ленинграде двадцать килограммов сдашь — абонемент на дефицитную книгу получишь. У вас, наверно, тоже так?

— Макулатуру? — засмеялась Юлия Николаевна. — Вы думаете, это вся «макулатура» тут, на шкафу? Еще диван ею битком набит! Пойдемте покажу вам, сколько этих бумаг у нас с мужем!

Она повела меня в другую комнату. На платяном шкафу и за ним, возле стенки, громоздились кипы «макулатуры». Ею же был битком забит книжный шкаф. Она же лежала на столе и, аккуратно упакованная, под ним.

— Это методика! — сказала Юлия Николаевна. — Целую жизнь собирала! Каркас, костяк педагогики!..

СЕМЬЯ

Петр Алексеевич плотный, слегка погрузневший с годами. В нем была основательность много пожившего человека. Но шутил он остро и легко, что показывало его душевную расторможенность, внутреннюю бодрость.

Как я понял, они жили с улыбкой, постоянно подшучивая друг над другом — по-доброму, по-ласковому, без едкости и

желания задеть. Самый правильный, на мой взгляд, стиль отношений.

Петр Алексеевич пришел, когда наша беседа была в разгаре. Сел на диван и тут же на лету перехватил нить разговора, вспомнив, как они с Юлией Николаевной познакомились, будучи студентами. А я представил, как они гуляли по ночам, как светились над ними цветущие деревья, как они говорили — восторженно и доверчиво. Жизнь так сложилась, что заметной, заслуженной, прославленной стала жена. Неужели не отразилось это на Петре Алексеевиче? Неужели он ни разу не пожалел, что не отмечен лаврами, не почувствовал досады?

Я быстро убедился, что Петр Алексеевич был так растворен в делах жены, как тепло рассказывал о них!

Я вспомнил слова Гегеля о сущности любви и решил, что Гегель, когда писал их, представлял себе кого-то, очень похожего на Петра Алексеевича.

«Подлинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом «я» и, однако, в этом исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать собою...»

— После педагогического института у Юлии Николаевны было два увлечения: химия и биология. Потом прочно и навсегда биология взяла верх. Хотя к химии она и сейчас неравнодушна. Только войдет в кабинет, сразу на доску глазами — нет ли ошибки. А как она работала в своих школьных садах, вы бы видели! До того земле кланялась, до того сгибалась, что однажды разогнуться не смогла, как ни старалась. Так ее, скрюченную, на «скорой помощи» и увезли в больницу, прямо из сада. Ребята каждый день бегали, скучно им без нее было. Представьте, двести восемьдесят человек в школе, из них сто семьдесят вовлечены Юлией в биологическую работу. До нее садов таких в Музы-ковке не было. А когда при школе распахнулся ее сад, зацвел — тут уж ребята увидели, что ради такой красоты никаких сил не жалко, что ее беречь и приумножать надо. К фруктам у нее свободный доступ. «Ты наелся?» — спросит. «Наелся!» — «Еще хочешь?» — «Хочу!» — «Тогда возьми тяпку и пойди прополи этот кусочек, а потом поешь!..» Одна девочка, помню, проводила опыт с горохом. Собрала урожай, мало показалось. Юля спрашивает: «Может, у тебя на участке еще стручок-другой есть?» Девочка соглашается: «Есть, есть!» Еще раз собрала горох, потом еще раз. И в итоге всех ее сборов — урожай выше колхозного. На всю жизнь запомнила, как бережно к плодам своих рук относиться надо... А осенью в Музыковке были праздники урожая. Лучшим ребятам вручали туристские шашки, шахматы, мячи, грамоты — по семьдесят-

восемьдесят человек награждали. А вторая часть праздника — длинный стол и свои фрукты на нем: яблоки, арбузы, виноград...

МОНОЛОГ О ВОСПИТАНИИ

Густел, наливался чернью синий свет за окнами. Я слушал жадно, хотя чувствовал, что устал.

А Юлия Николаевна увлекалась, молодела, освещалась изнутри своим вдохновением.

— Я думаю, что хорошим человеком ребенка можно воспитать только в труде. Устраняя обязанности, труд из его жизни, мы его портим, а в конечном счете — губим. Принес малыш тапки отцу — какая гордость для его маленьких сил. Подал матери полотенце — разделил с ней труд, испытал счастье, а след от этого счастья, пусть незаметный поначалу, останется и отзовется в будущем...

«Она говорит общие слова! — подумал я вдруг. — Но где же откровения? Мне нужны откровения! Я приехал за ними!..»

— Вспомните Януша Корчака, — говорит Юлия Николаевна, — «Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований». Сколько мы сами, спеша, нервничая, заглушаем в ребенке хороших, красивых, нужных ростков! Забывая элементарное: дать ему почувствовать, что в семье он — полноправный член, что у него есть свои права и обязанности, что без него, без его усилий семье будет хуже, неуютнее, холоднее!..

Тут я снова отключился. Вспомнил своих двух сыновей. Их упрямство. Их шумные игры. Старшему пять лет, младшему — два года. Но сколько с ними проблем!.. Старший ревнует младшего, старший ябедничает и жадничает. Младший капризен до невозможности... То они не хотят есть, то их никак не вывести на улицу, то никак не уложить спать... Мелочи, казалось бы... Но как они действуют на нервы, эти мелочи, какое порой вызывают раздражение...

— К сожалению, сегодня вокруг ребят бушует море родительского эгоизма, тщеславия, лицемерия. «Папа велит пол подметать, а ты не слушай, не порти свои руки!», «Мой ребенок — одаренный, у него большое будущее, картошку я и сама за него почищу!» — Юлия Николаевна смешно изображает «в лицах»: — «Ну вот еще, будет мой ребенок помои выносить, на это свекровь имеется!..» Мало ли таких и им подобных высказываний

приходится слышать! Отсюда парадокс педагогики: учительская работа предполагает, что родители — союзники школы, что сами они — люди воспитанные, что их не переламывать, не перевоспитывать надо, а только направлять рукой более опытного наставника. Однако зачастую родителей надо именно переламывать, именно перевоспитывать, преодолевая сантиметр за сантиметром их косность, узость интересов, педагогическую неграмотность. Школа в таких случаях начинает гнаться за «двумя зайцами», раздваиваясь между детьми и родителями...

Я вздыхаю, я устал, сознаюсь себе в этом и хочу отдыха. Но больше, чем отдыха, я хочу истины, непререкаемой правды, авторитетных рецептов. Как с ними надо, с детьми?.. Как с ними надо, чтобы они меня, отца, уважали, чтобы они меня любили не только сегодня?.. Ведь я бываю до обидного беспомощен... Вот недавно было: уложил я Саньку — своего «старшего» — в кровать, прочитал ему сказку, принес кружку с молоком. Санька выпил молоко, вернул кружку, посмотрел на нее пристально.

— Папа, я завтра пойду далеко-далеко, в большой магазин. И там куплю нового папу. Он будет совсем как ты. Но только без очков.

— Тебе не нравится, что я в очках?

— Не нравится!

— Может быть, мне уйти к другому мальчику?

— Нет, не надо... — Санька явно поколебался, прежде чем ответить.

Я попрощался, пожелал «спокойной ночи» и ушел. И очень было грустно. Уже началось обсуждение моих недостатков... Достоин ли папа своего сына? Нужен ли папа своему сыну?..

— Как мне кажется, любой взрослый, собравшийся выступить в роли родителя, должен начать с «суда над собой»! — Юлия Николаевна продолжает свой монолог о воспитании. — Строгого «суда», беспристрастного, жестокого, может быть! Плохо, если до появления ребенка человек не сознавался себе, каков он есть, теплее ли другим на свете от того, что он существует. Именно с воспитания себя или хотя бы с попытки понять себя начинается воспитание ребенка!..

«Поздно себя воспитывать, когда ребенок на тебя смотрит! — хотел я возразить. — Себя воспитывать нужно раньше!..» И мне вспомнилась одна сценка. Было так: Санька подошел ко мне и... укусил за ногу. Первое мое движение — отдернуться и подшлепнуть сына. Тут же я пожалел об этом. Укусил он меня небольно, и я его шлепнул рефлекторно, не думая. Санька замер после моего удара. Словно ждал какого-нибудь сигнала с моей

стороны, а сам не знал, как реагировать: заплакать или не обратить внимания... Я замер тоже, и так мы «противостояли» минуту-другую. Потом Санька все-таки обиделся: не заплакал, но помрачнел. «Не хочу с тобой!» — пробормотал и ушел на кухню. Жена сказала что-то, послала Саньку назад к папе, и Санька отчетливо сказал: «Папа плохой!..» Мне стало так стыдно после его слов, как никогда еще не бывало. Почувствовал себя словно бы больным. И когда мы все сидели за столом, обедали — я боялся посмотреть Саньке в глаза... Чуть погодя Санька «простил» — заговорил со мной весело, как ни в чем не бывало. Но я запомнил накрепко, чем мой шлепок обернулся.

— ...Вы, я вижу, устали, — Юлия Николаевна глянула, оценивая. — Вот что я хочу сказать напоследок. Ребенок — огромное счастье и огромной важности забота. Мы должны видеть, чувствовать, пони

мать, уважать его. А не только одевать и кормить. В этом родство и заключается, по-моему: в напряжении душевных сил, в страстном желании «узнавания», в ежедневном «обретении» ребенка...

«Я действительно порой чувствую себя уставшим от своих сыновей, — подумал я. — Их энергия, их безоглядный напор вынуждают и меня быть энергичным, собранным... А так хочется иногда расслабиться, ни о чем не думать... Наверное, в этом и есть смысл родительского самовоспитания — в стремлении всегда быть энергичным и собранным, всегда быть «отцом» — наперекор своему эгоизму, своей лени...»

ШКОЛА

Школа возникла внезапно. Мгновение назад она не замечалась, не угадывалась за домами, за деревьями. И вдруг вынырнуло уютное двухэтажное здание. Цвет у него радостный: будто вечно освещена школа солнечными лучами.

Кабинет биологии на втором этаже. Маленькая табличка на его дверях: «Лучший кабинет области».

Несколько дней я провел в этом кабинете. Сидел на всех уроках Юлии Николаевны — с пятого класса по десятый. Подробно конспектировал учительские объяснения, реплики ребят. Скажу сразу: никаких открытий я не сделал. Ничего необычного, непохожего на школу моих детских лет в ее уроках не было. Я отметил душевность интонации, доверительность ее разговоров с учениками, страстность изложения нового материала, обилие иллюстраций, плакатов, слайдов, кинофильмов, звукозаписей. Необычным, или, вернее, редким,

можно было назвать лишь одно: соединение перечисленных достоинств в одном педагоге, в одном кабинете. Да, учитель и ее класс как бы сливались, взаимно дополняли друг друга. Юлию Николаевну невозможно было представить без этой цветущей, зеленеющей листьями десятков растений комнаты. Кабинет нельзя было вообразить вотчиной какого-то другого учителя, не Юлии Николаевны. И в первый, и в последний день пребывания в школе он поражал меня неисчерпаемостью. Чего тут только не было! Растений — не перечесть. Они вились, топорщились, парили. Видно было, что им здесь хорошо.

Стеклянные шкафчики вдоль стены были забиты разными чучелами, препаратами, муляжами. Жуки, крабы, рыбы, крокодил...

Над доской расположились два ряда электрокартинок. Нажмет учитель кнопку, и включится картинка. Например, «дно силурийского моря». Нажмет другую — загорится другая картинка. Тут же, над доской, висел афоризм Льва Толстого: «Счастье — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней!» Прочитав, я, помнится, подумал, что Юлия Николаевна согласно Толстому — очень счастливый человек: всю жизнь с природой, среди садов и цветов.

За учительским столом, под рукой у хозяйки кабинета, настоящий пульт управления. Щелчок — и на всех окнах опустились темные шторы. Щелчок — и развернулся экран. Щелчок — и зажужжал диапроектор, неторопливо меняя кадры. Есть необходимость, можно выключить проектор и запустить киноаппарат. И сразу класс превратится в зрительный зал, и голос диктора объяснит что-то важное и нужное...

Юлия Николаевна нескрываемо гордилась кабинетом. Покупного, кроме киноаппарата, ничего не было. Техническое оснащение кабинета было сделано руками ребят при участии учителя. Многих это потребовало вечеров, много неурочного, «домашнего» времени...

Теперь, когда принята реформа общеобразовательной и профессиональной школы, верит Юлия Николаевна, что постепенно ее кабинет будет оснащен по последнему слову науки и техники.

Меня поразила величавая неторопливость, появившаяся в Юлии Николевне на уроках. Плавные движения, изящный черный костюм, белая блузка, волосы узлом на затылке. Совсем не похожа на ту простецкую женщину-хозяйку...

Удивляюсь, как активно ребята работают на уроке. Сразу пятеро получают карточки с заданиями и выходят к доске. Пятеро других, из класса, контролируют отвечающих. А ведь это лишь

эпизод, деталь урока.

...Истоки интеллигентности, характера, судьбы человека она, учительница, — видит. Глядя на отвечающего, можно порой предсказать всю его дальнейшую биографию. Она должна поневоле быть мудрой...

Мальчишка с кустистыми бровями, с галстуком на груди загляделся на девочку-соседку, а она — стройная, гибкая, с двумя длинными косами — ноль внимания.

Юлия Николаевна вызывает его к доске, чтобы «отвлечь», и соседка сразу оживленно начинает ему шептать, а потом ловит мой взгляд и замолкает.

...Будто игра! — осеняет меня. Будто играет учительница с ребятами! Оттого ощущение легкости, раскованности, свободы!..

САД

Стволы деревьев изгибались медленно, будто потягивались после долгого сна. Крупные густые капли прижались к веткам вперемежку с толстыми почками. Недавно прошел дождь. На земле были лужицы, подернутые хрупкими льдинками.

Таким предстал передо мной пришкольный юннатский участок. Февраль, конечно, не самое удачное время для его осмотра. Вернее, самое неудачное. Но я познакомился с роскошными альбомами, где работа юннатов была расписана, разрисована, сфотографирована — словом, увековечена. Я узнал, что ранней весной зацветают на участке гиацинты, тюльпаны, нарциссы, лилии, пионы. Что на территории школы ребята выращивают сто сорок восемь декоративных деревьев, плодово-ягодный сад, много кустарников. Что особой заботой окружены двадцать пять орехов, посаженных в честь XXV съезда КПСС. Узнал, что прошлым летом были проведены такие опыты: 1. Выращивание перца без-рассадным способом. 2. Выращивание томатов безрассадным способом и из рассады. 3. Влияние густоты стояния лука на урожай. 4. Влияние глубины заделки гладиолусов на размер соцветий.

Просматривая альбомы, я узнал, что ученики Юлии Николаевны поступают на биологические факультеты и в сельскохозяйственные институты. И видимо, так же, как и она, где бы ни жили — оставляют после себя сады и заставляют землю цвести.

Научиться бы и мне деревья сажать...

КОЛЛЕГИ

Я бродил по коридорам, заглядывал в кабинеты, побывал в школьном музее. Везде было уютно, везде было по-домашнему

хорошо. Школа располагала к добру обликом, атмосферой. Непринужденны были учителя между собой. Я спрашивал их про Юлию Николаевну: и ребят и педагогов. Одна молоденькая учительница так сказала: «Формула «сейте разумное, доброе, вечное» сегодня устарела. Сегодня требуется растить разумное, доброе, вечное; защищать от сорняков, заморозков, засухи. Только «сеять» — сегодня мало. Потому и сильна Юлия Николаевна, что дает детям творческие задания. Нагружает их руки, ум и сердце. И тем самым активно воздействует на «семена», заложенные в ребят родителями и учителями, всем строем нашей жизни...»

А Галина Николаевна Мястковская, завуч, улыбчивая, черноволосая, говорила так: «Я работаю вместе с Юлией Николаевной два года. Меня поражает ее неисчерпаемое трудолюбие. Со стороны может показаться, что она никогда не устает, никогда не расслабляется. Можно пойти на любой ее урок, и каждый — работа высшего качества, которую можно показывать самой придирчивой комиссии. Она умеет, любит подбирать материал: кинофильмы, диапозитивы, наглядные пособия. Если что-то нужно для урока, она обязательно достанет. Обегает столько мест, купит на свои деньги, но обязательно достанет. Очень сильная сторона ее преподавания — наглядность. Она рассчитывает время, когда будет проходить то или это растение, и к нужному времени выращивает нужное растение. Уже четырнадцать лет у нее нет второгодников, она умеет добиваться, чтобы самый слабый — знал. Настойчивостью, терпением, добротой. По-моему, основной ее «секрет» в том, что она рационально использует время — очень его уплотняет. Это нелегко, но на ее примере видно, что достижимо...

Помню, ребята говорят: «Вы знаете, мы сейчас проводили лабораторную по биологии! Так интересно было!» Я спросила: «Почему интересно-то?» Они: «А Юлия Николаевна рыбу уснувшую у рыбаков купила и принесла! И мы изучали, как она устроена!»

ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Выросли в кабинете у Юлии Николаевны ландыши. Зацвели в январе. Ребята на них глядели с радостью, нюхали осторожно. Лето вспоминали. И вдруг несколько цветков пропало. Кто-то сорвал. Юлия Николаевна расстроилась. Не кричала, не искала виновных — погрустнела, поскучнела. А на другой день ребята привели мальчишку, сорвавшего цветы. Сами его нашли. О чем с ним учительница говорила — неизвестно. Теперь у нее в кружке этот мальчишка, среди активистов.

В позапрошлом году пришел в школу Валерий К. Характеристика на него: «Малолетний преступник, состоит на учете в детской комнате милиции, участвовал в кражах». Юлия Николаевна с ним договорилась — характеристика под замок, никто ее не увидит. Валера завоюет новую характеристику. И мальчишка ей поверил, начал исправляться, к учебе потянулся. Но тут вернулся его брат-рецидивист из колонии. И сорвал Валеру на прежнюю дорожку. Юлия Николаевна буквально по пятам за ним ходила. Каждую неделю встречалась в школе с его родителями и вместе с Валерой обсуждала прошедшие дни. В общем, оторвали мальчика от брата. Валера кончил школу. В праздник цветов — девятого сентября — прибежал, принес большой букет и характеристику с завода, хорошо ему сейчас работается.

У девятиклассницы Наташи случилось горе. Погибли родители — отец и мать сразу. Девочка осталась со старшим братом. К ней стала приходить Юлия Николаевна. Посидит, поговорит о жизни, прибраться в доме поможет, ужин вместе с Наташей соорудит. И девочка к ней привязалась. Даже с братом не была так откровенна, как с учительницей. Наташа окончила школу, начала работать. И все это время рядом с ней была учительница...

Ребята готовятся к областной биологической олимпиаде. Часто прибегают в кабинет, что-то переспрашивают, перебирают препараты, гербарии. Кажется, что все перезабыли, что не справятся с заданиями.

— А вы спокойно! — говорит Юлия Николаевна. — Делайте все спокойно, как в космосе космонавты! А волнение мне оставьте, я за вас волноваться буду!..

ТРАГИЧЕСКИЕ НОТЫ

Мы говорили об учителях прошлого. И прежде всего о Яне Амосе Коменском, который ввел то, что мы видим в современной школе: урок, класс, каникулы, объяснение от простого к сложному, повторение материала. Он же выдвинул принцип наглядности обучения, столь важный для Юлии Николаевны: если ученик не только умом постигает предмет, но всеми своими чувствами — зрением, осязанием, — то усвоение идет быстрее.

Юлия Николаевна читала мне слова другого великого педагога: «С утра до вечера я был среди них. Все хорошее для их тела и духа шло к ним из моих рук... Моя рука лежала в их руке, мои глаза смотрели в их глаза. Мои слезы текли вместе с их слезами, и моя улыбка следовала за их улыбкой... Они были со мной, и я был с ними. У меня ничего не было: ни дома, ни друзей,

ни прислуги, были только они». Так писал Иоганн Генрих Песталоцци про своих учеников.

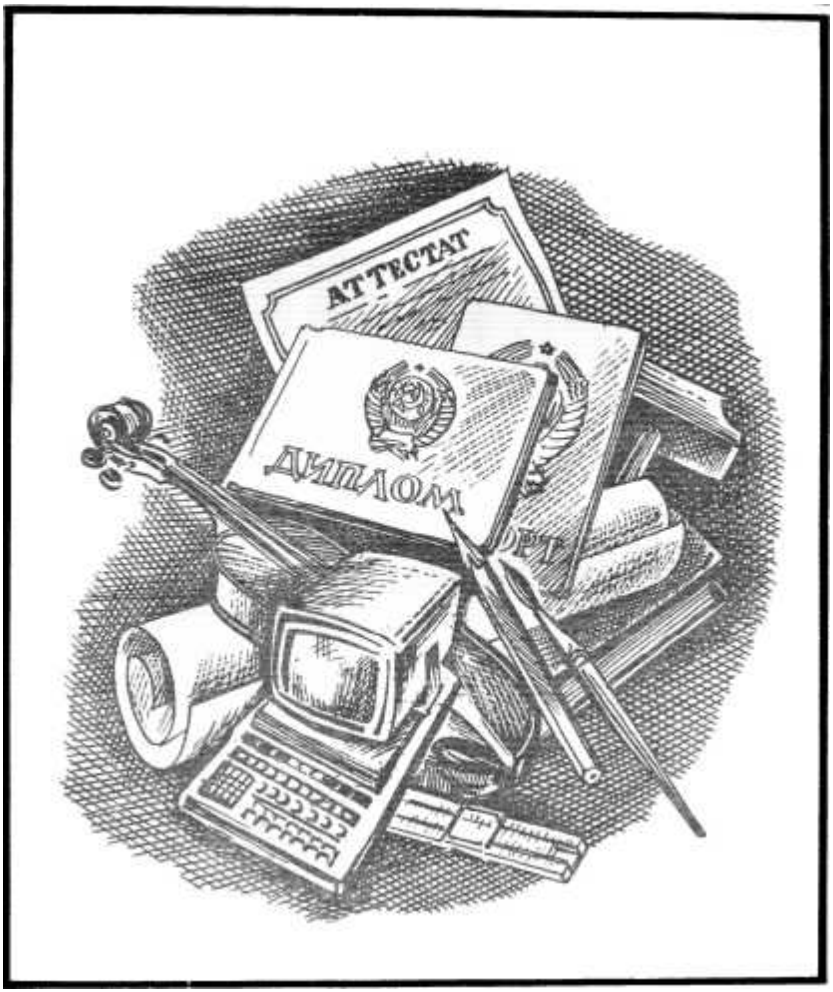
Его слова взволновали мою собеседницу. Она отвлеклась от нашего прощального разговора, задумалась. Лицо посуровело, обозначились морщинки в углах рта, потемнели глаза. О чем она вспомнила? Явно о чем-то нерадостном. Может, о своем сыне-школьнике, который умер в больнице во время неудачной операции? Я случайно узнал об этом и ни разу ни одним вопросом ее не потревожил.

В конце разговора я попросил Юлию Николаевну показать мне напоследок ее знаки отличия. Потом сидел, рассматривая дипломы, грамоты, записывал в блокнот по порядку: нагрудный знак «Отличник народного образования УССР»; грамота Министерства просвещения УССР, звание «Заслуженный учитель УССР», делегат четвертого съезда учителей УССР, звание «Народный учитель СССР».

Когда мы прощались, жалко было, что нельзя остаться, еще денек-другой побыть рядом... Никаких неожиданных секретов я не выведал. Никакой абсолютной истины не получил. Да ничего этого и не было у Юлии Николаевны, каких-то особых открытий, особых тайн. Просто жила вместе с ребятами. Жила по совести, по чести, по душе...

А что касается моих сыновей, ни поучать их, ни морализировать перед ними я не буду... Буду жить вместе с ними, принимать их радости и горести как свои... Не в этом ли тайна всех тайн педагогики?..

СТЕПЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ



Ф. Решетников. ПЕРЕЭКЗАМЕНОВКА.

Самый первый год... В апреле 1984 года стали законом «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Итак, что же сделано за год? Какова «скорость» реализации реформы? Что нужно сделать для того, чтобы устранить с дороги «камни преткновения»? На все эти вопросы попытались ответить в ходе своеобразного рейда, продолжавшегося неделю в Новгороде, сотрудники «Комсомольской правды».

От разговоров — к договорам. ВАЛЕРИЙ ХИЛТУНЕН

Пожалуй, именно этот эпиграф и следует предпослать к размышлениям о первом годе реформы. По крайней мере, если вести речь о трудовом воспитании. Ведь именно его перестройка — сердцевина, суть того коренного перелома, который намечен и начинает воплощаться в жизнь.

В кабинете любого директора — будь то директор школы или руководитель крупнейшего завода — на достаточно видном месте я всякий раз замечал папку, озаглавленную «Договор о содружестве базового предприятия со школой». У директоров школ эти папки лежали по правую руку, у производственников — по левую, но все-таки достаточно близко, и пыли на этих папках я не обнаружил. Наоборот — нашлись предприятия, в которых руководители самого высшего ранга собственноручно — и неоднократно, потому что документ непростой! — переписывали текст договора, внося массу поправок, свидетельствующих о том, что школьные дела знакомы этим сверхзанятым людям не понаслышке.

Надо сказать, что в стране и раньше, до реформы, уже были школы, сумевшие работать с близлежащими предприятиями в режиме творческого содружества. По прикидкам, выверенным на примере Новгорода, позволю себе дать гипотетическую цифру в два с половиной процента. Примерно столько школ «предугадали» развитие событий и оказались «на коне». Как правило, к этим школам принадлежат те, что в свое время сумели использовать все здравые положения предыдущей реформы. К сожалению, подавляющее большинство школ, предприятий в начале шестидесятых не сумели найти верный тон в отношениях друг с другом, да и материальная база, впрочем, тогда еще не позволяла вести серьезный разговор о подлинно трудовом воспитании, о включении всех ребят в настоящий производительный труд. Что ж, сегодня, четверть века спустя, мы уже накопили немалый опыт, да и ошибки для того и даны, чтобы на них учиться! Не два с половиной, а все сто процентов школ должны сегодня работать на уровне Халдана, Мамлюта, Очера, на уровне школьного завода «Чайка», наконец!

Школьных заводов мы в Новгороде не обнаружили. Впрочем, это было известно заранее, поскольку «Чайка» по-прежнему является учреждением одиноким. Правда, уже приняты соответствующие решения, по которым в столице в ближайшее

время должны появиться аналогичные предприятия, однако торопиться с победными реляциями не стоит: как показывает опыт, решения легче принимать, чем реализовывать. А пока — всюду в стране происходит, видимо, тот же процесс, что и в Новгороде: идет экспериментальное «отлаживание» моделей. Исходя из местных условий, из сложившихся традиций, органы народного образования вместе с производством пытаются понять: что же лучше? Вкладывать миллионы в развитие УПК, куда собирать возможно большее число старшеклассников, а постепенно и более младших ребят? Развивать уже имеющиеся в школах мастерские — сегодня они именуются громче: «Кабинеты производительного труда», но суть, в общем, та же? Или же целиком переложить все заботы о трудовом взрослении ребят на плечи заводов и фабрик, создавая специальные рабочие места для мальчишек и девчонок прямо в цехах? Думаю, что вряд ли кто-нибудь в стране готов сегодня сказать, что у него имеется готовая модель (директор «Чайки», пожалуй, составляет исключение). Судя по всему, складывается этакий переходный вариант, который предполагает, что ребята младших классов будут прямо в школах производить простейшую продукцию по заказам базовых предприятий, что в УПК будут направляться ученики 7—8-х классов, то есть учебно-производственные комбинаты резко помолодеют, что самые старшие из школьников придут непосредственно в цеха заводов и фабрик.

А дальше начинается масса дополнений, поправок, уточнений. Некоторые школы не нуждаются в помощи УПК, потому что давно уже изобрели более эффективные способы включения школьников в производительный труд. Некоторые заводы не могут принять ребят в свои цеха.

Причин много: вредность производства, особый режим пропусков, слишком сложная технология. Впрочем, последний пункт в силу некоторой туманности иногда служит лишь оправданием для тех, кому не очень хочется возиться со школьниками.

У КамАза колеса большие, да и у БелАЗа, МАЗа — тоже. Рядом с этим колесом мальчишечья фигурка кажется особенно беззащитной — куда тебе, мальчик, отойди от колеса, а значит, и от машины и от треста нашего Новгородстройтранса, потому что не можем мы изыскать работу одновременно и полезную, и доступную тебе. Так бы и мог сказать трест своей базовой школе № 10, и претензий к нему было бы меньше, чем, скажем, к швейной фабрике: на нет и суда нет. Но ведь сидело руководство треста за полированным своим столом, головы умные ломало, еще и еще раз перебирало всевозможные варианты. Кое-что

придумалось. Девчонки базовой школы получили заказ — приводят в порядок шоферскую одежду, которую после стирки, если посмотреть пренебрежительно, то можно пустить на ветошь, а значит, деньги народные — на ветер. А можно — так здесь и сделали — вручить школьницам нитки, иголки. А потом и спасибо от водителей, которым, говорят, тоже не все равно, в каком наряде за рулем сидеть, хотя, кажется, кто их там, на стройках, видит?

Рядом с колесом большегрузного автомобиля мальчишка и впрямь несоразмерно мал, но вот рядом с тормозной накладкой (колодкой) глядится вполне пристойно. С приходом школьников всего-то и высвободилось несколько слесарей, но тут ведь каждый слесарь — на вес золота.

И для малышей-третьеклассников работенку удалось-таки подыскать: картонные прокладки делать, операция тихая, неприметная, но все равно необходимая, потому что механизации пока не поддается: каждому тресту иметь свой автомат невыгодно по причине небольшой потребности, а возить эти хрупкие детальки, да еще десятки видов (поскольку грузовики-то в тресте всех видов!) себе дороже. Вот и внедрился сюда третьеклассник Петя, сидит себе и вырезает эту скромную деталь ножницами. И все довольны...

В скобках замечу, что изыскание продукции, которая была бы по силенкам самым маленьким школьникам, — это один из самых крепких «орешков», о которые обламывает зубы школа. С одной стороны, еще очень силен психологический стереотип, который заставляет с сомнением смотреть на сами эти поиски, а с другой — поди-ка поищи среди станков, конвейера некую деталь, пригодную для детских рук. Это ведь раньше бывало, что, скажем, плетение особо дорогих кружев лишь пятилетним девочкам и доверяли — лишь их пальчики обладали нужной чувствительностью, так ведь это когда было, при царе Горохе — теперь, кстати, говорят, что и пальчики не те, не столь чувствительны...

Как бы то ни было, но все образцы промышленной продукции, которые производятся новгородичами 1978, 1977 и 1976 годов рождения, можно уместить в маленькой папочке. Но — лиха беда начало. Корочки для удостоверений, предъявляемых рабочим на проходной одного из заводов, тоже ребята клеили. Ну и, конечно, как обойтись без традиционных конвертов — во все века трудовая терапия с конвертов и начиналась. Лишь бы не кончилось дело на этих приятных, но, согласимся, пустячках. Впрочем, раз в Новгороде мы нашли уже несколько образцов, то — умножаем на тысячу! — в стране, следовательно, уже столько

напридумано, что ни в какую папочку не уместишь.

Тем более что все педагоги — в один голос — заявляли, что на одном и том же виде труда долго малышей не удержишь, что и правильно — кому же захочется месяц за месяцем ярлычки-конверты клеить? Сам собой напрашивается вывод: следует почаще менять работу. Но для этого усилий одного предприятия мало, оно ведь с трудом и один-то вид наскребает порой. А другое предприятие — для данной школы уже не базовое, оно не обязано — и вновь начинается старая заунывная песня про ведомственные барьеры, и получил я в Новгороде две печальные жалобы о том, что с введением нового положения о базовых предприятиях дела пошли не лучше, а совсем наоборот: «Раньше я звонила на соседнее, пусть не закрепленное за нами официально, но так, по дружбе, предприятие — и директор шел навстречу, помогал с организацией труда. А сейчас и у него свои базовые школы требуют, да и совесть его вроде бы чиста: нам-то тоже есть с кого не просить, а требовать, но наше базовое и возможностей меньше имеет, да и расположено за тридевять земель» — так говорила директор школы, и если и преувеличивала, то только про «тридевять земель» — невелик городок, пешком обойти немудрено. Но одно ясно: прежде чем принять окончательное решение о закреплении того или иного предприятия за той или иной школой, на аптечных весах надо взвесить все «за» и «против», учесть и связи многолетние.

«...Шесть машин песку, четыре машины торфу для теплицы, три машины земли, дверь для оружейной комнаты, вентилятор для тира» — списком этим вполне можно было удовлетворить не очень привередливую комиссию и отрапортовать звонко о шефской своей работе, ввернув, кстати, и замечание про то, что во вверенной подшефной школе почти нет шоферских детей, так что все хлопоты — от щедрого сердца. Но он, трест, измором берет обком своего профсоюза, не разрешающий выделять для учителей бесплатные путевки в кардиологические санатории.

Что ему, тресту, учительские сердца, ан нет же — хлопочет, руководствуясь до смешного простой логикой: раз у Минстроя больше льгот и возможностей, чем у Минпроса, то надо делиться...

Предвидим возражения: учителям сегодня тоже немало достается хорошего по профсоюзной линии. Так-то оно так, но прислал нам как-то весьма убедительные расчеты настырный инженер из Киева. Сравнил он объем работ районного отдела народного образования и одного из строительных трестов. Объем-то получался сопоставимый, да ведь и дети — не балки железобетонные, с ними, детьми, хлопот вряд ли меньше, если,

конечно, хлопотать как надо. Потом в левую колонку он выписал те льготы, которые — тресту, а справа — что для школ. Очень разные по длине получились, надо сказать, столбики.

У школы-интерната № 1 около ста человек действующих шефов, основная сила — Управление внутренних дел.

Наметились линии взаимовыгодности. Сняв свою милицейскую форму, сотрудники управления занимаются аэробикой в школьном спортзале. Им главное — здоровье укрепить, пошатнувшееся на нелегкой службе, так что о внешнем аэробическом виде они не очень-то заботятся.

Но интернатские девчонки, которые занимаются с ними рядом, стараются украсить себя, как и положено: гетры ведь нужны, ленточки на лбу. Гетры вяжут сами, благо умеют, а шерсть добывают, распуская списанные кофты.

Но вообще-то нельзя сказать, что интернат обогнал прочие школы города по части трудового воспитания. Правда, директор пробивает строительство нового здания, оно поднимет свои этажи на самой границе города, и будет там побольше простора для приусадебной деятельности — от грядок до оранжерей, и сельскохозяйственный цикл войдет в программу на равных правах с математикой и литературой.

...Мечта стоит — ясное дело — много тысяч, заинтересованность в проекте выявило СМУ Ленгазспецстроя. «Какую? — спросил я. — Или это они широким жестом вам решили выложить немалую сумму?» Да нет, интерес у газостроителей прямой — здесь вполне можно будет развернуть подсобное хозяйство. Такое сотрудничество нам не показалось обидным, хотя, несомненно, сердобольная душа непременно отыщется, которая пришлет в редакцию укоризненное письмо: негоже сирот использовать в подсобном хозяйстве. А отчего же это негоже, если труд будет организован по-человечески, если и зарплата ребятишкам пойдет, и благодарность от строителей за свежие огурцы из парников, за рагу из крольчатины? Такое партнерство, видимо, лишь приветствовать надо.

Слушая директора, я даже подумал, что к концу пятилетки мы будем иметь здесь спецшколу с сельскохозяйственным уклоном. Может быть, первую в стране, если, конечно, какой-нибудь кировский или оренбургский энтузиаст не опередит.

Кстати, предполагается, что в скором времени Новгород получит свой сельскохозяйственный вуз — права гражданства обретет здешний филиал Ленинградского сельскохозяйственного института, а значит, лучшие выпускники этой необычной спецшколы смогли бы именно туда и поступать.

А может, и на следующий шаг решится город — будет

собирать в эту спецшколу-интернат талантливых ребятишек из глубинки, чтобы будущие агрономы, зоотехники росли примерно в такой же атмосфере, как «фэмэшата» в новосибирском академгородке.

Тем более, совсем неподалеку расположены образцовые хозяйства Прибалтики, Ленинградской области, да и на берегах Волхова и Ильменя тоже кое-что можно показать.

Жизнь частенько задает нам вопросы парадоксальные. Казалось бы, сельские выпускники средней школы должны с большим рвением в город стремиться, чем восьмиклассники. А оказывается — наоборот. Те, кто уходит из школы после восьмого, поступают, как правило, в городские ПТУ.

Несколько лет назад Борисовская школа с трудом набирала девятый класс, сейчас картина разительно изменилась.

Правда, тут другие проблемы выскакивают — село перестает быть поставщиком ребят для городских училищ, а это особенно сказывается там, где готовят специалистов по малопрестижным профессиям.

В «списке престижностей» год от года происходят изменения: ранее неприметные профессии становятся популярными. И только в самом конце, там, где значатся штукатуры, маляры и каменщики, — затишье. Казалось бы, именно строительные министерства должны из кожи вон лезть, чтобы использовать все возможности, данные им реформой. Увы, все, с кем я разговаривал, в один голос заявили, что именно строителям можно с полным основанием вручать приз за неповоротливость.

Парадокс? Да нет, чего уж там. Среди строительных организаций немало должников государства, откуда им брать дополнительные средства для того, чтобы вкладывать их еще и в школу? Один из руководителей так выразился: «У меня пять миллионов долгу. Могу, конечно, еще сто тысяч у государства занять, чтобы в школу вложить, только это как-то, знаете, нечестно». И впрямь!

Кроме того, из старшеклассников, занимающихся в УПК на соответствующих специальностях, на стройку попадают в лучшем случае считанные единицы. Так что, может, и правы те строительные организации, которые не торопятся вкладывать деньги в УПК?

Вот парадокс из парадоксов!

Если в раннем детстве кто-то из малышей не строит увлеченно замков из песка, не роет каналы — родители должны тревогу бить: явно не в себе мальчик. Но буквально десять лет спустя так же смотрят окружающие на парнишку, решившего пойти в строительное ПТУ или, скажем, на мелиоратора: не в себе

юноша, или совсем уж некуда ему податься.

Что же такое происходит за эти десять лет? Может, дети наши тоже догадываются, что именно на стройках хуже всего организовано дело, что там больше всего ручного труда, что в оплате неразбериха?

Ну, во-первых, это не всегда так, а во-вторых, ребята вообще ничего про строительное дело не знают — откуда им знать, если все их контакты со стройкой на уровне метлы и лопаты. Даже в УПК, где с грехом пополам удается сформировать строительную группу — ладно уж, машет рукой мальчишка, если в шоферы не берете, то, может, для дома пригодится малярная ваша премудрость! — знакомство с современным строительством происходит на уровне, мягко говоря, полуанекдотическом: в четверг мальчишки наклеивают обрезки обоев на стену, а в пятницу взрослые заново обдирают эти стены, чтобы следующей группе было куда клеить. Новые обрезки.

И это в то время, когда стараниями энтузиастов в стране накоплен удивительный опыт: шестиклассники построили жилой дом — стоит уж который год дом этот — жильцам только вот не сообщили, кто строил, чтобы не боялись — а то ведь у нас, взрослых, волосы на голове поднимаются всякий раз, когда мы слышим «дети и машина», «дети и стройка», «дети и деньги».

...Аэродром строили — вместе со взрослыми, конечно, но строили, а не метлой махали по летному полю. А сколько отремонтированных, реконструированных школ на счету ребят!

Однажды сообщили нам, что на восьмиклассников из клуба «Юный строитель» начали поступать заявки... от шабашников, что само по себе, несомненно, не радость, но — верный знак: по силам ребятам стройка, шабашники благотворительностью не занимаются, да и документы реформы не для них писаны — а вот поди ж ты, раньше школы развернулись...

Ведь только вдуматься — сколько в стране прорабов! Сколько, следовательно, открыть можно строительных факультативов в школах, кружков «Юный каменщик»...

Следует, однако, справедливости ради напомнить, что именно в строительном ведомстве обнаружили мы пример самого рьяного и ответственного отношения к школе. Правда, трест Новгородстройтранс командует грузовиками, но подчиняется он Министерству строительства СССР. А значит, примером треста вполне можно попенять и прочим строительным организациям.

У заместителя управляющего этим трестом папка шефских документов всегда под рукой, а в папке той — материалы про школьную реформу, все вдоль и поперек исчерканные остро отточенным карандашом.

...Тысячи таких же карандашей в разных концах страны энергично летают по строчкам договоров. Счастливого им полета — ради школы, ради будущего, ради детей наших — чтобы росли тружениками и гражданами.

Порядок — а не радует.
ОЛЬГА МАРИНИЧЕВА

Переходя из одной школы в другую, я с порога слышала: «У нас — самоуправление». Примеры были налицо.

Вот в 8-й школе у входа сосредоточенная девчушка — ответственная дежурная — что-то мудрит над стопкой дневников, в которых оценки за чистоту классов выставляют сами ребята. Пожилая техничка отправляется со своими заботами не в кабинет директора, а прямиком на линейку сводного отряда, где ей тут же выделяют помощников. В 21-й школе на втором этаже долговязый парень в очках, поднявшись на цыпочки, вытирает верхний косяк двери и, посмотрев на тряпку, недовольно хмыкает в адрес предыдущих дежурных. А у входа в школу другой старшеклассник, присев на корточки, отдраивает входную дверь.

— У вас что, субботник? — спросила я.

— Почему субботник? — удивился он. — Так каждый день.

И действительно, каждый день бесперебойно, как часы, действует в большинстве новгородских школ система самоуправления: пионеры и комсомольцы заступают на посты, получая задания от командиров сводного отряда на утренней линейке, убирают территорию, подводят итоги дня после уроков, сами разбираются с нарушителями дисциплины, вызывая их либо на «рапорт сводного отряда», либо — что гораздо серьезнее — на заседание «группы порядка». Сюда сами ребята и родителей могут вызвать, и вопрос поставить о снижении оценки по поведению, и в комиссию по делам несовершеннолетних обратиться...

Так сложилось, что во многих школах города «группы порядка» — это своеобразная комсомольская гвардия, куда комитет комсомола строго отбирает самых авторитетных, принципиальных ребят.

— У нас ведь дела ух какие! — объяснила, сурово сдвинув брови, десятиклассница 8-й школы Юля Вихрова. (Девчонок, кстати, в «группу порядка» здесь лишь недавно стали принимать.) Хотя, если перечислить эти дела — дежурства на вечерах, рейды в микрорайоне, работа с «трудными», — что уж в них такого особенного? Может, все дело в игре?

Три коротких звонка — значит, в школе ЧП, и все члены группы, будь то на перемене или во время урока, стремглав несутся в штаб на экстренный сбор, и учителя не имеют права их задерживать. Есть у них и свой отличительный знак — голубая повязка, — и надо видеть, с какой гордостью носят ее даже

десятиклассники. По окончании школы выпускникам торжественно передают эту повязку на вечное хранение.

Что ж, три ли тревожных звонка, требовательный ли перезвон склянок — помните? — в штабе Тимура абсолютно необходимы ребятам всех времен и возрастов, чтобы ощутить себя «командой особого назначения». И все же главное, наверное, в другом.

...В тот год, вспоминает организатор внеклассной работы И. Л. Левшинская, в школе велась изнурительная, но безуспешная борьба с курением. И тогда группа ребят пришла к директору и сказала: «Хотим заниматься настоящим делом». И еще они сказали: «Вам все равно с курением не справиться. А мы — справимся».

Так и родилась «группа порядка». Это очень важно — чтобы в основе инициативы, самостоятельности ребят лежало не требование «сверху», а твердая и гордая уверенность ребят: без нас этого не сделает никто. А мы — справимся. Подлинная, а не показная активность рождается только при чувстве своей незаменимости.

...В вестибюле 27-й школы под затейливым навесом из резных досок висит объявление: «Кафе «Теремок» работает по воскресеньям с 11 до 15 часов». Ребята объяснили: микрорайон у них новый, поблизости никаких клубов и кафе нет, а надо же чем-то ребят по воскресеньям занять. Сначала думали открыть обычный клуб выходного дня, но потом совет пионерской дружины предложил: а что, если создать в школе пионерско-комсомольское кафе? И не только для ребят — для всех жителей микрорайона! Целый месяц сами расписывали стены, сколачивали резные столы, обжигали их, лаком покрывали. И вот теперь в конце недели в микрорайоне появляются объявления с приглашением в «Теремок». Идут целыми семьями, а если родителям нужно куда-то уехать по делам, то они спокойно оставляют в школьном кафе своих ребятишек — тут и игры, и песни для них, и самовар с чаем и сладостями. Однажды даже свадьба в «Теремок» нагрянула! Директор, официанты в кафе — тоже сами ребята. Каждый класс по очереди готовит к воскресенью свою художественную программу.

— Кафе — наша гордость! — считает член комитета комсомола Таня Дмитриева. — Зайдешь сюда, посмотришь, как здесь чисто, уютно, салфеточки на столах, — и так хорошо на душе становится. Даже не верится, что все это — мы сами!

Есть в школе и свой кинотеатр, где директором, кассиром, билетерами — тоже сами ребята. Есть свой производственный участок — первый в городе! — который выполняет плановые задания завода-шефа. Руководит участком ребячий

производственно-технический совет, председатель совета — десятиклассник Саша Павлов. Совет самостоятельно решает вопросы о премировании, оплате труда, устанавливает нормы выработки. В то время когда мы были в школе, многие ребята болели гриппом, и совет решил дополнительно отработать за каждого из них. Об этом решении, кстати, администрации школы узнала лишь спустя несколько дней.

Директор, учителя школы здесь всерьез доверяют ребятам. Но вот попробуй секретарь комитета комсомола той же 27-й школы сам позвонить на завод, чтобы организовать экскурсию, или директору молодежного кафе, в котором они заказывают сладости для «Теремка», — на том конце провода, мягко говоря, удивятся: что за несерьезный звонок! И потребуют к телефону директора школы, или завуча, или организатора. Вряд ли возможно повысить авторитет комсомола и пионерии в школе, как того требует реформа, без изменения отношения к ребячьему самоуправлению со стороны всего взрослого, окружающего школу мира.

И еще. Безусловно, многие школы страны могли бы позавидовать порядку, чистоте новгородских школ, за которыми бдительно следят сами ребята. И это, вне всяких сомнений, большое достижение. Но все же самоуправление — это не только самообслуживание. Очевидно, сейчас, развивая требования реформы, пора подумать о следующем этапе самодеятельности ребят: о приобщении их к творчеству отношений внутри коллектива школы, о передаче им не только хозяйственных, но и педагогических функций. А это требует коренной, глубинной перестройки во всей воспитательной работе.

Но ох как трудно бывает перестроить иных учителей! Одно дело — голосовать за самоуправление на педсоветах, партийных собраниях, совсем другое — изменить свой стиль общения с ребятами, выработанный годами, десятилетиями. Можно сто раз на дню повторять ребятам: вы — хозяева школы, но вот, например, четверо «хозяев» собрались в радиорубке, через десять минут — выпуск школьной радиогазеты. Классный руководитель — тут же. С пластинками, журналами, газетами, в которых ею же старательно подчеркнуты нужные слова. Учительница нервничает, властно обрывает ребят. «Я буду вести разговор! Ты читаешь вот эти строчки, а ты, Дима, после Наташи включаешь «Солнечный круг»... А это еще что? Никитин, выйди немедленно, тебя сюда никто не звал!» И вот уже несется над школой ровный, безмятежный голос Наташи, и «Солнечный круг» звучит без запинки, а ребята слушают вполуха: сколько уж их было за годы учебы, этих правильных да гладких композиций с учительского

голоса, где ребята лишь в роли статистов...» И как не хватает — пусть и с запинками, и с волнением, — но живых, не по бумажке, ребячьих слов!

А вот и сводный отряд, который, как нам с гордостью объяснял директор, «всю школу держит в руках». Готовясь к «рапорту», то есть подведению итогов дня, ответственная дежурная перелистывает что-то вроде «кондуита», где записаны все прегрешения учеников за день. Полюбопытствовали, что же там? «Ну вот, например, семиклассник Миша вылил ведро воды на семиклассницу Машу». — «И что же вы с ним собираетесь делать?» — «Если до завтра не исправится, вызовем на рапорт к директору», — бойко отчеканивает «ответственная». И хотя директор, как дежурный от администрации, должен только присутствовать на «рапорте», а ведут его, по идее, сами члены сводного отряда, в сознании ребят эти демократические тонкости отсутствуют, а вот вызов к директору — нечто вполне осязаемое и ясное.

Идем на «рапорт». Девочки-восьмиклассницы, все трое — «ответственные», сидят в рядок, смирно сложив руки на коленях и слабеньким голоском, будто жалуясь, докладывают завучу происшествия за день. Вдруг врывается учительница, ведя за собой понурого мальчишку.

— Вот я вам, — обращается к завучу, — героя привела. Дневник в полном беспорядке!

— Чем ты объяснишь, что дневник с 21 января не подписан родителями? — грозно спрашивает завуч.

— Так они его посмотрели, чего еще подписывать?

— Дима, Дима, — переходит к вкрадчивому увещеванию завуч, — тебе должно быть известно, что родители у нас несут ответственность за воспитание детей. А дневник — это лицо ученика.

Мальчишка, уставившись в угол, усердно трет переносицу. Нехотя объясняясь, поворачивается от одной учительницы к другой, вовсе не замечая «ответственных».

Но беда даже не в том, что частенько на заседаниях комиссий, штабов и прочих органов самоуправления разговор ведут за ребят сами педагоги, а в том, какому подходу к школьной жизни, к личности ученика учат они ребят при этом, передавая им не лучшие образцы педагогической демагогии — нотации, абстрактные нравоучения... И самое главное, что «самоуправление» сводится при этом главным образом к усилению контроля, давления на личность — да и только. Не получается ли при этом, что из жестких рамок учительского контроля, укрепленных многочисленными ребячьими

структурами, начисто выпадает то, что создает духовность, особый нравственный климат школы: интерес к внутреннему миру растущего человека, стремление не только и не столько пресечь нарушения им школьного режима, сколько раскрыть его личность, видеть в нем в первую очередь доброе, хорошее, без чего абсолютно невозможен рост человека.

«Не допустить... прекратить... остановить — так складывается логика мышления учителя, — с горечью пишет известный педагог М. П. Щетинин. — Потому так остер, так наметан наш глаз на то, что «нельзя», что «не так», почти равнодушно скользя по тому, где «так», где достижения. Учительская склонна скорее к тревожности (это ее нормальное состояние), нежели к радости. И не только учительская. Однажды я спросил у секретаря комитета комсомола школы: «Когда вы последний раз приглашали на комитет комсомольца, совершившего добрый, хороший поступок?» Секретарь посмотрел на меня как на великого шутника: «Разве за хорошее вызывают на комитет?»

Честно говоря, я не могла разделить в одной из школ радость десятиклассника Володи, члена «группы порядка», по поводу того, что двое его подшефных «трудных» пятиклассника, едва увидев его в коридоре, пытаются спрятаться: «Знают ведь, что дневники проверять буду!» — с гордостью объяснил Володя. В тот день на заседании группы заслушивали его отчет о работе с подшефными. Все было в отчете — и анализ успеваемости, поведения, и сведения о семье, но вот когда мы спросили Володю, что же за люди все-таки эти двое мальчишек? — он опешил: «Тяжело сказать...»

Не с этого ли начинается формализм — пусть и при самой бурной деятельности комитетов комсомола, учкомов, штабов и групп, когда во всей этой деятельности отсутствует главное: человечность, тонкое нравственное зрение комсомольских и пионерских активистов? Вот чему надо бы учить их в первую очередь. Иначе именно здесь, в стенах школы, и теряется, очевидно, тот самый «человеческий фактор», который потом мы так усердно ищем на производстве, в сферах взрослой жизни.

Дело в том, что в лучших школах и сами ребята сознают потребность в «очеловечивании» всей комсомольской работы. В комитете комсомола 21-й школы зашел у нас разговор о том, что же считать сейчас главным делом комсомола.

...— Комсомол всегда должен быть там, где труднее всего! — отчеканил Виталий Глеков, ответственный за военно-патриотический сектор, командир «группы порядка».

— Раньше комсомольцы всегда что-то строили... — неуверенно вступила в разговор Света Федотова, председатель

учкома.

— ...А теперь нужно строить людей! — Это — самое главное! — встряхнула светлыми прядями Оля Белюсенко, секретарь комитета комсомола. — Но если бы знать как? — И она мучительно свела тонкие брови, повернувшись к своим ребятам.

Оставим этот вопрос Оли открытым.

Товарищ мой, учитель!
ЮРИЙ ДАНИЛИН

Каждое утро я отправлялся в школу с одним желанием — быть свидетелем поиска. Здравого, хорошо обдуманного, самостоятельного и так необходимого реформе. Особо острая потребность в этом появилась после чтения многочисленных планов, списков мероприятий, стендов, посвященных школьной реформе, на которые, кроме меня, никто в школах внимания уже не обращает. Но тем не менее призывы на стендах своевременны и актуальны, а передовая одной из пионерских газет заголовком своим спрашивала: «Что ты сделал для реформы?» Вопрос понравился, и я стал думать, кому же целесообразнее его задать. Решил — учителю. От него в большей мере зависит, не останется ли реформа только красивым стендом в школьном коридоре. Лучше — молодому учителю. Он и по возрасту ближе своим воспитанникам, и, что называется, «не в плену традиций».

Учительские комсомольские организации в большинстве новгородских школ невелики. Как-то так получилось, что секретарями почти всюду избраны учителя начальных классов. Они терпеливо выслушивали мои вопросы о старшеклассниках и рассказывали про младших. Куда денешься от специфики?

«А с какой идеей вы пришли в школу?» — спрашивал я тех, кто только начал работать. И ничего не слышал в ответ. Вот спорная ситуация: то ли должна быть эта идея у выпускника педвуза, то ли нет? Одна из директоров поинтересовалась: «А что вы имеете в виду? Разве недостаточно на первых порах быть просто добросовестным?» Нет, недостаточно. Добросовестность — это не идея, а обязанность. И чтобы окончательно ситуацию прояснить, замечу, что с добросовестностью как раз все в порядке. Молодые учителя в новгородских школах как дети в благополучных семьях: вниманием не обделены. В любую свободную минуту к их услугам прекрасно оборудованные методические кабинеты, опыт заслуженных и известных в школе мастеров...

Но все-таки как же быть с идеей? Задавая один и тот же вопрос, можно было прослыть тугодумом. Печальная участь эта не смущала только потому, что я знал: один приличный человек добился таким путем своего. К Новгороду, правда, никакого отношения он не имел. Звали его Николай Ефимович Половнев. И директорствовал он в небольшой сибирской школе. Очень любил интересоваться этим вопросом у молодых коллег. «Толковый вы

предметник, — ласково обнимал он самого неподдающегося из своих подчиненных историка Василия Максимовича, — но можете из него хоть на часок выбраться?» Историк молчал как неисправимый двоечник. «Хорошо танцуете?» — Отрицательный кивок головой. «И на скрипке не играете?» Нет, и на скрипке он не играл, и театр не любил — трудный человек попался. Для кого угодно. Но не для директора. Не мог он работать с людьми без идеи.

Утром следующего дня, задолго до уроков, высмотрел историка в окно, вышел ему навстречу и очень серьезно поинтересовался: «Как вы считаете, стены в коридоре имеют воспитательное значение?» — «Наши не имеют, — разговорился с утра историк. — Дети на них уже давно не смотрят». — «Что же делать?» — «Картины из Третьяковки попросить», — съязвил историк и не понял, чем так обрадовал Половнева. Но уже после уроков они вместе сочиняли письмо министру культуры: затевать галерею — так по-настоящему. Заходили по школе экскурсоводы, и все стали разбираться в станковой живописи и вести ученые разговоры о роли детали в пейзаже.

Значит, все-таки должна быть сверхзадача? Безусловно. Иначе мы бы никогда не имели опыта Макаренко и Сухомлинского. И документов реформы тоже. Ведь о чем бы ни шла в них речь — производительный ли это труд, совершенствование урока или еще какой-либо важный раздел школьной жизни, — все подчинено главной цели: воспитанию нового человека. И в процессе этого воспитания каждый педагог должен активно участвовать. Подчеркиваю — активно! Особенно молодой. Но вот активность, как выяснилось, толкуется очень по-разному.

Владимир Александрович Куприянов, преподаватель школы № 13, развивает ее в пределах своего предмета — географии. Дисциплине этой в новгородских школах исключительно повезло: среди преподавателей немало мужчин, да к тому же еще и отважных. Только представьте, сколько хлопот сваливается на голову организатора туристского похода, да еще, к примеру, на плотах? Не представите, пока сами не испытаете. Владимир Александрович меня тем и удивил, что про хлопоты ни слова не сказал. А мог бы, так как каждое лето идет с ребятами интересными и трудными маршрутами, которые вместе с ними сочиняет.

В походы идут не развлекаться — за делом. Как правило, солидным и очень нужным.

А возвращаются в школу и для всех, кто не смог пойти с ними, оформляют свой зал рядом с кабинетом географии. Самый нелюбознательный человек в школе сразу скажет, что растет в

местных лесах, как выглядят лекарственные растения, геологические, водные памятники, охотничье-промысловые заказники. Сколько получает Новгородская область осадков в год, откуда строители берут песок и надолго ли его хватит — все знают в школе № 13. Это не наглядные пособия, это инструментарий науки географии и учителя Куприянова. И без него, в чем он совершенно не сомневается, науки просто быть не может. Ему очень важна обратная связь — раздумья его ребят, их поступки... иначе как же работать?

Познакомившись с Владимиром Александровичем, я уже не воспринимаю недоумение молодых учителей: что мы, дескать, можем, когда нас так мало?.. И слово-то жалостливое какое: мало... Как хорошо, что в городе были педагоги, которым оно вообще незнакомо. Один из них — Николай Геннадьевич Варухин, или просто дядя Коля. Но он тоже, к великому сожалению, прямого отношения к учительскому комсомолу не имел.

Ходил по коридорам школ, искал педагога с идеей, со смелым поиском, но даже предположить не мог, что самое, пожалуй, интересное обнаружится в двух шагах от гостиницы, где жил, под мостом. Вообще-то, конечно, в клуб юных моряков мне советовали заглянуть, чтобы убедиться, на что способен один, да к тому же плохо оплачиваемый энтузиаст, если в течение шестнадцати лет не ушел он со своего капитанского мостика, продуваемый всеми ветрами, истрепанный многочисленными проверками, выстроивший на берегу реки такую верфь, подобных которой в других местах страны не встретишь. Выбил у флота несколько списанных кораблей и своими руками вместе с шестьюстами мальчишками наладил эти корабли, и теперь, говорят, Новгород располагает крупнейшим в стране учебным судном для подростков. И если бы в стране работало, скажем, тысячи таких же клубов юных моряков, как новгородский, нам, видимо, пришлось бы позакрывать все спецшколы для «трудных».

В один из вечеров я познакомился с человеком, чьим именем незаслуженно пренебрегает история дипломатии. Уж с какими хитростями сталкивается каждый день руководитель клуба «Бригантина» Любовь Алексеевна Георгиевская, и ни от одной не оробела. А я слушал ее с удовольствием и думал, что не зря обежал со своим вопросом почти все учительские комсомольские организации города — нельзя педагогу без идеи, без сверхзадачи.

А если ее нет? Выяснить причины я и отправился в Новгородский педагогический институт. Реформа здесь, как выстрел стартового пистолета, ускорила очень важные процессы. Появился новый факультет, где готовят учителей труда, расширен

прием для будущих учителей начальных классов, кафедра педагогики, опережая наши расспросы, похвасталась новыми специальностями на ФОПе. И не без оснований: готовят воспитателей групп продленного дня, пионервожатых, специалистов по спорту и туризму. В учебные планы института введена методика воспитательной работы классного руководителя. Одним словом, по коридору расхаживали молодые симпатичные люди, бодрые, энергичные, современные, подготовка им обеспечена вроде тоже достойная. Что же происходит потом? Какие метаморфозы заставляют их вписывать в воспитательные планы уже в первый самостоятельный год работы все одни и те же слова: «вечер», «викторина», «смотр» — и недоумевать, чем это плохо? Ищу причины.

Но, может быть, во всем виноваты учебные планы? Часы, отведенные для изучения методики пионерской и особенно комсомольской работы, можно назвать только жалкими. Они не рассчитаны даже на толковое изложение традиционных понятий, не говоря об эксперименте, поиске новых форм. Грустные факты эти меня очень озадачили, равно как и многих в институте. Так много говорится о значении воспитательной работы в современной школе, и так неуклюже выглядит это значение в учебном плане... Выход, разумеется, есть: практика комсомольской организации института могла бы восполнить многие проблемы плана, но... пока этого не произошло. Как хотелось отыскать в замыслах комитета комсомола условия, скажем, такого конкурса: какой ты видишь школьную газету? Абсолютно точно утверждаю: такой скучной, какая она есть почти во всех новгородских школах, ее не увидел бы никто. А ведь это газета, а не календарь знаменательных дат. Кто придумал выпускать ее к праздникам? Газета — тоже канал обратной связи, да еще какой важный: если можно поделиться своим мнением, открыто высказать свои взгляды... Давайте подумаем, часто ли школьная обстановка позволяет это? К сожалению, вопрос задаю я, а не комитет комсомола пединститута.

А еще можно было бы позвать однажды из Борисовской средней школы вчерашнего выпускника, историка Виктора Алексеевича Кондратьева, в самую большую аудиторию института. И по собственному телевидению, которым здесь справедливо гордятся, объявить: кто не хочет лишних ошибок, приходите послушать открытия Кондратьева. Не сомневаюсь, их у него достаточно. Как и у лучших выпускников педвуза, с которыми, к сожалению, обратной связи почти нет.

Впрочем, однажды ректор института М. И. Куликов вместе с заведующим кафедрой педагогики И. Д. Бутузовым предприняли

небольшое социологическое исследование по адаптации молодых специалистов в сельской школе. Листая эти материалы, можно только порадоваться их содержательности и ценности для института: надо же знать, кого готовить и к чему. Но вот неожиданность: исследования не повторились. И совершенно напрасно.

Нет заинтересованности в судьбе будущих педагогов и у тех, кто их направляет на учебу. В институте работает факультет будущего учителя. Его руководитель, Олег Сергеевич Орлов, сообщил, что из 495 принятых в прошлом году человек 142 — воспитанники факультета. Многие с комсомольскими путевками. Но еще никогда ни один райком области не поинтересовался итогами первых сессий — не отчислили рекомендованных? Связь с ними фактически обрывается вручением рекомендации.

А ведь отчисляют многих. Особенно на физфаке. Выходит, не лучшие выпускники новгородских школ осаждают в августе институт. В первый год реформы среди них не было молодых рабочих с предприятий — членов педотрядов, воинов, демобилизованных в запас. А ведь самая первая эта ступенька — абитуриент — нуждается в особой комсомольской опеке, потому что именно она держит все здание школы.

Но вернемся к нашим поискам. Если и плещется где-либо педагогическая мысль, так это, должно быть, на педсовете. Тетради с их протоколами всегда под рукой у директора. Большие такие тетради, похожие на амбарные книги, только в щегольских корочках. А вот содержание почти идентично: если не учет, то отчет, утверждение — все, что угодно, только не совет. Советоваться — значит думать, искать, предлагать, а повода для столь естественных состояний мысли и души повестки педсоветов не дают. И это удивительно. Ни одной «живой» ситуации, ни одной проблемной постановки вопроса... А разве педсовет не творческое объединение педагогов, не постоянно действующие курсы повышения квалификации и не педагогическая мастерская?

На все эти вопросы я всюду получил утвердительные ответы. Но на крыльце девятой школы встретил Семенова Валеру, человека лет тринадцати, а то и меньше. Уроки идут, а он семечки щелкает. «За что выгнали?» — скромно поинтересовался я. «За все хорошее», — не моргнув глазом ответил Семенов Валера, и стало понятно, что он — не подарок девятой школе. Но когда же это произошло, с чего началось? Разве это не повод для разговора на педсовете? Но, боюсь, личность Семенова Валеры заинтересует педсовет только при решении вопроса о мерах его наказания, но не как проблема, будящая в коллективе раздумья, открытия, споры... А то бы еще пригласить на педсовет Николая

Геннадиевича Варухина, Владимира Александровича Куприянова, Любовь Алексеевну Георгиевскую и спросить, как рождаются педагогические идеи, как разжечь в учителе огонь энтузиазма, подвижничества? Очень интересный, а главное, полезный получился бы разговор.

«Учитель живет до тех пор, пока учится» — слова эти К. Д. Ушинского я встречал во многих школах и к концу своей командировки убедился, что это не элемент оформления методкабинета, а действующая норма в новгородских школах. Опытный учитель, наставник — непреходящая ценность нашего общества, он делает понятие «школа» не административным и позволяет нам в течение всей жизни помнить и гордиться тем, что был учеником Половнева или Куприянова. Пусть чаще помнит об этом и молодой педагог с комсомольским значком на груди и не теряется от вопроса: «С какой идеей вы пришли в школу?»

«Я работать бы пошел…» МАКСИМ ЗЕМНОВ

— Лентяй ты несчастный, да я в твои годы... — начинает распекать сына папаша. Знакомая сцена. Только вот конец у нее неожиданный: «Ну что ж, я с удовольствием поработаю!»

А почему такой уж неожиданный? Когда в одной из московских школ я спросил у старшеклассников, кто хотел бы поработать, поднялся лес рук. «Конечно, хотим. Но где?» — тут уже вопрос был задан мне. И я не нашелся что ответить.

...Ветхая избушка в центре Тамбова не охраняется государством, это не памятник архитектуры. Здесь — единственное в городе бюро по трудоустройству. Войдем по ее шатким ступеням и спросим: куда устроиться подростку?

— А это не к нам, — ответили хозяева домика (наверное, со своим вопросом я был не оригинален). — Этим занимается школа.

Но оказалось, устройством подростков на работу не занимается и школа.

— Не будем же мы каждого за ручку водить по отделам кадров,— резонно ответили в областном отделе народного образования.

Попробовал я сам «стать» подростком и «поводить себя за руку». Оказалось: на трудоустройство школьника человеку, в этом деле несведущему, требуется в лучшем случае несколько дней, а то и месяц. Положительный результат не гарантирован. Кто же может позволить себе такую роскошь? Вероятно, те, кто по доброте душевной возьмется за это хлопотное дело. Когда — учитель, когда — сердобольный родитель, когда — комиссия по делам несовершеннолетних, когда — секретарь райкома комсомола.

Немало времени провел я за чтением различной специальной литературы, газет и журналов, пытался выяснить, как сегодня у нас обстоят дела с трудовым воспитанием учащейся молодежи, в каких регионах уже сейчас, не дожидаясь, когда Госплан СССР выделит или создаст для учащейся молодежи несколько миллионов рабочих мест, используют имеющиеся реальные возможности занять подростков реальным и полезным делом во время каникул и в учебном году.

И вот что выяснилось.

БЮРО ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ КРАЙНЕ РЕДКО ЗАНИМАЮТСЯ СТАРШЕКЛАССНИКАМИ. У работников бюро есть

отговорка: по закону подростков на работу должна устраивать комиссия по делам несовершеннолетних (само ее название отпугивает школьников). Но по логике это, думается, все же обязанность органов по труду. Только здесь работают профессионалы, любой другой сделает эту работу по-дилетантски (да и зачем ему делать чужую работу?).

В результате у нас трудоустраивается, как правило, всего *три процента* старшеклассников. Остальные 97 — это те, кто не только не захотел, но и не решился отправиться в поход по инстанциям. Первой и последней из них должно было бы стать бюро по трудоустройству.

Из Минска, Запорожья, других городов пишут читатели о том, что подростку легче поступить в любое специальное училище или техникум, нежели на временную работу в цех, мастерскую. Журналисты одной из центральных газет пытались как-то устроить почасовиком на любую работу абстрактного старшеклассника. И его бы приняли, «если уже есть 16 лет, если речь идет об одном летнем месяце (два уже нельзя), а главное, если на руках имеется направление комиссии по делам несовершеннолетних. ...Там (в комиссии) сказали: разрешат, если есть согласие школы, если ученик хорошо учится, если в семье материальные затруднения, если речь идет о лете и т. д.». То есть более семи не всегда легковыполнимых пунктов (например, хорошая учеба или материальные затруднения).

Думаю, трем из ста подростков, сумевшим устроиться на работу, можно давать грамоты за упорство и настойчивость. Ведь первый вопрос, который каждому из них задали в отделе кадров, был таким: «Тебе что, есть нечего?» Это может быть сказано в более мягкой форме: «Ты что, очень нуждаешься?» Я не фантазирую. Я перечисляю реальные вопросы, заданные реальным подросткам (с их-то гордостью!).

Подрабатывающего подростка воспринимают как нечто непонятное и в школе. Дать справку «хорошисту»? Зачем? Пусть лучше учится, готовится поступать в институт, всех денег все равно не заработаешь...

«Знаете, во сколько лет ребенок может стать «ТРУДным»? В десять, — сказали мне в одном из московских отделений милиции. — А вот ТРУДоустроиться нельзя до 16, а во многих случаях и до 18 лет».

Значит, сломать, разбить он может куда раньше, чем построить? Энергия подростка требует выхода. На благо или на зло она будет направлена? Уверен, будь у нас трудоустройство подростков на должном уровне, «трудных» стало бы куда меньше.

В Тамбов я приехал сразу после того, как побывал в

Прибалтике, где изучал опыт трудового воспитания учащейся молодежи. Опыт интересный и полезный.

В Латвии бюро по трудоустройству находят работу не только 16-летним (им КЗоТ дает «добро»), но и 15-летним, правда, только в исключительных случаях. «А мы и считаем лето исключительным случаем», — говорят сотрудники бюро.

Выбор профессий здесь огромен — более ста. Заведующие отделениями бюро — члены комиссий по делам несовершеннолетних. Так что ходить туда не надо. На плакатах, которые висят в городе, в школах, читаю: «Если ты летом хочешь поработать, то, имея при себе паспорт (свидетельство о рождении) и справку из школы, получишь направление». Попасть работать на завод, в узел связи, больницы, универмаг можно только с таким направлением. За несколько месяцев в бюро уже знают, сколько где свободных рабочих мест на лето, каков заработок.

Я рассказал об этом в тамбовском отделе по труду облисполкома.

— Нечего нас сравнивать с Прибалтикой. Мы совсем другое дело.

— Пусть у вас будет свой, тамбовский опыт трудоустройства старшеклассников. Вы же ими совсем не занимаетесь.

— Бросьте, — парировал сотрудник отдела. — Какие из них работники?

А между тем использование посильного труда подростков было бы равносильно вовлечению в народное хозяйство примерно 900 тысяч условно-годовых работников — об этом говорят исследования лаборатории трудовых ресурсов при Госкомтруде РСФСР. А скольких взрослых работников мы смогли бы летом отпустить в отпуск! Сколько бы сделали сезонных работ! Это же золотые россыпи.

Итак, первый аргумент «противника»:

— ДЕТИ ПЕРЕУТОМЛЯЮТСЯ, ОНИ И ТАК ПЕРЕГРУЖЕНЫ, У НИХ НЕТ ВРЕМЕНИ.

Вы не задумывались, почему никто не хлопочет о трудоустройстве сельских школьников? Напротив, в газетах периодически появляются заметки, требующие оставлять побольше сельским школьникам времени на учебу. Так почему же в городе мы с таким скрипом устраиваемся на работу в 16 лет, а в селе чуть ли не с 7 лет ребенок помогает взрослым в поле, на ферме, на приусадебном участке?

Вспоминаю командировку в Рязанскую область. Моя героиня встает в полчетвертого, с 6 лет помогала маме на ферме, с 10 доила с ней коров, с 14 — ходила подменной дояркой. И это не

исключение. Такое можно встретить не только в Рязанской, но и в любой другой области.

Вспоминаю я и жалобы городской мамаши: «Не могу придумать физической работы для сына. Отец приносит продукты, выбивает ковер, я стираю, убираю, а что делать ему?»

Так что же, городские дети — из другого «теста»?

По данным Института социологических исследований (ИСИ) АН СССР, у московских восьмиклассников большой резерв свободного времени, которое они проводят бесконтрольно, вне дома и школы. Чем они заняты? 92 процента ходят в кино, 78 — сидят у телевизоров, 80 — читают, 69 — гуляют и только 10 процентов занимаются в кружках.

Дети переутомляются? Да. Отсидеть в школе, за партой столько уроков — любой переутомится. А сидение за домашним заданием, у репетиторов — общеобразовательных, музыкальных и прочих? И здесь труд — спасение, разрядка, действие по принципу: работаешь сидя — отдыхай стоя. Что же, родители этого не понимают? Ведь все они хотят воспитать детей аккуратными, внимательными, самостоятельными.

Только один из тринадцати считает, что основная обязанность детей — учеба и их надо освобождать от домашних дел.

Считать-то считают, но вот продукты покупают лишь 16,5 процента детей; 8,3 — совершают покупки, оплачивают счета, сдают белье; убирают квартиру каждый день 19,8 процента детей; готовят пищу 7,2 процента; с малышами гуляют — 2,7; проверяют задания у младших школьников 0,8 процента.

Теоретически учить труду нельзя. А работа дома, уроки труда в школе, практике в УПК (учебно-производственный комплекс), ЛТО (лагерь труда и отдыха) все еще не в полной мере удовлетворяют потребность городских подростков в труде.

В Тамбове я встретился с организаторами внеклассной работы. По их общему мнению, лишь около четверти старшеклассников летом были заняты трудом более одного месяца. Три четверти провели остальные каникулы с родителями, в пионерском лагере... Однако подростку часто бывает достаточно 10—15 дней для отдыха, а не 1,5— 2 месяца. Десятиклассница одной из тамбовских школ сказала: «Мне хватает двух недель отдыха, потом уже не знаешь, куда себя деть». Ее одноклассник добавил: «Баклуши побить не мешает, но дней десять, не больше»...

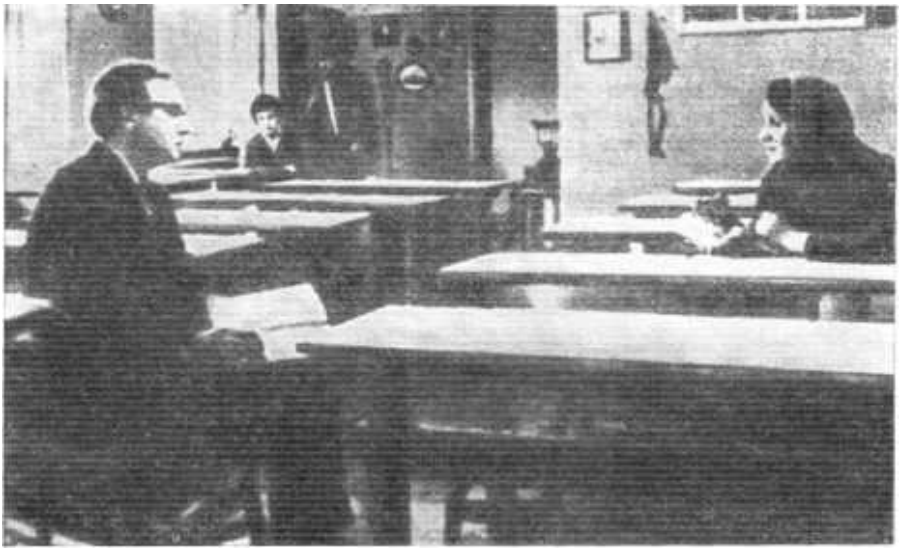
Второй аргумент «противника»:

— КАК БЫ ДЕНЬГИ НЕ ИСПОРТИЛИ ПОДРОСТКА, НЕ СДЕЛАЛИ ЕГО ПОТРЕБИТЕЛЕМ.

Получая деньги от родителей (наличными или, так сказать, в «овеществленном» виде), ребенок не «портится»? Испортится он, когда будет честно зарабатывать? Подросток не хочет жить полностью на иждивении у родителей, собирается внести свой вклад в семейный бюджет? Это прекрасно. Безнравственно не давать ему такой возможности.

Деньги — эквивалент труда, и мы не можем отбрасывать фактор материального стимулирования при возрастающих материальных потребностях. Подчас этот фактор становится решающим... В Латвии заметили: если раньше подросток устраивался на работу «куда возьмут», то теперь его интересует и то, сколько он будет получать. Что ж, мы говорим: «Учись ценить трудовую копейку». Но чтобы ее оценить, ее по крайней мере надо заработать. И тут приходит осмысление того, как легко деньги тратятся и как тяжело достаются. Ведь трудовые и дармовые десятки — деньги совсем разные.

В Латвии подростки продают квас и мороженое, убирают, моют посуду в столовых, зарабатывая в месяц по сто рублей и больше. «Испортились» они от этого? Ничуть. Я слышал немало историй, когда дети покупали дорогие подарки родителям.



Кадры из кинофильма «ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА».

Кадр из кинофильма «ГРАЖДАНЕ ВСЕЛЕННОЙ».

Кадр из кинофильма «УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ».

Аргумент третий:

— ЭТО ДЕТИ, У НИХ В ГОЛОВЕ ОДНИ ФАНТАЗИИ. С НИМИ БОЛЬШЕ ВОЗНИ, ЧЕМ ПРОКУ. СЕГОДНЯ ПРИДУТ НА РАБОТУ, ЗАВТРА НЕТ.

Опыт Прибалтики показал, что случаи халатного или даже несерьезного отношения подростков к работе крайне редки. Трудятся без прогулов и опозданий. Об этом мне говорили все руководители, имеющие дело с работающими школьниками. А вот еще один факт. В Латвии, в Юрмале, я встретился с начальником отдела кадров управления торговли. Оказалось, за 15 лет работы на ее памяти среди подростков не было ни одного случая недостачи. В торговле этим могут похвастаться еще не все взрослые.

Это факты, опыт многих лет работы. Но, кроме фактов и опыта, есть и ощущения. У работников органов по труду такое ощущение, что это не они не хотят трудоустраивать подростков, а отделы кадров. У тех, кто должен содержать город в чистоте, такое ощущение: зачем платить деньги школьникам, когда бесплатно пришлют студентов и рабочих (надпись на книжном магазине в Тамбове: «Закрыто в связи с уборкой прилегающей территории»)?

Так мы отбрасываем 32 из 33 подростков, усомнившись в их деловых качествах, даже не испробовав в работе.

Аргумент четвертый:

— ВЫ ЧТО, ПРОТИВ КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМ? — спросили

меня сторонники трудовых объединений школьников. — ЧТО ЖЕ ХОРОШЕГО В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ? В ЛТО ОНИ ПОД КОНТРОЛЕМ, А ТУТ ВДРУГ ОНИ ПОПАДУТ В НЕЗДОРОВУЮ ОБСТАНОВКУ?

Успехи школьных объединений известны. Нелепо было бы отрицать или преуменьшать их значение. Прекрасно поставлено это дело и в «Лотосе» — Латвийском отряде труда и отдыха старшеклассников, который награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, дипломом I степени ВДНХ СССР. В 22 отраслях работают школьники. Известность отряда столь широка, что если в Латвии остановить любого прохожего, то и он расскажет вам, что такое «Лотос». Летом почти каждый старшеклассник едет в отряд.

И все-таки в «Лотосе» работают один месяц. А потом? Пожалуйте в бюро по трудоустройству. Вообще, думаю, нельзя вопрос ставить так: или трудовые отряды старшеклассников — или индивидуальное трудоустройство подростков. Одно другому не мешает.

Беспокоит, что школьник-одиночка попадает в «дурное общество»? Помилуйте, ведь отдаем-то мы его не куда-нибудь, а в рабочую среду. В том-то, кстати, и вся соль, что подросток попадает в реальный трудовой коллектив, а не в искусственный из школьников-одногодков. Да и куда он придет через полгода-год? Не туда же?

И еще: в ЛТО школьника кто-то отправляет, на работу через бюро он устраивается сам. И выбирает при этом себе дело по душе, по склонности. Уверен: идеально проведенные каникулы — это те, в которые подросток узнал что-то новое о выбранном деле. Работала санитаркой потому, что хочет стать врачом, токарем — потому, что собирается на завод...

* * *

До 70-х годов мы, пожалуй, не знали серьезных проблем с кадрами. Хозяйственники были уверены: рабочих рук будет столько, сколько нужно. Так что подбирать такие «крохи», как школьники, студенты, совместители, пенсионеры, никто не собирался. Да и зачем, усложняя себе жизнь, брать двух-трех человек туда, где справится один?

В Риге я побывал в Управлении по благоустройству и на почтамте. Сказали мне буквально следующее: «Школьники нас спасают. Без них мы бы пропали».

Надо понять одно: есть определенный уровень работы.

В Латвии 12—14-летние дети с огромным удовольствием сажают цветы, пропалывают газоны, подрезают кусты. Уже в 15—16 лет ребята не хотят этим заниматься. Не рвутся на такую работу и те, кто постарше... Не могу понять, почему старшеклассница не может отнести посуду в столовой? Видел, как это делала старушка 82 лет со своей 72-летней напарницей... А почему школьник не может расклеить афиши? Здесь не нужно много ума, только клей и кисть. По пустующим тумбам заметно, что и эта работа вакантна.

В Москве, в одном из школьных дворов, несколько пятиклассников сбивали с дорожки лед.

— Не тяжело? — побеспокоился я.

— Конечно, нет! — услышал мужественный ответ.

Это пятиклассники. А если дать небольшой участок двум-трем десятиклассникам? Думаете, не справятся, запустят? А вдруг нет? И я отправился в ближайший ЖЭК.

— Дворниками у нас работают мужчины до 45 лет, женщины до 40, — с гордостью ответили мне. — Набираем по лимиту, даем прописку, хорошую комнату, потом квартиру.

Но таким образом оголяются в какой-то степени деревни, малые города, отбирая оттуда людей *на неквалифицированную работу*. А если бы волевым усилием заставить ДЭЗы и ЖЭКи брать на подобную работу (не будем преувеличивать ее сложность!) только старшеклассников, студентов, совместителей? Но попробуйте устроиться дворником — свободных мест нет.

«Проблема «труд и подросток» требует своего решения, — считают в Научно-исследовательском экономическом институте при Госплане СССР. — Потому, что сегодня в большей степени, чем когда бы то ни было, подросток стремится к самостоятельности, самоутверждению. В том числе и за счет собственного, пусть небольшого заработка. Потребности в наше время растут стремительно. И вполне понятно нежелание все время брать деньги у родителей. Считать же, что самостоятельно заработанные деньги «испортят» подростка, — очевидная нелепость... Итак: есть потребность в труде у самих подростков, есть и возможность и даже экономическая необходимость в ней. Конечно, с соблюдением КЗоТа и указаний медиков: где можно использовать труд подростков. А работ таких немало: на почте, на расклейке афиш, уборке и благоустройстве территории. Ведь существует множество «непрестижных» профессий, которые не требуют восьмичасового рабочего дня. Взрослые туда идут неохотно, а подростки с удовольствием поработают месяц-два... С другой стороны, дать возможность старшекласснику поработать летом — значит провести самую лучшую профориентацию,

помочь подростку «найти себя». Забывать об этом нельзя! В той же Латвии бюро по трудоустройству предлагает подростку на лето работу по более чем ста профессиям... Сама жизнь требует решения проблемы «труд и подросток». И в кратчайшие сроки! Это чрезвычайно важная социальная, воспитательная задача. И решать ее в первую очередь должен Госкомтруд, органы по труду...»

В документах о школьной реформе прямо говорится: важно, чтобы школьники практически включались в производственные отношения, получали жизненные представления о социалистической собственности, плане, трудовой и производственной дисциплине, заработной плате, учились ценить трудовой рубль. Как это осуществить, если нет для школьников вакансий?

Есть у данной проблемы и другой аспект — экономический. В стране острый дефицит рабочих рук. Но до сих пор нашей наукой совершенно не исследованы такие значительные трудовые ресурсы, как школьники и студенты. Этим ученые начинают заниматься только сейчас. В Центральной научно-исследовательской лаборатории трудовых ресурсов при Госкомтруде РСФСР изучаются дополнительные источники рабочей силы, в том числе учащаяся молодежь. Выборочно проверяется шесть регионов России. Можно будет ответить на вопрос: сколько работает школьников уже сегодня, сколько хотели бы трудиться. Пока мы не знаем этого.

Программа школьной реформы, в частности, ставит вопрос о снижении возрастного ценза по определенным профессиям. Однако возникает вопрос: как намерены использовать школьников на предприятиях?

В одной школе договорились с кондитерской фабрикой — клеить коробки. Ну а если спокойно разобраться: работа нудная, монотонная, ее нужно просто механизировать. Конечно, и в этом случае подростки получат некоторые трудовые навыки, но прибавится ли у них любви, уважения к труду? Зато руководство фабрики на какое-то время может успокоиться: участок «закрыт кадрами», с механизацией можно не торопиться. А если бы та же фабрика приглашала школьников на работу по вольному найму? Думаю, процесс был бы уже механизирован. Частенько раздаются и голоса, требующие обязать подростка трудиться определенное количество часов — допустим, не менее четырех в день. Думаю, такая мера тоже не лучшим образом отразилась бы на воспитании ребят. Подросток должен сам решить, где, кем и сколько ему работать и делать ли это вообще. А взрослые могут лишь помочь ему сделать правильный выбор. Помочь не только советом, но

прежде всего созданием соответствующих условий, при которых все больше мальчишек и девчонок считали бы для себя престижным приносить конкретную пользу и обществу и семье. К сожалению, порой подростки страдают комплексом: «стыдно убирать посуду, продавать квас». Комплексом, от которого уже избавились в Риге. Мы, взрослые, любим повторять: «Труд — главный фактор воспитания», «Наша школа должна стать действительно трудовой», «Труд — мерило достоинства человека, его первая жизненная потребность». Подростки с этим утверждением полностью согласны. Посмотрите, как трогательно пишут о труде в школьных сочинениях! Но когда мальчишки и девчонки от слов хотят перейти к делу, многие из них слышат от своих родителей: «Еще наработаешься. Тебе надо 10 рублей? Я дам 20». Думаю, таких родителей если и способен кто-то перевоспитать, то это лишь... их дети. Если они будут видеть вокруг себя своих сверстников, занимающихся посильной работой, зарабатывающих на свои подростковые нужды трудовые деньги. Если в каждом городе они получат возможность свободного трудоустройства на самые разные предприятия, и для этого им не нужно будет проходить унизительную для самолюбия взрослеющего человека процедуру, о которой говорилось в начале этой статьи...

И наконец, практический вопрос: кто будет трудоустраивать подростков, студентов? В Управлении трудовых ресурсов Госкомтруда СССР мне сказали:

— Подросток хочет поработать в летние каникулы? Госкомтруд СССР — за! Такова наша позиция. В партийных документах ясно говорится о необходимости привлекать школьников в период летних каникул к посильной работе в народном хозяйстве на добровольных началах. Теперь дело за нормативными документами, которые бы определяли оплату, условия труда, максимальную продолжительность рабочего дня подростка...

Летом 1985 года Госкомтруд СССР и Секретариат ВЦСПС приняли постановление «Об утверждении Типового положения о порядке привлечения на временную работу к посильному труду в народном хозяйстве учащихся общеобразовательной и профессиональной школы в период каникул». Органы по труду должны будут оказывать содействие в трудоустройстве учащихся 8—9-х классов.

Сентябрь... И снова школа.
АНДРЕЙ КОНОВКО

Проснулась Анна Георгиевна в поту. За окном еще было темно, мерно стучали настенные часы. Несколько секунд она лежала без движения, прислушиваясь к осенней тишине за окном, к себе. Уже одиннадцать лет не работает она в школе, а школа снится до сих пор. Да и куда от нее денешься, когда не только дочь Анны Георгиевны, но и внучка — тоже учителя. Как будто и на пенсию не уходила. Слышишь вокруг все те же разговоры: педсоветы, собрания, планы, уроки и, конечно, дисциплина.

Анна Георгиевна перебирает в уме события далекие и близкие, важные и второстепенные, но все они так или иначе связаны со школой. Училась сама, учила других, и теперь кажется, что ничего в жизни больше и не было: только школа, школа...

В коридоре зажегся свет. По легкой, быстрой походке Анна Георгиевна узнала внучку. Оля прошла в кухню, чем-то звякнула там; послышался шум воды из крана... «Что так рано? — обеспокоенно подумала Анна Георгиевна. — Обычно ее не добудишься, а тут... Что-то у нее происходит на работе, отчего-то она нервничает. И вчера пришла такая взвинченная, расстроенная... Может быть, действительно напрасно насоветовала я ей идти работать в школу?»

Анна Георгиевна вспоминает, как еще в университете Оля давала свои первые уроки, как приходила к ней советоваться, жаловаться... Но всегда за трудностями стояла у внучки радость. Она любила детей. Помнила бабушка и смешные огорчения первых месяцев самостоятельной Олиной работы. Однажды Оля вернулась из школы и сразу принялась все драить, чистить, убирать... Анна Георгиевна уже знала: раз Оля принялась за уборку, значит, что-то стряслось.

Начала допытываться. В ответ только раздраженное:

— Бабушка! Видишь, я полы мою. А ты наследила. Посиди пока на кухне.

— Да расскажи, наконец, что там у тебя случилось! — взмолилась Анна Георгиевна.

— Ничего... Ничего страшного, — поправилась Оля, взглянув на бабушку и оставив уборку, присела, разгоряченная, на диван.

И так почему-то стало Анне Георгиевне жаль внучку, так захотелось помочь! «Разве не я, — подумала она, — подтолкнула Олечку идти работать в школу?»

А Оля оставила тряпку, убрала со лба тыльной стороной руки светлые волосы, стала рассказывать о своем классе.

— Знаешь, бабушка, — говорила она растерянно, — с пятиклассниками никакого сладу нет. Урок идет: один жует, другой рожи рисует. Я выкладываюсь, а они... Чувствую — сейчас разревусь. И стыдно, и сдержаться не могу. Выскочила из класса... У нас в коридоре выставка рисунков. Хожу, рассматриваю, а сама ничего не вижу. Слезы бегут... Подойду к двери. В классе какой-то шумок. Что-то обсуждают...

Зайти надо, а не могу. Из других классов голоса раздаются, учителя уроки ведут. Словом, все как надо. А я... И вдруг открывается дверь моего класса и один за другим высыпают в коридор ко мне эти головастики.

— Ольга Николаевна! Простите нас. Мы больше не будем.

Тогда легко было ее успокоить. А сейчас? Что происходит с Олей сейчас?

Где-то Оля читала, что мы спрашиваем чужих советов, чтобы потом было кого обвинять. Наверное, это так и есть. Совсем недавно ей нужна была лишь поддержка, опора, чтобы решиться из университета распределиться в школу. Были другие распределения. Но бабушка, ее умная, все понимающая бабушка сказала: «Тебе будет скучно в университете. На кафедре тебе еще надо себя найти. А в школе, с учениками, у вас была одна жизнь. Помнишь, как тебя дергали, теребили, требовали твоего совета, твоей оценки... Это ведь не у каждого так получается. Тут нужен особый талант».

Как была она тогда благодарна бабушке! Вот кто увидел, понял в ней самое главное! А теперь Оля готова была винить ее за это понимание. Тогда вместе с бабушкой они решили: раз есть тоска по школе, значит, надо идти преподавать. Теперь же Оля думала, что тысячу раз правы те, кто уходит из школы. «Вот дам показательный урок, — решила она про себя, — и все. Обязательно уйду».

В университете ее оставляли при кафедре программистом, а она... Да что теперь говорить! Вспомнив разом все, что произошло на последнем педсовете, Оля поморщилась, будто от боли, и почувствовала, как у нее действительно начинает ломить затылок. «Неужели и у меня давление?» — подумала она равнодушно и, пустив холодную воду, поставила чайник под кран.

Во время последнего педсовета должен был решаться вопрос о преподавании в школе программирования и вычислительной техники. Никто из старых учителей не знал толком, как к этому

подступиться. Предлагали разное, вплоть до покупки универсальной вычислительной машины.

— Да все равно наши школьники ничего в этом программировании не понимают и не поймут, — говорила пожилая преподавательница русского языка и литературы, с удовольствием рассуждавшая на любую тему, не касающуюся ее собственного предмета. — Вот моя племянница... пришла домой после первого урока по программированию и рассказывает: «Что-то учительница нам объясняла у доски, а что — непонятно!»

Вопрос этот был последним в повестке дня, и потому педсовет успел растерять почти всю свою официальность. Кое-кто, торопясь домой, уже придвинул поближе свою сумку, а те, кто говорил, высказывались вполне свободно, считая, что педсовет закончен. Один директор сидел угрюмо и только время от времени делал у себя в блокноте какие-то пометки.

— Ну как можно изучать вычислительную технику, если у нас не будет своей машины? — опять принялась ратовать за покупку ЭВМ преподавательница труда.

— Вы думаете — нельзя, а я думаю — можно, — ответил на ее реплику директор таким мрачным голосом, что все как-то враз насторожились. — Большая машина требует целого штата людей. Нам легче арендовать машинное время на предприятиях, чем держать ЭВМ у себя.

— Можно купить микроЭВМ, — решилась Оля высказать свое мнение.

— Что? — не понял директор.

— Я в институте работала программистом. И тут могла бы программирование вести. Это совсем не так сложно, как вашей племяннице показалось, — обернулась Оля к преподавательнице литературы. — Нужно только, чтобы программирование не производственники преподавали, а учителя.

Олина инициатива — взять на себя преподавание программирования — вызвала почему-то шумок неодобрения.

— Вы сначала научитесь со своим классом справляться! — выкрикнула со своего места Ада Степановна, высокая, худая преподавательница физики, а учительница литературы заявила безапелляционно:

— А я думаю, эта вычислительная техника в школе совсем не нужна.

— Как же не нужна, — растерялась Оля, — на производстве, значит, пусть машины считают, а мы тут будем учить по старинке «в столбик» складывать? Мы...

Но учительница литературы не дала ей договорить:

— Вы, милочка, любите всех поучать. Это недостаток

воспитания.

— Я высказываю свое мнение! — отпарировала Оля, и, чувствуя, что ее «заносит», продолжала: — Точно так же, как высказывалась во время разбора вашего открытого урока, когда говорила, что литература призвана не просто знакомить наших детей с классикой, а воспитывать духовную сферу человека. И сейчас скажу то же самое. Одно в моем представлении тесно смыкается с другим: введение вычислительной техники в школах — это продолжение, развитие идей проблемного обучения. Вычислительные машины — просто современный инструмент решения задач, а сами решения невозможно найти без чувства. Мы должны дать школьникам и то и другое.

— Ближе к делу, — прервал ее директор.

— Я сейчас, сейчас, — поспешила Оля. — Может быть, сумбурно получается, но я вот к чему все это говорю: по старинке учить уже нельзя. Учитель обязан воспитывать творческую личность. А теми методами, которыми пользуются некоторые наши учителя, мы эту творческую личность убиваем.

— Понятно, — сказал директор и поднялся. — Спасибо вам, Ольга Николаевна, что просветили нас, как надо работать. Но теория — одно, а практика — другое.

— Пусть расскажет, как у нее самой с дисциплиной! — крикнул кто-то из преподавателей.

— Вот видите, ваши коллеги сейчас мне подсказывают, что у вас не всегда гладко с дисциплиной, да и с методикой тоже...

— Я никого не хотела просвещать. А с дисциплиной... — Она замялась.

Ее ученики любили математику. Она знала об этом. На уроках ей хотелось создать такую атмосферу, чтобы всем было свободно, просто, легко. Часто она сама страдала от этого. Начинала говорить — ученики ее перебивали; пробовала кричать — на нее сыпались шутки. Школьники старших классов словно не принимали ее всерьез за учительницу. Действительно, она была старшая подруга, советчица, но не тот учитель, к которому привыкли в школах. Случалось, у нее во время урока разговаривали, смеялись. Со стороны, наверное, все это выглядело ужасно. Но она-то сама знала, чувствовала, что ученикам это только помогает лучше думать.

Оля хотела сказать, что дело вовсе не в дисциплине. Много ли радости от того, что другим учителям удается поддерживать ее титаническими усилиями? Разве школьники от этого больше любят их предметы? Ведь недаром, даже по официальным данным психологов, интерес к занятиям падает уже у детей шестых-седьмых классов. Да что психологи! Это сейчас каждый

учитель скажет! Особенно те, кто преподает в интернатах, там это особенно заметно.

Оля хотела обо всем этом сказать, но подумала, что эти слова тоже могут расценить как поучение, и промолчала. Директор истолковал ее молчание по-своему.

— Вот видите! Вам на это и сказать нечего. В теории все хорошо, а вот на деле... На деле сложнее. Я вам по-отечески посоветую: присмотритесь сначала, как другие работают, да и сами поработайте. Не спешите сразу свое предлагать. Не торопитесь стать вторым Макаренко или Сухомлинским.

И все-таки Оля была довольна, что не промолчала, высказалась, и тогда, на обсуждении открытого урока литературы, и теперь, во время педсовета. Но еще больше она радовалась, что в школах наконец будет изучаться вычислительная техника. Сама Оля любила программирование. Ей нравилась обстановка вычислительного центра с дробным стуком цифропечатающего устройства, с монотонным гудением кондиционеров и мерцающими экранами дисплеев. С помощью дисплея с машиной можно было общаться как с разумным, хорошо понимающим тебя существом. Наверное, поэтому она единственная в группе, не спешила идти к преподавателю, как только получала распечатку с очередной порцией ошибок, а старалась во всем разобраться сама.

Сумеет ли она привить такой же интерес у детей к математике, а если понадобится, и к программированию? И сама же отвечала: «Сумею!»

На пороге кухни появляется бабушка:

— Ты чай пьешь? — удивляется она, сонно жмурясь на свет. — А что так рано?

Анна Георгиевна опускается на табуретку возле стола:

— Так отчего ночные чаепития? У тебя стряслось что-то? «Насоветовала мне идти в школу, — с раздражением думает, глядя на нее, Оля. — А теперь интересуется: стряслось или не стряслось? В школе постоянно что-то случается. Или она сама этого не знает?»

— Я новую жизнь начинаю, — вяло говорит Оля. — Буду теперь рано ложиться и рано вставать. Как ты на это, бабушка, смотришь?

— Да... грандиозная затея. Налей-ка и мне чаю.

Они смотрят с Олей друг на друга, хорошо понимая, что думает каждая. Чай пьется молча.

— Ну, Ольга, понятно, почему здесь, — говорит, заходя в кухню, дочь Анны Георгиевны Елена Максимовна. — А ты, мама, чего ни свет ни заря подхватилась?

Елена Максимовна совсем не похожа на свою мать: высокая, жилистая, вся в отца. И характер у нее отцовский — решительный, твердый. «Ты у нас в семье прямо вождь-предводитель», — не раз в шутку говорила ей Оля. И сейчас она смотрит на мать, недоумевая: что та может знать? Откуда?

— Я вчера вашему завучу звонила, — подсаживаясь к столу, говорит Елена Максимовна Оле. — Ты думаешь, мы в безвоздушном пространстве живем? Наслышаны про твое проблемное обучение. Ты что ж, и сегодня на открытом уроке думаешь всеми своими художествами заниматься?

— Так у Олечки сегодня открытый урок? — обеспокоенно поворачивается к дочери Анна Георгиевна.

— Да, мама! И она собирается всей школе показать, как надо правильно преподавать детям математику. Так сказать, проблемный подход в действии.

В наступившей паузе слышно, как сосед с верхнего этажа стучит об пол. Видно, зарядка, которую он каждое утро делает в кухне у открытого окна, подошла к концу, и он занялся виброгимнастикой.

— Послушай, Оля, моего совета, — как можно спокойнее произносит бабушка. — Не увлекайся ты этими новшествами!

«И тут та же песня!» — загнанно думает Оля и, не в силах сдержать себя, взрывается:

— Бабушка! Есть два принципиально разных подхода к обучению. Вас учили не мыслить, а применять знания на практике. Сначала показывали алгоритм решения задачи, а потом предлагали десяток-два аналогичных примеров. Вы учились не решать, а прикладывать известное решение к неизвестным примерам. А жизнь требует творческого мышления! Надо учить детей находить не аналоги, а сами решения.

А в нынешней жизни невозможно без вычислительной техники. Дать ребенку задачу, алгоритм решения которой ему неизвестен. Пусть помучается. Пусть сначала поищет решение среди известных методов. Пусть пройдет как настоящий творец даже через агрессивность к самому себе! Это полезно! Это научит его не пасовать и в будущем! Но зато какая награда потом! Мизерная, незначительная подсказка, и — эврика! Он совершает свое открытие! Первое, второе, десятое...

— Да вы производство Эйнштейнов хотите прямо на конвейер поставить! — иронизирует бабушка. Этой фразы оказывается достаточно, чтобы окончательно вывести Олину маму из равновесия:

— Нахваталась своей ученой премудрости, а теперь щеголяешь ею как чем-то доступным только одной тебе, —

сказала Елена Максимовна резко. — Не думай! В школе тоже не одни дебилы преподают. Такие же люди, как мы. И нечего перед ними демонстрировать свои знания.

Оля так и опешила. Если уже родная мать упрекает ее в позерстве, то что же тогда говорить о посторонних? О директоре, например?

Мама разволновалась, и, как всегда в таких случаях, ей нужна была бурная деятельность. Резко поднялась, набросала в кастрюлю из ведра картошки и поставила под кран. Шум воды успокаивал. «Может, и хорошо, — думала она, — что Оля пытается работать по-новому. Разве было бы лучше, если б она равнодушно отнеслась к своей работе? Опыта, конечно, нет. Как бы дров не наломала».

— Я все поняла, — сказала Оля, — мне уже пора собираться.

«В конце концов, чего я испугалась? Открытого урока? Так это же смешно, — думала Оля. — Выгнать меня из школы, конечно, никто не выгонит, а уйти самой, дезертировать...»

Переодеваясь, она скинула халат, и матери в глаза бросилась незащищенная, худенькая шея дочери, бледность лица, как бы подчеркнутая электрическим освещением. Елена Максимовна подумала: «Да что ж это я? Теперь бы помочь, ободрить!»

— Ты, Оля, не расстраивайся из-за того, что я здесь наговорила,— сказала она совсем другим тоном. — Не давай только ученикам себе на голову садиться.

Анна Георгиевна провожает Олю к двери и спешит к окну, чтобы посмотреть, как она будет идти через двор.

Рано пожелтевшие клены кажутся теплыми от солнца. Когда-то Анна Георгиевна сама водила Оленьку за руку по этому двору, под теми же кленами. Маленькая Оля почему-то боялась бочки, из которой продавали молоко, и однажды, проходя мимо загадочного существа на колесах, поделилась шепотом: «Бабуленька! А я бочку уже не боюсь». Кажется, было это только вчера.

Пробегая под кленами, Оля оборачивается и машет бабушке рукой. Откуда-то тянет дымком прогоревшего костра. Солнце уже рассеяло утренний туман, и все вокруг кажется нарядным, праздничным. Особенно хорош клен. Листья его, как золотые колокольчики, раскачиваются от слабого ветра. Только вместо перезвона слышится неясный шелест.

В понедельник утром. НИКОЛАЙ ПОЛУНИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР

Игра — дело серьезное!

Первое, что удивило, — здание. Мне, отучившемуся в стандартной блочно-малогабаритной школе, приятно было увидеть и желтые облупившиеся колонны, и лепной фронтон с башенками, и запорошенные елочки по краям расчищенной площадки, каскад длинных ступеней перед аркой.

Однако вывеска, точнее, обе вывески по сторонам парадного подъезда более чем современны:

«Институт электронных управляющих машин».

«Учебно-производственный центр (вычислительной техники)».

Сюда-то мне и нужно.

Из разговора с заместителем начальника управления школ Главного управления народного образования при Московском городском Совете народных депутатов Ириной Павловной Гоголевой.

— Алло... Да-да, я поняла, кто вы. Что же вам посоветовать? В отношении компьютеризации наши школы пока еще, так сказать, зелены... Попробуйте съездить в УПК-1 Октябрьского района, они там готовят программистов и вообще занимаются вычислительной техникой, вот вам, пожалуйста, школьники и компьютеры...

Так получилось, что знакомство с темой «компьютеры как техническое средство обучения в средних школах» пришлось начинать с выяснения того, что же необходимо, чтобы компьютер действительно стал техническим средством обучения в школах.

Само по себе словосочетание «школьный компьютер» ново и потому необычно. Что может делать в обыкновенной средней школе такая штука, как ЭВМ? Что вообще понимается под компьютерным обучением?

— А вы сами как себе это представляете? — спросили меня.

Я не нашел ничего лучшего, как развить туманные параллели с программированными опросами. Тогда мне начали объяснять.

— Давайте сразу разграничим сферы влияния, — сказал главный инженер учебного центра Михаил Абрамович.

В кабинете директора светло, блики с полированного стола падают на ровно серый экран монитора в углу, редко выхватывая там изморозный огонек. Директора пока нет.

— Грамотность в вычислительной технике — это одно. Нашим учащимся она прививается всем. Другое дело, применительно к нашему центру, профессиональная подготовка. Помимо программистов, мы готовим и других специалистов. Например, механиков по внешним устройствам ЭВМ. Очень нужная специальность, к тому же нигде, кроме как у нас, не готовятся по ней...

Внезапно дверь отворяется, появляется директор.

Из разговора с директором УПЦ (вычислительной техники) Кравчук Татьяной Петровной.

— Как раз то, что вы принимаете всего лишь за наборную клавиатуру, и есть вся машина. Система микропроцессоров. К ней — любой бытовой телевизор с дециметровым каналом, для лучшего восприятия — цветной, и хранитель информации, вот кассета с программой и магнитофон-воспроизводитель.

— И?

— И вы получите искомый компьютер.

По моему разумению, все дело в программе. Что же мы увидим в этом... телевизоре?

— Минутку, настройка чувствительная, сбилась... А увидите вы игру. Вот, пожалуйста, смотрите. Сейчас это теннис, а может быть что угодно: лыжная гонка, заколдованная пещера, музыкальный калейдоскоп и даже нападение жутких пришельцев. Кстати, о пришельцах. Подобную игру сейчас делает некто Свалов, десятиклассник,

— Что значит — делает?

— Программирует. Разрабатывает, вводит в машину, правит.

— Вундеркинд?

— Да почему, это их учеба. В принципе, вообще обучение работ, с машиной к тому и сводится, чтобы с помощью игры научить школьника работать на машине, знать ее и — дать какие-то основы машинного языка. Есть язык БЭЙСИК, вполне доступный, в Новосибирске академиком Ершовым разработан язык РАПИРА... И все. А программировать школьник начнет, естественно, первым делом игру, ему же интересно сделать такое же, во что он играл сам... У нас каждый год бывает по двое-трое с за уши притянутыми тройками. Но это те, кто ни у нас, ни в школе не учится...

— А вундеркинды?

— О, эти занимаются вещами посолиднее. Есть у нас еще

такой Володя Гуревич... Десятый класс. Экзамены грядут школьные, потом вступительные, сейчас его сунули на подготовительные курсы, а он отсюда не вылезает, дрожит над каждой минутой машинного времени. Мать приходит: «Татьяна Петровна, вы уж моего не пускайте, кроме дня занятий...» Сама лично вывожу за входную дверь — бесполезно.

— Старался-то для благой цели?

— Для благой, для благой. Весь метрополитен с секундомером изъездил, составлял программу «Как проехать на метро». Задаются начальный и конечный пункты маршрута, а машина показывает все варианты, выделяя оптимальный...

Да, о радикальном введении микропроцессорных машин в сферу обучения на уровне вплоть до начальных классов сейчас говорится много. И пишется достаточно. Нет вопроса: надо ли? Надо. Очень надо и, если вдуматься, надо было уже года три, а то и пять назад. Жизнь, современное производство хотя бы, оснащенное и оснащаемое все большим и большим числом микропроцессорной техники, где требуются люди, владеющие основными элементами программирования, диктует свое. Но разница между замечательной идеей и совсем не замечательным ее воплощением, к сожалению, печально известна. Захотелось разобраться, что же делается, как, что делается хорошо, а что плохо, и чего можно от всего этого ожидать, и скоро ли.

И конечно же, ребята. Потому что все-таки не они для нас, а мы для них.

Ряды столов с терминалами. Плоские металлические коробки, на них удлиненные корпуса экранов-дисплеев — по темному полю яркие зеленые значки. — клавиатуры на выдающихся вперед частях коробок. Не Центр управления полетом, но впечатляет. У задней стены она, машина. И голос у нее внушительный, басовитый. Гудит машина, будто сердится. А может, вовсе и нет. Всего-то информацию с диска считывает. Процесс работы. Повседневный.

Задействованных терминалов восемь, народу человек шесть. Почти все, как тому и положено, в белых халатах.

А я разговариваю с преподавательницей, которую зовут Нина Сергеевна.

— Вы себе не представляете, насколько интересно, насколько увлекательно ребятам общаться вот так с машиной. Это настоящий для них разговор...

Некоторые головы повернулись, а большинство, действительно не отрываясь, набирали, набирали, заполняя свои экраны зелеными строчками. Спрашивали? Отвечали? Я не стал

мешать.

Мы спускаемся с Михаилом Абрамовичем на первый этаж, а по дороге он меня посвящает в предмет, условное название которого «О некоторых способах введения информации в современные электронно-вычислительные машины». Я, без сомнения, напоминаю ту маленькую леди из английского стишка, у которой было десять миллионов вопросов-слуг, никогда не знавших покоя:

— А что такое флоппи-диск?

— А почему — флоппи?

— А сколько это — килослово? Тысяча слов? А каких?

По лестнице же навстречу нам поднимаются ребята и молоденькие девушки, белые халатики видны и в коридорах, и возле раздевалки в вестибюле.

Михаил Абрамович приостанавливается.

— Есть «большие» машины, они применяются в крупных вычислительных центрах, в институтах, а есть «малые» с небольшим быстродействием, относительно, конечно, с меньшим объемом памяти... У Татьяны Петровны в кабинете стоит машина с памятью в шестьдесят четыре «к».

— Это много или мало?

— Этого достаточно для серьезной научной работы. Школьным микропроцессорам хватит памяти в тридцать два килослова...

— А если память загружена до предела, что тогда? — задаю я дилетантский вопрос. — Все выключается?

— Зачем же? Память на то и память, чтобы помнить. Ответа придется ждать минуту, две...

Да, пожалуй, это самое образное из объяснений и попыток представить себе быстродействие ЭВМ Не успел нажать кнопку, а решение уже там, оно пробивается к тебе. Самое образное — самое доходчивое.

— СМ-4, которую вы видели, это и есть «серия малых машин модель четыре». Такая же стоит в школе МИФИ — и хватает...

У директорского монитора сидят двое. Синяя форма, «книжка» на рукаве. Один увлеченно тычет в клавиатуру, соображаясь с развернутым на коленях сводом правил, другой увлеченно смотрит, что из этого получается.

— Знакомьтесь, — коротко бросает директор. У нее — куча бумаг, требующих рассмотрения и решения; у нее — два телефона, в звонках которых она уже путается; у нее — ожидание человека, везущего всего на полчаса каталог открывающейся на Пресне выставки школьного оборудования.

Через плечо одного из ребят заглядываю в «свод». По-моему, он на немецком.

— Ты понимаешь?

— По смыслу догадываюсь.

Ребята отрабатывают дачу команд. В ответ на соответствующий набор машина выписывает значки. В этом-то у меня хватит сил разобраться. Они попросту сверяют реакцию машины с ответами из книжки. Тоже своего рода игра, но не игра в игру, а игра с машиной.

Кроме значков, можно менять до пяти цветов фона, включать и выключать точки строки. Мне показывают. С третьего набора у меня получается, и я с трудом подавляю радостное: «Во-о!..»

— Толя, у вас четыре минуты осталось, — говорит директор, не отрываясь от бумаг.

— Идем, Татьяна Петровна.

Они все выключают, сдвигают в кучу провода. «Джостик не урони», — говорит тот, второй. Джостик. Может быть, от английского «just a moment» — один момент?

Из разговора с директором УПЦ (вычислительной техники) Кравчук Татьяной Петровной.

— Что смотрите, завидно?

— Недавно прочел такое определение: «Молодежь Запада, оболваненная электронными играми».

— А кто спорит? Только ведь оболванить можно чем угодно, и книгой можно оболванить... Кроме того, программирование — штука тонкая...

— Мне завидно. Никогда не ходил в любимчиках, директорского кабинета боялся. А если серьезно, знаний таких не было, свободы обращения с ними и с этим вот... Да и такого, наверное, не было.

— Такого не было, а центр наш открыт с семьдесят второго года.

— То есть и тогда уже?..

— То есть и тогда уже, и до сих пор, и уже двенадцать лет. Ладно, вы спрашивали, что дальше. Дальше — надо немножечко смотреть в послезавтра. Я имею в виду те программы, в которых, по вашему разумению, все и дело. Правильно, именно в них, точнее, в их отсутствии. Видите кассету?

— МК-60-1 цена четыре рубля ноль-ноль копеек.

— Совершенно верно. Так вот, на нее любой мало-мальски разбирающийся человек, тот же Толя Свалов, может записать любую учебную программу. И что он запишет, человек такой, то

директор школы и возьмет, да еще благодарить будет, потому как машину ему поставили, средства истрачены, отчеты требуют и проверяющих из роно насылают, а как ей бедной работать-то с нужной отдачей?! И пойдут-полетят доморощенные программы, с ляпами, с казусами и прочими прелестями.

— Надо расценивать ваши слова так, что программ нет?

— Единых — совсем нет. Вы видели, чем занимаются у нас ребята? Они пишут учебные программы. Многие потом у нас же и используются. Вы в зеленоградские школы собираетесь? Собираетесь, собираетесь, куда же вам еще деваться, там увидите то же самое — составляют программы для самих себя, старшие — для младших. Кстати, на создание действительно полновесной учебной программы, такой, какой она должна быть, уйдет месяца три-четыре, если не полгода. И вопрос — где они нужнее, школьные компьютеры, в каких дисциплинах эффективнее... Не стоит, наверное, из машины делать усложненный вариант логарифмической линейки.

— Ни за что не поверю, что все эти вопросы висят в воздухе.

— Они не висят, они витают. Но и решаются. В Академии педагогических наук. При ней существуют две лаборатории, как раз и призванные заниматься данными проблемами... Призванные.

— Татьяна Петровна, вы как-то странно сказали.

— А!.. Не будем нападать на чистую науку.

— Понятно, прикладники и теоретики. И вечный бой.

— Ну, грубо говоря. Теперь, помимо этого, при Институте проблем информатики год назад создан Всесоюзный научно-методический центр проблем школьной информатики, и у него головная задача — это программы и программы. Туда бы вам...

— Меня, Татьяна Петровна, гораздо больше заинтересовали ребята у вас в центре.

— Понравились?

— Очень.

— Вот и мне нравятся...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ШКОЛА

Укажите номер темы, по которой будете работать, и нажмите (ВК)...

Из разговора с заместителем начальника управления школ Главного управления народного образования при Московском городском Совете народных депутатов Гоголевой Ириной Павловной.

— ...Вот вам, пожалуйста, школьники и компьютеры... Еще?

Еще в Зеленограде в двух школах установлены ЭВМ, в 609-й и 719-й...

Вот и школа. Средняя, общеобразовательная, экспериментальная..

Шарахнув стеклянной дверью, на улицу вылетели трое мальчишек. Класс четвертый. Пальтишки накинуты только на одну руку, шапки болтаются на завязках за спиной. Мамы-бабушки от такого зрелища одной рукой потянулись бы за сердечными каплями, а другой — за полотенцем. Двое пацанов гнали третьего, в ход пошли снежки... Отбежав, тот в долгу не остался. Ну, с этим, кажется, все в порядке.

Пройдя по сверкающему паркету широченного коридора, нахожу дверь с табличкой «Класс компьютерного обучения». Вхожу. И понимаю, что мне сильно повезло.

В школу «прибыла комиссия». Велся интересный разговор об установленном здесь диалоговом вычислительном комплексе — ДВК (ДВК-1, очень похожие на те, что стоят в УПЦ, это индивидуальные, на каждый стол; ДВК-2 — одна, на кафедре, для учителя, чтобы тот имел возможность как давать задания, так и контролировать вызов на свой экран картинки каждого дисплея и осуществлять прочие стороны учебного процесса...). Об использующемся языке ФОКАЛ, имеющем перед БЭЙСИКом, например, то преимущество, что при ошибке можно стирать лишь один неправильный знак, а не всю строку... О настоятельной потребности в качественных школьных программах и об излишней академичности (все улыбнулись) собственно программы компьютерного обучения в школе. Наконец был показан проект курса подготовки самого учителя, рассчитанный на тридцать часов...

За столами, поставленными полукругом к кафедре, шла своя работа, бежали строчки на экранах, ребята подсаживались друг к другу, подсовывали тетрадки с бесконечными лестницами расписанных от руки программ.

Свободный терминал предлагал учебную программу «Страус» из четырех тем. Но выбора у меня не было: за всеми, кроме первой, в скобочках стояли буковки «Массив не готов». Да, воистину, программы, программы и программы... После некоторых объяснений я запросто заставил машину высветить ВАША ОЦЕНКА 5, без ошибок написав слова «винегрет» и «бассейн».

— Значит, это для второклашек. А не испугаются малыши?

Валентина Григорьевна Маланина — доцент кафедры ВТ МИЭТа, организации шефской, здесь наблюдает за работой ДВК и

наверняка видела всякие случаи.

— Что вы, все наоборот. Малышня просто рвется к клавиатуре: что получится? Ребята постарше начинают уже с опаской. А были тут как-то родители, те вообще...

Если, как это говорят, абстрагироваться от технических трудностей, то в идеале школа, оснащенная компьютером, может напомнить мир, где «электричество сделать все сумеет». Нажал на кнопку — чик! — история, ползут снизу вверх строчки, красным выделены даты, особо важное подчеркнуто, портреты исторических личностей... Нажал на кнопку — чик! — химия; контур стакана, среди черточек, изображающих жидкость, — латинское HCl, из-за кромки экрана в стакан шлепается нарисованный шарик цинка (Zn), бегут пузырьки; возникает уравнение и номера страниц — задание на дом... Нажал на кнопку — чик! — география; пояснительный текст идет поверх телекадров об изучаемой стране или уж как там придумают психологи. Клуб путешественников.

Долой все схемы на картоне, учебные пособия, да и основу основ — классную доску с мелками и тряпочками — тоже! Тетрадки в идеале тоже долой, машина пускай сама и печатает... Нет, здесь я слишком разошелся: печать на выходе у каждого терминала считается недостатком. Она: а) нужна лишь на учительском столе, для контроля; б) «кушает» треть стоимости машины (по крайней мере, так говорят); в) у ДВК для печатания используется спецтермобумага, с которой вечные трудности, а текст через месяц-другой выгорает. Это есть, никуда не денешься.

Конечно, может стать немножко грустно, если когда-нибудь мальчишки и девчонки сперва поглядят на картинку, изображающую, скажем, термометр, «покрутят ручки», понуждая электронный луч то поднимать, то опускать цветную нитку шкалы, а затем дома, раскопав древнющий бабулин градусник, заявят, мол, ненастоящий, нам показывали не такой.

Впрочем, идеал — он потому и идеал, что к нему стремишься, а получаешь не совсем то. Как правило, несмотря на все ошибки в пути, — лучше. Лучше — потому что жизненно мудрее. Да и «вспашет и засеет» нам не электричество, а все-таки, наверное, люди, с помощью какой бы техники они это ни сделали.

Но давайте вернемся обратно, тем более что маленькая общая часть закончилась и собравшимся была представлена (пока в единственном экземпляре, разработчики даже сказали: действующий макет) школьная микроЭВМ по имени «Тимур».

«Тимура» обступили.

— ...Единый блок собственно микропроцессорной системы и магнитофона как вводящего устройства. Отдельно монитор.

Предполагается использовать телевизор «Электроника»... (Разработчики.)

— ...Сам принцип единого блока, только не с отдельным монитором, монитор встроен, а отдельно — клавиатура, — считается сейчас хорошим тоном в конструировании малых машин. Пример — американская система «Макинтош»... (Мужчина рядом, не знаю кто.)

— ...А на зрение не повлияет, ведь придется сидеть в сантиметрах тридцати-сорока от цветного экрана?.. (Я.)

— ...Дома они у телевизоров куда дольше просиживают... (Завуч экспериментальной школы Лариса Ивановна.)

— ...Электронно-лучевой трубки по идее и не должно быть. Должен быть плоский, как книжка, экран на жидких кристаллах... (Татьяна Петровна Кравчук.)

— ...Стоимость... Нижний предел — 1500, верхний — зависит от комплектующих устройств. Класс целиком должен стоить порядка 30 тысяч рублей... (Разработчики.)

— ...По-моему, мы уже имеем достаточно приемлемый экран. Четкость, яркость, а излучение от него мизерное... (Валентина Григорьевна Маланина.)

— ...В Новосибирске на «Агатах» используется телевизор «Шилялис», у него к тому же еще плохая четкость картинки: большой, точки... (Титов.)

— ...Ситуация со школьными машинами меняется так быстро, что месяц, даже неделя решают многое. К концу этого учебного года планируется оснастить подобными машинами класс еще в одной нашей школе. Ну и следом — все школы Зеленограда... Да, по-видимому, это будет «Тимур»... Есть у нас и собственная цель: подготовка и удержание кадров для наших предприятий. Темп роста у промышленных предприятий города — 25 процентов. Это очень много... (Помощник первого секретаря Зеленоградского райкома партии, несколько позже, специально на мой вопрос о перспективах.)

Вопросы, задаваемые разработчикам, сделались сугубо техническими. Группа поодаль, похоже, решала проблемы сугубо административные. На одном из покинутых дисплеев машина разыгрывала этюд о квадратуре круга: число хорд, пронизывающих воображаемую окружность, множилось с мельчанием числа «пи». Это позабавлялся какой-то корифей ВТ. А я ушел. У меня сегодня еще свидание.

Их четверо: двое девчат — одна маленькая, другая высокая — и два парня — один белобрысый, другой темноволосый. Парни чего-то смущаются, а девчата ничего, бойкие.

— Ребята, я дремучий человек насчет программирования, вот

скажите, интересно?

— Ой, да ну что вы, так здорово, машина же все понимает, отвечает тебе...

— И ты понимаешь?

— Конечно, она же прямо пишет...

— А вот вы в этом классе вообще как занимаетесь?

— Ну... У нас расписание такое: час теории и час практики... То есть час нас учат программированию, а час мы занимаемся на машине.

— А после уроков?

— Мы можем пойти с учителем. Попросим кого-нибудь. У нас Антон до шести сидит, скажи, Антон...

— Да, Антон, скажи, чего это ты там делаешь?

Говорит Антон:

— Программу составляю. По физике. Влияние на тело силы тяжести.

— Это полет пули?

— Можно пули. Точка движется, и машина все показывает, разложение сил по векторам.

— Вы девятиклассники, да?

— Девятиклассники.

— А младше вас учатся на машине?

— Конечно. У пятого класса английский язык на машине, да, ребята? — Остальные кивают. — Антон для шестого класса программу делает...

— Значит, она у вас останется, программа Антона, в машине, по ней учиться будут?

— Ну... если ошибок не выйдет... да, останется.

— Кстати, а давно у вас компьютер?

— У нас... с сентября?.. С октября он у нас.

— Слушайте, мы все говорим: машина, машина, а если вдуматься — зачем она? Кому-нибудь из вас она помогла в смысле большом, насчет того, что потом делать будете, после школы?

— А как же, — снова отвечает за всех та, что высокая, — мы же понимаем, куда бы мы ни пришли потом, сейчас же везде микроЭВМ, микропроцессоры, на производстве там...

Положим, ответы правильные ей внушили на вступительном занятии и, наверное, довольно часто повторяют на часе теории, равно как и на часе практики. Все верно, все нужно, но я-то хочу от них совсем другого, я просто изо всех сил стараюсь не выдавать перлы типа «выбор жизненного пути» или «помог определиться в жизни»...

Они молчат, и вдруг темноволосый парень коротко говорит:

— Да, помогла. Мне она помогла.

Я не уточняю. Мечты и цели в жизни существуют, чтобы верить в них и работать для них. Задаю последний вопрос, который так и вертится на языке:

— Скажите, ребята, вы здесь учитесь, вы как-нибудь ощущаете, что школа ваша — экспериментальная?

— Не-ет...

— Школа как школа...

— Нормальная...

Твой друг ЭВМ.
ФЕЛИКС МАХОВ

Три-четыре десятка лет назад об электронно-вычислительных машинах, компьютерах, мы читали лишь в научно-фантастических романах. В наши дни освоение ЭВМ становится повседневной практикой средней школы и ПТУ. Да иначе и быть не может: как же можно игнорировать машину, которая производит тысячи операций в секунду. Да еще каких!

Вот почему педагогическая наука задумывается не только о том, что собой представляет школьник сегодня, но и о том, каким он будет завтра. В связи со школьной реформой много высказывается различных мнений, требований и предложений. Много выдвигается гипотез и предположений при прогнозировании школы будущего, при «моделировании» школьника 2000 года. Но ясно одно: эти «модели» немыслимы без знания школьниками и учащимися ПТУ основ компьютерной техники и программирования.

И это освоение уже началось. Так, например, в расписании занятий ряда ленинградских ПТУ в последние годы появился новый предмет: «Основы вычислительной техники». В ПТУ-38 совместно с Ленинградским электротехническим институтом разработали и наладили мелкосерийное производство микропроцессоров — электронного тренажера, который по внешнему виду напоминает обычный «дипломат». Сегодня училище выпускает такой продукции на 150 тысяч рублей.

Войдем в учебно-вычислительный центр училища. Здесь царствует мини-ЭВМ СМ-4, в ряд установлены диалоговые вычислительные комплексы ДВК, включающие в себя микроЭВМ и дисплеи. В этом вычислительном центре готовят операторов мини- и микроЭВМ, обучают языку программирования, основам управления операционными системами. А в другом ленинградском училище, в ПТУ-132, где готовят кадры для вычислительных центров, машины еще совершеннее, еще «умнее» Если бы не знал, что это ПТУ, подумал бы, что это крупный вычислительный центр Академии наук. Молодые люди в белых халатах легко оперируют на таких ЭВМ, как ЕС-10-33, ЕС-10-22.

Г. Анманис. ПОЛЕТ.

Я. Титов. ПЕРВЫЙ КУБОК.

Ф. Решетников. ОПЯТЬ ДВОЙКА.

Ну а что же школа? Какие электронно-вычислительные ветры дуют там? В самом ближайшем будущем ЭВМ должны появиться и в школах, где они будут решать две задачи: во-первых, помогать школьникам овладевать навыками программирования и обращения с вычислительной техникой, а во-вторых, повышать эффективность самого учебно-воспитательного процесса. Иными словами, ЭВМ не только для образования, но и образование — для ЭВМ. С сентября 1985 года вводится в школе курс «Основы информатики и вычислительной техники».

Как выглядит урок в школе с участием ЭВМ?

...На экранах дисплея появляются тема, ряд задач и вопросов. Решения ребят машина сверяет с заложенными в нее ответами учебника, но вполне допускает и варианты, что не может не стимулировать творчество и инициативу. Программа построена

по разветвленной схеме. Это позволяет учитывать индивидуальность учащегося, уровень его знаний, сообразительность, быстроту реакции. Курс рассчитан на повторение материала и начинается с вопросов, ориентированных на «среднего» ученика. Однако в зависимости от ответов машина может перестроиться: в ее память заложено несколько типов диалогов учителя с собеседниками-учащимися. Именно «собеседниками», ибо идет интересный целенаправленный разговор. Электронный помощник учителя не просто задает вопросы и оценивает их. Он может и помочь: дать дополнительное время для обдумывания (у учителя часто этого времени не хватает), а может и «навести» на нужный вывод, нужную мысль.

Причем пользоваться «умной машиной» как шпаргалкой бесполезно, так как она тут же «поймает тебя за руку». Делает это ЭВМ, кстати, тоже не хуже учителя. Точнее, значительно лучше. Другими словами, машина приучает ребят самостоятельно работать и самостоятельно мыслить.

Однако не следует думать, что машины в будущем полностью автоматизируют учебный процесс в школе. Учитель есть и будет главным действующим лицом в классе, организатором урока, но он будет управлять процессом усвоения и воспроизведения знаний, имея возможность одновременно оценивать несколько ответов!

И вот еще что очень важно: если ученик не понял чего-либо, он может несколько раз, не стесняясь, «переспросить» машину.

Причем не только на уроках физики и математики.

Заглянем теперь в среднюю школу № 10 города Новосибирска. В 7-м классе «Б» идет очередной урок литературы. Помещение самое обычное, но на партах установлены ученические терминалы, соединенные с быстродействующей микроЭВМ. На столе учителя стоит дисплей. Урок начинается. «Сегодня мы с вами продолжим разговор о сюжете «Ревизора», — обращается к классу учительница. — Сейчас я вам прочту сцену встречи Хлестакова с Городничим. Слушая текст, сформулируйте ответ: как бы вы в конце этой сцены расставили героев на общественной лестнице?»

На поставленный вопрос ребята отвечают, вводя свои сообщения в ЭВМ. Учительница на дисплее получает версии ответов и предлагает некоторым ученикам высказать свое мнение вслух. И вот уже возникла жаркая дискуссия. Общение школьников с ЭВМ длилось всего несколько минут, но за это время каждый из них успел продумать свое решение, набрать сообщение на терминале, ввести его в ЭВМ. Машина же

обработала ответы и выдала результат на дисплей. Учительница проанализировала все варианты и наметила учеников, которых целесообразно послушать всем.

А теперь представим себе, скажем, шестой класс, в котором есть группа ребят, именуемая «бригадой помощи учителю», знакомая с азами программирования. После уроков они приходят к учителю-предметнику и получают от него необычное для сегодняшней школы техническое задание на подготовку программы урока для... восьмиклассников. И вот, не зная материала 8-го класса, программисты, методисты и организаторы этой бригады отлично справляются с задачей. Конечно, с помощью технического задания, данного учителем. Подготовка урока «для других» является активной формой учения «для себя». Но самое главное заключается в том, что, осознавая ответственность за результаты своей внеклассной программистской деятельности, ребята учатся понимать друг друга, видеть свое место в коллективной работе, ценить труд учителя.

Компьютерные устройства все больше и больше будут помогать и тем, кто учит, и тем, кто учится.

Но, пожалуй, еще большее значение будет иметь «компьютерная школьная грамотность» для непрерывного образования взрослых.

Дело в том, что принцип «сделай сам», или, строго говоря, принцип автоформализации профессиональных знаний, как раз и лежит в основе контакта человека с электронно-вычислительными машинами. Причем с годами необходимость этого «прямого контакта» будет все больше и больше возрастать.

Уже сегодня потребность в создании массового инструмента для непосредственного преобразования, или, точнее, «переключения», знаний (информации) в русло конкретной практической деятельности стала чрезвычайно актуальной. С этой целью и был создан персональный компьютер (ПК), или персональная вычислительная машина (ПВМ). С помощью этого устройства контакт человека с ЭВМ может и должен осуществляться без переводчиков, то есть программистов. Первый такой ПК был создан 10 лет тому назад, но уже сейчас можно смело сказать, что его влияние на человеческую жизнь сравнимо с последствиями, которые имело изобретение печатного станка. С той лишь разницей, что книга (сама по себе) — это пассивный хранитель знаний, тогда как ПК активно включает эти знания в производственный процесс, научное исследование, повседневную практику. Ведь информация, заключенная в программах ПК, срабатывает сразу, скажем, определяя порядок действия

конвейера, технологической линии или задавая режим биологического эксперимента либо финансово-экономических расчетов. Вот почему такая машина называется еще «индивидуальным усилителем природных возможностей человеческого разума».

Прогресс в этой области передает такая аналогия. В средние века ученые защищали диссертации, посвященные способам умножения и деления многозначных чисел. Это было в порядке вещей, пока не удалось формализовать решение задач, свести все до короткой последовательности ряда арифметических действий (до того самого «столбика», с помощью которого, например, учащийся начальной школы производит умножение). Так вот, в течение 30 лет программисты и были такими посредниками, или переводчиками, в контакте человека с ЭВМ.

С появлением ПК (или ПВМ) появилась возможность «говорить» с такой машиной прямо, без чьей-либо помощи. Но ведь языку общения с машиной надо учиться. И начинать это делать надо, конечно, в школе. Ведь уже сегодня ПК показали себя с самой лучшей стороны в области автоматизации конторского и счетного дела, в сфере делопроизводства, экономики, планирования и технологии. Другими словами, ПК сделает возможным массовый переход к «безбумажной» технологии.

В том, что уже сегодня школа может обучать ребят основам такой компьютерной связи, такому новому языку, убеждает письмо семиклассника Алеши Добровольского из Новосибирска. Вот что он пишет: «В августе 1984 года у нас в летнем лагере «Сибиряк» проходила IX всесоюзная школа юных программистов. Я был ее участником. Нас обучали работе на отечественном персональном компьютере «Агат». И научили! Всего за две недели! Это великолепная машина! Считаю, что компьютеры надо как можно скорее и шире внедрять в школе. Это делается, но слишком медленно... А ведь школьников обучить программированию даже легче, чем взрослых».

Ну что же, будем считать, что призыв Алеши Добровольского услышан, ведь реформа и связывает дальнейший прогресс в области общеобразовательной и профессиональной школы с широким овладением компьютерной грамотностью.

ОДА УЧИТЕЛЮ

В. Табанин. ЮНОСТЬ.

Сон-трава
ВАЛЕРИЙ КОЗЛОВ

Вот и пришла зима. Несколько дней назад лег на бурую, избитую долгими дождями землю настоящий снег. Лес за околицей поседел, побелели крыши колкинских домов, сбегающих по косогору к широкой болотистой пойме, и черная лента реки с недавно ставшим льдом тоже наконец сделалась белой. Кончилось мрачное время года — поздняя осень, — время ненастных ночей, которые, как живые, ломятся в дом — косой дождь барабанит по окнам, ветер дергает запертую на крюк дверь и бьет по крыше с такой силой, что стропила поскрипывают, будто на чердаке крадучись кто-то ходит.

Наталья Муренкова, молодая учительница, добровольно приехавшая в Колкино из Москвы, проснулась по случаю воскресного дня позже обычного, лежала, кутаясь в одеяло, и сквозь ресницы смотрела, как солнце играет на замерзшем окне. Вставать не хотелось: комната хотя и была залита теплым светом, но изо рта шел пар — дом за ночь выстудило. Ждала, ждала она зиму, но и зима что-то не радует.

В голове кружились обрывочные полусонные мысли, перескакивали с одного на другое без видимой связи, как это всегда и бывало, когда Муренкова, проснувшись, как бы еще не проснулась и не в состоянии отличить сны от реальной жизни. То перед глазами возникали картины весны, цветение сон-травы в Круглом бору на Покровской горе, то всплывал в памяти вчерашний урок с необычным поворотом грибоедовской темы — «что делал бы Чацкий, живи он сегодня?», — то опять в полудреме светился ковер синих-синих цветов, и меж солнечных сосен бежала какая-то девочка в длинном платьице — она, Муренкова, что ли? — а под Покровской горой раскинулся город, огромный и дымный. Москва, что ли? И привычно заныло в груди. Показалось, что вот проснется она сейчас окончательно, а на дворе не зима, а осень, грязь непролазная, у двери ждут тяжелые сапоги, на веревке у печки висит дождевик, похожий на шкуру кошмарного зверя. Тут вспомнилось, как водила она залетного корреспондента по окрестным заброшенным деревням, как набрели они на бывшую школу, где ветер шевелил остатки обоев и гонял по земляному полу обрывки бумажек...

И на этой границе сна и яви Муренкова вдруг отчетливо поняла, что зря она мучается, решая надуманную проблему, что надо просто подать заявление, собираться и уезжать.

Все было ясно. Спросонья. Но вот она встала, шипя и ежась от холода, надела ледяные джинсы, накинула поверх свитерка, в котором спала, телогрейку и, не умываясь, принялась за растопку. И когда уютно затрещали дрова и чайник ожил на электрической плитке, когда умытая и причесанная Муренкова, заварив — опять же по случаю воскресенья — кофе, присела к печи, то тут и открылось, что ничего она еще не решила, что возвращаться в Москву по-прежнему страшновато, но и в Колкине оставаться, казалось, уже не было сил. И, грея о чашку ладони, она снова и снова думала, как ей жить дальше.

Действительно, в сотый раз говорила себе Наталья, зачем возвращаться туда, откуда бежала? Почему бы не поработать здесь, где люди просты и приветливы, кроме, конечно, Хлыстова, где приняли тебя за свою и все уважают, кроме... О, будь он неладен! И Муренкова старалась не думать о председателе. Наоборот, она нарочно вспоминала свои московские мытарства, превратившие ее и без того худую и узколицую в этакую девочку-старушку, и как бы в противовес столице она с благодарностью начинала думать о директоре местной школы, с большим трудом пробившем для нее, Муренковой, для ее сложной — как он шутя говорил — нервной системы отдельное жилье при колхозной библиотеке и здесь же на полставки работу.

Но на другую чашу весов давил голос разума, растревоженный осенним приездом московского журналиста, тихого, скромного, совершенно на журналиста не похожего, с каким-то мягким простым лицом. Он тихо приехал и тихо уехал. Никто толком не понял, зачем он вообще приезжал. Колкинцы беззлобно посмеялись над ним, посудачили о возможном романе журналиста с «ихней учителкой» и тут же забыли. Но Муренкова, ходившая с ним слушать шорохи драных обоев в брошенной школе, только она продолжала его вспоминать, смутно догадываясь о какой-то серьезной внутренней тайне этого человека. Странное чувство, далекое от любви, скорее похожее на привязанность, не покидало Наталью. Без конца думалось о незадавшейся личной жизни, о том, что если сидеть в этом Колкине, то и не задастся она никогда.

Библиотека стоит выше села и чуть в стороне. Отсюда хорошо видна вся главная улица, которая, как провисшая лента, соединяет этот пригорок с Покровской горой. Там храм и тут, в общем-то, храм. Там — Круглый бор, здесь — одинокая ель с кроной, похожей на флаг, летящий от северных ветров.

Муренкова сидит за столом у окна, перед ней возвышается стопка тетрадей с непроверенными сочинениями, но никак она не может взяться за работу, все думает, смотрит в окно.

А на главной улице у колодца старик Золотарев развлекает соседок своими бесконечными байками. Женщины, забыв о воде, поставили ведра на снег, слушают деда, смеются. Нюра Хохлова, вчерашняя школьная выпускница, то и дело прыскает в рукавицу, толкает деда в плечо, отчего довольный Золотарев заметно покачивается. Он воодушевлен публикой, он размахивает руками, клянясь в чем-то.

Соседки не верят ему, шутливо отмахиваются, берут воду, расходятся. Пусто. Морозный воздух искрится снежинками, прилетевшими при ясном небе неизвестно откуда.

Показался из калитки своего дома директор школы, усадил в санки внучку. Несмотря на мороз, был Анатолий Петрович в неизменном серо-пестром демисезонном пальто, в старомодном каракулевом «пирожке». Он было побежал-побежал, радостно оглядываясь на внучку, но тропа после вчерашнего снегопада была еще плохо протоптана, и шестидесятитрехлетний директор перешел на шаг.

...И опять Муренковой не удалось взяться за проверку тетрадей. Всплыл в памяти осенний разговор с Анатолием Петровичем, и так живо представилась та неловкая сцена, что Наталья почувствовала легкий жар на щеках. Стояла она в его кабинете, как школьница, краснела, переминалась с ноги на ногу и мямлила: «Собственно, я к вам посоветоваться... Поделиться сомнениями...» Но директор понял ее однозначно. С минуту он сидел неподвижно, постукивая по пустому графину, потом произнес: «Ну знаете, уважаемая Наталья Борисовна». Бессильно развел руками и вышел.

Отношения с директором после этого стали несколько суше, без прежних улыбок при встречах, но и не настолько сухими, чтобы дать пищу для размышлений женскому коллективу преподавателей. Никто даже не догадывался об их разговоре.

В тот же вечер Муренкова написала заявление «по собственному желанию», но дату так и не решилась поставить, и оно до сих пор лежит в ее тумбочке среди прочих личных бумаг.

Но вот вчера после урока, на котором восьмиклассники никак не могли придумать, что делал бы Чацкий, живи он сегодня, ее вызвал к себе Анатолий Петрович. Он сидел задумчивый, с заметно углубившимися к концу недели морщинами на мелком лице... Его ноги в валенках небольшого размера выглядывали из-под стола и как-то беззащитно были сложены крестиком.

— Ну что, уважаемая Наталья Борисовна, — без тени иронии спросил он, — мы все еще на распутье?

— Да, — ответила Муренкова, не поднимая глаз.

— Понятно, — невесело сказал Анатолий Петрович. — А мне

тут такая мысль пришла. Не в Хлыстове ли корень зла? Говорят, он вас без конца теребит, чистоту проверяет, приказывает, куда какие книги ставить. Говорят, — неуверенно добавил директор, — однажды вы с ним громко ругались...

Наталья невольно усмехнулась неискоренимой интеллигентности Анатолия Петровича — «громко ругались». Она вспомнила, как председатель кричал громовым голосом, что он не позволит какой-то там, понимаете ль, цаце! Он ей, понимаете ль, деньги неизвестно за что платит, дрова на нее переводит, а она, видите ль, лучше его знает, где стоять Блоку, а где «Болезням картофеля»! А то, что книжка о картошке — предмет первой необходимости на селе, этого она, городская цаца, понять не желает, и то, что если ее, эту книжку, на нижней полке мыши сожрут, то это для колхозников явится огромной потерей, она тоже не понимает... И Наталья, неожиданно потеряв контроль над собой, тоже кричала на председателя своим голоском. «Вы мне не «тыкайте»!» — кричала она, хотя Хлыстов и не «тыкал», а говорил о ней в третьем лице.

Ф. Решетников. ПРИБЫЛ НА КАНИКУЛЫ.

А. Учаев. МЕСЯЦ ХЛЕБНЫЙ.

— Хозяин он неплохой, этого не отнимешь, — словно извиняясь за председателя, глядя в сторону, сказал Анатолий Петрович, — куль-турки бы ему еще малость. — Он подумал и добавил: — Всем нам культурки бы. Но вы не принимайте его близко к сердцу, он же не столько от злости, просто натура такая дурацкая.

— Да, — сказала учительница, — через день на улице

встретились, поздоровался как ни в чем не бывало.

— Вот видите, — оживился директор.

— Но не в этом дело, Анатолий Петрович...

Была пауза. Потом директор прежним усталым голосом сказал:

— Что ж. Вы меня тоже поймите, я не могу ждать до бесконечности. Заявку на специалиста подавать нужно и прочее. В понедельник прошу с окончательным ответом.

Непроверенные тетради как лежали нетронутыми, так и продолжали лежать. За окном разгорелся день, уже детские фигурки облепили Покровскую гору, а в библиотеку никто не шел, как бы подтверждая хлыстовскую мысль: «За что мы вам только деньги платим? Стояла пять лет закрытая и еще столько же простояла бы».

Вспомнив о председателе, Наталья на всякий случай еще раз прошлась с тряпкой по стеллажам, тщательно подмела возле печки.

Наконец-то заглянули две учительницы, две единственные подруги Натальи — довольно миловидная круглолицая Юлька из местных и сорокалетняя Веткина, непрерывно дымящая сигаретами «Новость». Вчера Муренкова по секрету поделилась с подругами своими заботами и потому не удивилась, когда Веткина, не успев закурить, спросила:

— Ну, что надумала?

И когда выяснилось, что Наталья еще ничего не надумала, Веткина, присев у печи и закурив, спросила:

— Нат, а ты, часом, не нагуляла от того, от землячка-то?

Юлька весело ойкнула и уставилась на Муренкову круглыми темными глазами. Но Юлькин взгляд тут же погас, как только она услышала, что журналиста, кроме церкви и деревень, ничего не интересовало, а после дальних прогулок по непогоде он здесь, в библиотеке, отогревался чаем (не пил даже) и рассказывал всякую всячину, и то неохотно.

— Притворялся, — жестко сказала Веткина, щелчками сбрасывая пепел в топку. — Ну и зря, что не нагуляла.

— Как зря? — слегка покраснев, но с любопытством спросила Муренкова.

— А так. Доживешь до моих лет, поймешь. Я после вчерашнего все о тебе думала, — сказала Веткина. Сигарета ее погасла, она чиркала по истертому коробку спичкой и чертыхалась. — Свою жизнь вспоминала. У меня, скажу вам, последние лет десять пролетели как день. Раз — и уже сорок. Ну и что? Ни кола ни двора...

— Ниче, найдем тебе мужичишку, станешь хозяюшкой. —

Юлька вроде шутя, а на самом деле с откровенной любовью гладила по плечу старшую подругу.

— Нужны они мне, забулдыги твои, — вяло отмахнулась Веткина и вдруг резко сказала: — Жалею. Ох как, девки, жалею, что не родила тогда.

— Когда? — вновь вытаращила глаза Юлька. — На Севере, да? В экспедиции, да?

— Тогда, — ответила Веткина, поднимаясь со стула вся в клубах дыма, — когда ты под стол пешком ходила. — Веткина остановилась на пороге, вздохнула. — Туда бегут... Оттуда бегут. Да, выталкивает город определенных людей.

— Как это выталкивает? — удивилась Юлька.

— Так, коленкой под зад.

Подруги ушли. Наталья видела, как впереди, уже слегка переваливаясь, семенила двадцатилетняя Юлька, а за ней, скорбно подняв плечи, шла мудрая одинокая Веткина.

Хлыстов был верен себе. Ну как не подпортить воскресное настроение этой городской цаце? Примерно так думала Наталья, с неприязнью наблюдая в окно, как председатель широким хозяйским шагом приближается к библиотеке. Все, буквально каждая черточка в облике этого человека, начиная от маленькой кожаной шапки, сытого красного лица и кончая идиотскими высокими калошами на белых валенках, раздражало, даже вызывало отвращение у молодой учительницы.

Хлыстов уже, обивая снег, топал калошами на крыльце.

«Все!» — сказала себе Муренкова и села за стол, твердо решив не вставать при появлении председателя. Быстро открыла первую попавшуюся тетрадь и начала вертеть в пальцах красный карандаш.

Дверь распахнулась, раздались тяжелые шаги и грозные звуки прокашливания. Наталья не выдержала, подняла от тетради глаза и, встретив взор Хлыстова, привстала.

— Сидите, сидите, — неожиданно добродушно сказал председатель.

Он вошел, улыбаясь, осмотрелся, словно видел библиотеку впервые, расстегнул полушубок, но шапку по обыкновению не снял. — Да, уютно, ничего не скажешь, — одобрительно произнес он, — не то что в наших казенных палатах. — Заглянул в топку, не удержался от замечания: — Пора трубу закрывать.

— Вам что-нибудь почитать? — с незаметной для председателя язвительностью спросила учительница.

— Мне моих бумаг и газет во как хватает, — провел по горлу рукой Хлыстов и, глядя на тетради, опять же с совершенно невероятным для него сочувствием сказал: — И вам в воскресенье

нет отдыха. Диктанты?

— Сочинения.

— И на какую же тему?

— «Человек, на которого я равняюсь».

— Хорошая тема. — Хлыстов взял одну из тетрадей. — Так, девятый класс. Все правильно, им, понимаете ль, на следующий год серьезный выбор предстоит. Интересно, а что мой оболтус по этому поводу пишет? — со сдержанной заинтересованностью осведомился председатель. Он сел к столу и снял шапку.

Наталья не верила своим ушам: перед ней сидел не Хлыстов, не председатель, а какой-то совершенно другой, вполне нормальный человек, отец ее ученика, и обычным человеческим голосом расспрашивал о делах сына. И, словно боясь, что в любую минуту все может повернуться в другую сторону, то есть встать на свои места, она с воодушевлением и довольно поспешно заговорила:

— У вашего Андрея очень хорошая работа, очень искренняя. Ошибок мало, но, главное, написано честно, от души...

— Да, у нас в роду все прямые, — перебил ее председатель. — Ну и о ком же он?

— О старике, — с улыбкой отвечала учительница. — о деде Золотареве.

— Что?! — Хлыстов резко поднялся. — Где его писанина? — Он схватил стопку тетрадей.

Но здесь были лишь непроверенные работы, проверенные лежали в Натальиной комнате. Председатель опустился на стул.

— Балабол. Трепло грешное, — сказал он презрительно о Золотареве и, словно сделав открытие, добавил: — Так он и браконьер к тому же! Покажите тетрадь.

— Нет, — твердо ответила Муренкова и покраснела. — Андрей потом сам покажет.

К счастью, Хлыстов никак не отреагировал на это возражение. Было видно, что мысли сейчас его далеко, он говорил сокрушенно:

— Воспитываешь, воспитываешь, бьешься, бьешься, и нате вам! Приду домой, высеку...

— У Андрея, возможно, лучшее сочинение в классе, — заметила Наталья.

— Что ж, интересно, в нем лучшего? То, что в семье Хлыстовых растет свой пустозвон и анархист? О чем он хоть там? Что он нашел в этом чертовом деде?

— В том-то и дело, — оживилась учительница, — что легко писать, допустим, о моряках, летчиках и передовых тружениках. А сочинение вашего сына тем и подкупает, что он увидел в

простом человеке то, что мы с вами, увы...

— Я этого старого трескуна насквозь вижу! Штрафану по первому разряду. Еще раз увижу с ружьем и штрафану.

Хлыстов не на шутку расстроился, впал в задумчивость. Наталья принесла с плиты горячий чай, захватила тетрадку Андрея. Председатель, играя желваками, следил за паром над чашкой, а Муренкова вслух читала отрывки из сочинения его сына.

«...Вокруг очень много серьезных и даже хмурых людей. Конечно, у взрослых жизнь нелегкая, много работы по колхозу и по дому. Поэтому как хорошо, когда в трудовой жизни находится время для улыбок и смеха. Иногда идешь по улице в плохом настроении из-за каких-нибудь неприятностей и встретишь Михаила Михайловича Золотарева. Он расскажет что-нибудь из своей жизни, рассмешит, и у тебя совсем другое настроение. Главная черта характера Михаила Михайловича заключается в его доброте и веселости...»

— Ничего, — произнес председатель, — сейчас домой приду, будет ему веселость.

— Сергей Иванович, — Наталья умоляюще сложила на груди руки, — вы же меня подведете, он же мне верить не будет.

— Ну хорошо, хорошо, — недовольным голосом пообещал Хлыстов, — буду ждать, когда вы раздадите тетради.

— «Его любят соседи...» — пыталась продолжать чтение Муренкова.

— Конечно любят, — не удержался председатель, — зубы скалить вместо работы кто не любит.

— «Был случай, — читала Наталья, — когда многих повалил грипп. Тогда Золотарев, который сам не подвержен болезням, носил соседям Тепляковым воду и топил им печку».

— Да, и за это вылакал у них все запасы пива, — вставил Хлыстов. — Ладно, разберемся. — Он встал, надел свою куцую шапку и посмотрел в окно. — Кажется, к вам идут... А что, «Болезни картофеля» так и не переставили?

— Нет, не переставила.

— Что ж, будем ругаться, — спокойно сказал председатель. Помолчал, поморщился отчего-то. — Тут, понимаете ль, слух прошел, что вы уезжаете. Так?

Удивленная Муренкова — откуда он знает? — пожала плечами.

— Что тут греха таить,— Хлыстов опять посмотрел в окно, — симпатий особых между нами никогда не было, не люблю я все эти гуманитарные штучки...

— Но... — пыталась возразить учительница.

— Погодите, — властно остановил ее Хлыстов. — Тут дело такое. Я вижу ваше отношение к школе и к этому, — он обвел рукой помещение, — следовательно, делаю вывод: раз серьезный непьющий товарищ занимается всем этим, — он еще раз обвел комнату, — то не все тут так просто. Ну а в общем, я как руководитель лично в вас заинтересован. Да, вот так в целом. Короче, обещаю всяческую поддержку...

Сергей Иванович мялся, было заметно, как непривычно ему выступать в роли упрашивающего. А Муренкова, ничего не понимая, сидела с более, чем обычно, серьезным видом.

— Тут, понимаете ль, как получается? Раз молодая учительница сама приехала к нам аж из самой Москвы, то ведь и наши оболтусы теперь десять раз подумают, прежде чем бежать в город. Короче, вы как живой пример для меня. То есть, хотел сказать, для них. — А выходя, председатель обычным для него самоуверенным тоном сказал: — Надеюсь, мы с вами договоримся. Только не учите вы их, ради бога, брать пример с таких, как Золотарев.

Пришла мать семиклассника Аникеева Васи, молчаливого, некрасивого и малоспособного мальчика.

— Вот с фермы иду, дай, думаю, загляну, узнаю, как там мой Васька-то учится.

— Получше-получше, — утешила Наталья Аникееву.

— Вот и я уж подметила, — заулыбалась доярка, — в шестом-то все двойка на двойке, еле дотянул, а теперь, смотрю, нет-нет да и четверочка мелькнет. Может, он и не такой дурак у меня, а, Наталья Борисовна?

— Подумаешь, оценки, — сказала учительница, — а вдруг из Васи отличный механизатор получится? Или плотник, к примеру.

— Ой, как вы верно все говорите! — воскликнула Аникиеева. — Вот и я уж подметила, тянет его по плотницкой-то части. Вот возьмет досочку, уйдет с нею в сарай и стругает ее там, и стругает. Я на него Васька, леший, воды в доме нету, уроки не сделаны, а ну бросай свою доску, пока я ею тебя по горбине! Так нет, пока всю не исстругает, не выйдет. Упорный, в отца. Тот тоже все молчком, все сопит, а как упрется лбом в стенку, так конец...

Наталья слушала, кивала и про себя улыбалась. Нравились ей бесхитростные, простодушные люди.

— А как-то задумал он два шифоньера сделать, — продолжала рассказывать доярка о муже. — Из одного, представляете? Притащил в дом пилу...

И вспомнился Муренковой ее чудаковатый дед, тоже любивший в свое время попилить, построгать и редко доводивший работу до полного завершения. А через дедушку и

кое-что другое из московской жизни вспомнилось: институт, распределение, школа, где безгранично властвовала завуч Хромова, рослая плечистая особа с удивительно холодным взором белых, слегка навыкате глаз. Хромова была из породы людей, которые знают всё. О чем бы ни зашел разговор в ее присутствии — о судьбе ли Толстого, о теории Дарвина или о космических «черных дырах» — завуч тут же включалась в беседу, и если тем, к кому она обращалась, было до этого что-то неясно, в чем-то они сомневались, то математик Хромова, растягивая в полуулыбке крупный рот, небрежно вносила в любой вопрос полную ясность. Возражать ей означало нажить себе смертельного врага. Ее боялись все, включая директора, неумело изображавшего добродушное снисхождение при очередной уступке воинственной Хромовой. Но самое главное: она откровенно не любила детей. Это видели все, и все молчали, потихоньку недоумевая, отчего она работает в школе, не задумываясь о том, что жажда власти порой реализуется в самых неподходящих формах.

И вот в школе появилась Муренкова, воспитанная «идеалистом»-дедушкой, воспитанная на фильмах и книгах, где неизменно побеждают добро и правда. И Наталья, еще не остывшая после институтской скамьи, еще не привыкшая к отчеству Борисовна, сначала робко, а потом смелее, смелее начала говорить правду, краснея при этом и стараясь не встречаться с кинжальными взглядами Хромовой... Она была неопытна, у нее не было весомых конкретных фактов против завуча, а усилия коллектива сводились только к тому, чтобы разнять воюющие стороны. Так могло продолжаться до пенсии Хромовой. Муренковой хватило и полтора года.

Мир жестко устроен. Если у вас плохи дела дома, то не ждите особых успехов по службе, а если ваша работа сплошь неудачи, то не надейтесь на счастливую личную жизнь. Был у Натальи Игнатьев, но после школьной истории начались странные по пустякам ссоры, и не стало Игнатьева. С устройством на работу тоже не складывалось — попадались места в двух-трех часах езды от дома на нескольких видах транспорта. Дома ворчал отец: говорил, поступай в инженерный вуз, предупреждал, не послушались (имелись в виду дочь, мать и дед), теперь расхлебывайте. Без конца звонили подруги, расспрашивали, сочувствовали, ругали нехорошего Игнатьева. И тогда Наталья решила пожить у дедушки в однокомнатной квартире, расположенной в поднебесье Отрадного, где, кстати, она и была прописана. Старик понял переезд внучки по-своему — он решил, что пришла пора ему помирать и освобождать жилплощадь наследнице. Начались ежедневные разговоры о смерти, заунывное

нытье, что вот, мол, пора, а она никак его не берет. Муренкова попыталась объяснить сложившуюся ситуацию, потом попробовала повозмущаться, поругаться, но от этого стоны старого человека только усилились. Наталья поняла, что и здесь ей не жить.

Но все-таки дедушка, в прошлом прекрасный преподаватель русского и литературы, получавший от бывших учеников письма, открытки к праздникам, оставался отчасти еще тем, прежним дедом. Не зараженный ни домино, ни рыбалкой, он все свободное время тратил на воспоминания, писал свою сибирскую, как он говорил, эпопею. Как его там учили жизни в течение восьми лет, а затем он учил уму-разуму местную ребятню. Свои тетради в руки он никому не давал, но любил почитать вслух отдельные кусочки. Слог у старика был отменный, в меру витиеватый, отдающий ароматом старинных семейных архивов. И каждая читка, заканчивающаяся многозначительным молчанием и вопросительным взглядом поверх очков, наводила Наталью на грустную мысль: будет ли ей что вспомнить по прошествии многих лет? О чем она будет писать в старости? О том, как ругалась с Хромовой, как по ночам выла в подушку из-за ничтожного Игнатьева? Или о том, как моталась по Москве в поисках работы?

«Жизнь у нас одна, — глубокомысленно читал старик, — и доколе мы причастны к ее течению лишь постольку, поскольку в нем неуправляемо движемся, не осознавая умом и не чувствуя сердцем, что такой жизни у нас боле не будет, то мы по сути своей не являемся гражданами Отчизны в наивысшем значении этого слова, так как, растрачивая себя по пустякам, мы тем самым растрачиваем народное достояние...»

Тем временем доярка Аникеева закончила свой рассказ о непутевом муже, распилившем таки шкаф пополам, и ждала, что скажет на это молодая умная учительница.

— Чаю хотите? — улыбаясь, предложила Наталья.

— Спасибочки, что вы, — замахала руками доярка, — мне уж и бежать пора, мужики-то не кормлены. Пойду уж. Я вот еще чего хотела спросить, — сказала Аникеева, повязывая платок, — вы никак уехать от нас хочите?

— До весны вряд ли уеду, — неожиданно для самой себя ответила Муренкова.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, а то, думаю, укатит наша молодуха, опять у моего двояки посыпятся. Я вот тут вам молочка малость в баночке...

Как ни отказывалась Наталья от краденого молока, пришлось взять — столь жалобно-настойчиво просила доярка. И, пообещав,

что она никому ни гугу, довольная Аникеева, прижимая локотки к телогрейке, заспешила под горку. А навстречу ей шла ватага восьмиклассников, возглавляемая Дмитрием Петуховым. Самая неспокойная в школе публика.

В библиотеке сразу стало тесно и шумно.

— Вот что, братцы, — сказала учительница, — если не прекратите галдеж, всех выставлю и буду запускать по одному.

С этой компанией Наталья разговаривала по-особому, совсем не так, как с другими учениками.

— Тихо вы! — прикрикнул на всех Петухов и достал из-за пазухи том Чехова. — Не осилил, — честно признался он. — Дайте лучше опять Джека Лондона.

— Ничего, — сказала Муренкова, — я тоже в школе Чехова не любила.

— А Мопассан, Наталья Борисовна, вам нравится? — спросил Игорь Данилин, сын агронома.

— Когда-то очень нравился, теперь меньше, — сдержанно ответила Муренкова. Она знала способность красавчика Игоря подзаводить собеседника на большой разговор, но сегодня у нее не было никакого желания обсуждать с восьмиклассниками проблемы любви.

— А классно мужик пишет, — мечтательно произнес Данилин, — да вот мать все орет: рано тебе, рано!

— Слушай, — серьезно сказала учительница, — что это за выражения? Давай-ка прекращай, товарищ дорогой, если не хочешь со мной поссориться.

— Не-не, не хочу, — тут же ответил бойкий паренек, стараясь перевести все в шутку.

— Мы вообще-то поговорить о деле пришли, — сказал Петухов. — У вас тут, конечно, не курят?

— Я вот тебе покурю. Что за дело? Опять отдельное поле? Опять от колхоза отделиться хотите?

— Надоел этот колхоз, — с горечью сказал Петухов. — Ковыряешься, ковыряешься, а потом половина и сгниет. Машин у них мало, понимаете, — передразнил он Хлыстова.

— Подрастай, учись, бери дело в свои руки.

— А с полем все тип-топ, — весело сказал Данилин, — я с отцом советовался, он одобрил.

— Но мы не об этом, — вновь заговорил Петухов. — Тут слушок ходит, что вы уезжаете... Правда?

«Да что они, сговорились?» — подумала Муренкова и уклончиво ответила:

— Обстоятельства.

— Ну вот, — вздохнул кто-то из ребят, — теперь пришлют

какого-нибудь мухомора, начнется житуха.

— А все этот городской, — сощурившись, заметил Игорь, — ходил тут, цырлы-мырлы разводил.

— Ну ведь не знаешь же человека, а мелешь всякую ерунду! — возмутилась Наталья. — При чем тут он?

— При том, — довольно грубо ответил ученик, — читайте Мопассана.

— Довольно об этом! Если не о чем больше говорить, поговорим о Грибоедове. Вернее, о Чацком. Ну, так что бы он делал сегодня?

Ребята молчали, перестраивались. Потом кто-то робко сказал:

— Может, на БАМ махнул бы?

Петухов фыркнул, по-взрослому покачал головой и поправил:

— Тогда уж на Север, в бичи.

Смеялись все, кроме самого Петухова и учительницы. Разговора не получилось.

Второклассник Сергуня Чудин сидел напротив Натальи и листал большую книгу о боевых кораблях. Он листал, шмыгал носом и постоянно вздыхал.

— Наталья Борисовна, а вы настоящее море видели?

— Видела, — говорила учительница, проверяя последнее сочинение, — даже купалась.

— А кто больше, линкор или крейсер?

— Линкор больше. Но надо говорить не «кто», а «что», — думая о своем, отвечала Наталья.

...Да, получалось, что работа Андрея Хлыстова действительно самая интересная, по-человечески самая умная. И Муренковой пришла в голову интересная мысль: заглянуть на огонек к деду Золотареву. Она его мало знала, хотелось посмотреть, кто же все-таки прав: отец или сын? Или оба? Ведь в каждом человеке живет несколько лиц.

— Ладно, — вслух сказала она, отложила тетрадь и, подперев подбородок, стала смотреть, как мальчик, старательно мусоля палец, переворачивает страницы. И без того крохотные ноготки Сергуни были обгрызены.

— Как мама поживает?

— Хорошо.

— А папа?

— Хорошо.

— Не бьет мамку-то?

Сергуня хлюпнул носом и промолчал. Тогда Наталья встала, повела его к умывальнику, умыла как следует, приговаривая: «Вот так, Сергуня-соплюня», — потом причесала и поставила перед

зеркалом. «Сережа, а ты, оказывается, красивый мальчик!» Тот сконфузился и стал выворачиваться из ее рук.

Потом они ели щи, и Наталья учила второклассника правильно держать ложку. «А то ты прямо как экскаватор», — говорила она, и они оба покатывались со смеху.

Когда встали из-за стола, Муренкова громко и довольно торжественно сказала:

— Сергей Чудин в первом полугодии оказался самым постоянным посетителем библиотеки! — И с тоской подумала: «По семейным обстоятельствам». — И за это Сергей Чудин награждается памятными подарками!

Муренкова достала из шкафа женский носовой платок с цветочками, а из стола шариковую ручку.

Сергуня оцепенел.

— Бери, ты же заслужил, — уговаривала Наталья.

И когда он, борясь с собой, все-таки принял подарки и начал упрашивать, чтобы Наталья Борисовна никому об этом не говорила, потому что узнает отец и все поотнимает, Наталья опустилась на колени и прижала мальчишку к себе.

Потом они щелкали кнопкой на ручке и разглядывали фиолетовые цветочки на розовом платке.

— А это какие цветы?

Муренкова всмотрелась и вдруг вспомнила сегодняшний сон.

— Так это же сон-трава, — удивилась она.

И пришлось для Сергуни придумывать сказку о том, что если ранней весной, когда только-только сойдет снег и в Круглом бору зацветет сон-трава, подняться на Покровскую гору, то увидишь оттуда, что их Изнежа впадает в большую-большую реку и как та через леса и тундру величественно течет в необъятный, сверкающий льдами голубой океан.

Опустилась глубокая снежная синева, разлилась меж домов, дымящих белыми столбами. Ударил крепкий мороз. На главной улице зажглись фонари, и в ранних сумерках Колкино стало больше походить на картину, чем на живое село.

Деда Золотарева Наталья застала лежащим на продавленной кушетке и думающим, судя по выражению лица, какую-то веселую думу. Его супруга Валентина Ефремовна, или попросту баба Валя, приземистая работящая старушка, на которой держался весь дом, чистила на кухне картошку.

— Ой, батюшки, — воскликнула она, бросив нож в таз и вытирая руки о фартук, — кто к нам пожаловал! А мы только что отчаевничали, раздевайтесь, садитесь, самовар еще теплый.

— Спасибо, я недавно пила, так что не хочу.

— Как это не хочу, — сказал старик, усаживая гостью за стол, — на смородиновом-то листе и не хочу? В кои-то веки зашла и не хочу...

Золотарев безобидно ворчал, скорее просто для того, чтобы что-нибудь говорить. Он малость подрастерялся от неожиданного визита.

— Что за беседа без стакана в руке? Русские мы или не русские? — Он покосился на старуху.

— Ты мне голову не морочь, — сухо ответила та, — все одно ничего не получишь.

— Ну что ты с ней будешь делать, — завздыхал дед, — ну никакого тебе воспитания.

— Я буквально на минуту забежала, — оправдываясь, сказала учительница. — Тут о вас сын Хлыстова очень хорошее сочинение написал. Вот... пришла сообщить.

Дед помолчал, удивленно поскреб прокуренным пальцем висок и, стараясь казаться равнодушным, спросил:

— Чё это он вдруг? Делать ему нечего, что ли?

— Ай, молодец Андрюшка, — улыбнулась баба Валя. — Что же он пишет?

— Вот пишет, хороший вы человек, Михаил Михалыч, отзывчивый.

— Что верно, то верно, — словно бы сожалея о таком своем качестве, согласился старик. — Наградил господь этой отзывчивостью, куда ж теперь от нее денешься. — Золотарев заметно приосанился, лицо его приобрело выражение некоторой важности. — Ну а вы как поживать будете? — поинтересовался он.

— Неплохо, — ответила девушка, отметив, что старик перешел с ней на «вы». — Работа не скучная, жилье теплое, а что еще человеку надо?

— Человеку много чего надо, — философски ответил дед. — А само главное, скоко ему ни дай, все мало. Вот ведь какой он, этот человек. Да хоть меня взять, к примеру. Вот теперешний момент жизни. Поначалу-то вроде было приятно, что Андрюха про меня хорошее написал, вроде рад, да? А через пять минут я уже думаю: а чё это районка обо мне молчит? Об алкаше Чудине и то написала, что жену лупит, что, мол, скоро посодют, а обо мне, герое войны и труда? А?

— Сиди уж, — взмахнула руками старуха, — районка! Скажи спасибо, что хоть школьник нашелся, добром вспомнил.

— Да, — сказала Наталья, — еще пишет, что здорово, когда рядом живет веселый, неунывающий человек.

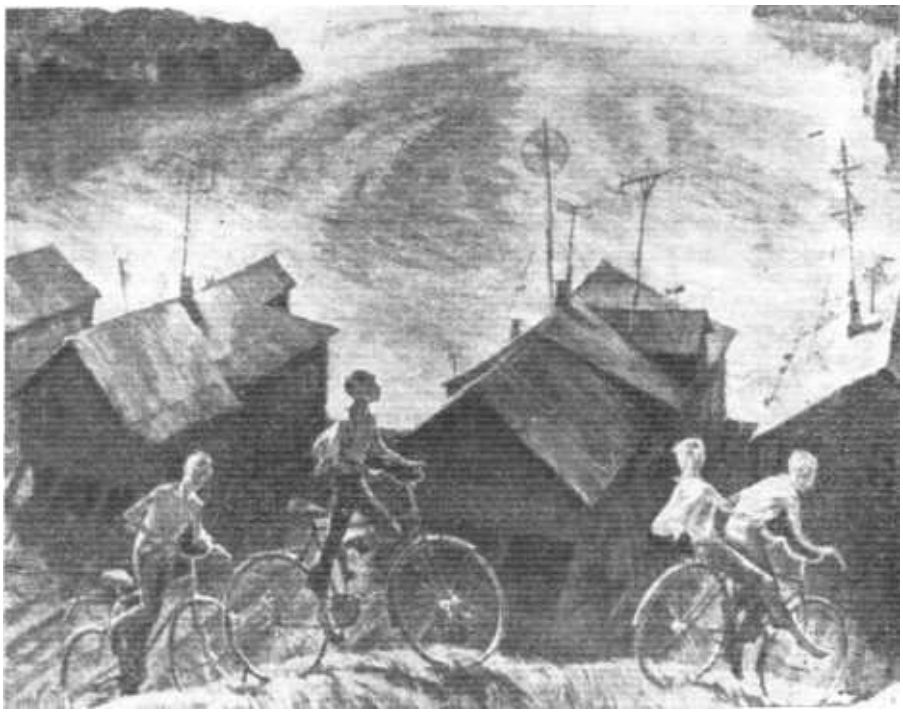
— Вот это он в самую точку, — просиял старик. — А с чего

унывать-то? Войны нету, с голоду пока не мрем, ноги хоть трещат, но, слава те, еще носют, капканчики ставим, не промахиваемся.

— Конечно, — сказала хозяйка, — чего ему унывать? Дрова вон с весны не колоты, а ему трын-трава.

— Зато у меня кажный день физкультура, — тут же возразил дед. Он встал, принес сигареты, спички, банку под пепельницу и закурил с видом человека, расположенного к долгой беседе. — Я, Наташк, если на то пошло, и в войну-то особо не унывал. Меня, было дело, за это чуть в штрафроту не упекли. Да... Приехало раз высокое начальство к нам на передовую, проверить, значит, как мы тут, не окочурились еще от мороза-то...

— Ой, ну опять он заливает, — не то шутя, не то серьезно сказала старуха, — ведь вот в обозе же всю войну проходил.



А. Суховецкий. ЛЕТО В ЗАОНЕЖЬЕ.

А. Пахомов. МАЛЬЧИК С ГОЛУБЕМ.

С. Чуйков. ДОЧЬ СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ.

— Сама ты в обозе, — обиделся дед. — Просидела в теплом госпитале-то, так думаешь, и все так? И не путай меня, дай досказать. Ну вот, выстраивают нас в одну шеренгу перед тем генералом, и начинает он свой обход. Кого по плечу хлопнет, кому руку пожмет или поговорит о какой-нибудь ерунде. Подбадривает, значит. Ну, доходит он до меня. Я уже и ладошку о шинелку тру, вспотела ладошка-то. А он как глянул на меня коршуном и спрашивает нашего ротного: а этот чего лыбится? Ротный вытянулся в ниточку, ни жив ни мертв: не могу знать, товарищ генерал, он всегда у нас лыбится. «Всегда?» — грозно

спрашивает генерал. «Так точно, всегда!» — «И когда нас за Дон откинули, он тоже так лыбился?» — «Не помню, — говорит ротный, — не до того было». Генерал как глянул на него, наш лейтенант чуть было не откинулся и скорее кричит: «Вспомнил, товарищ генерал, точно так, и тогда он лыбился...»

— Ну ведь брешешь же, — не выдержала баба Валя.

Золотарев мощно затянулся, пустил к потолку клуб дыма и продолжал:

— «А не отправить ли в таком разе, — говорит генерал, — этого весельчака в штрафники. Может, он там посурьезнеет? Как?» — спрашивает он меня. «Никак нет, — отвечаю, — не посурьезнею». — «Почему?» — «Потому, — говорю, — что угораздило таким уродиться». — «И где ж та земля, что таких родит?» — с ехидцей спрашивает генерал. «А вот ежель от Москвы к северу взять, то выйдешь к Белому озеру, а там и до нас рукой подать. Приезжайте, — говорю, — опосля победы в гости, охота у нас там знатная. Я вам свое ружье дам, а сам у деда Петухова возьму, один хрен он уже не охотник». Лейтенант наш зеленый извелся весь, делает мне страшные глаза — посмотри, мол, кто перед тобой, чего ж ты плетешь-то! «Детки-то есть?» — спрашивает генерал. «Да пока нету». Вздохнул генерал, видать, своих детей вспомнил. Ну а вообще уехал довольный осмотром. Особливо мной.

Наталья помогла хозяйке дочистить картошку и осталась у Золотаревых ужинать. В самом деле, думала она, прав младший Хлыстов: какую-то необъяснимую силу распространял вокруг себя этот неугомонный старик, умудрившийся к шестидесяти восьми годам не утратить мальчишеской непосредственности.

За ужином дед спросил:

— Вот ты, Наташк, для меня загадка. Все счас в город стремятся, а ты чего-то к нам надумала?

— Дай поесть человеку, — пыталась остановить старика баба Валя.

— Да я что? Пусть ест, конечно. Но мне ж интересно, как это так, из самой Москвы и вдруг прямо к нам?

— Нервы в городе разболтались, — улыбнулась учительница, — вот подлечить решила.

— Замуж тебе, девка, надо, — со знанием дела посоветовал дед, — тогда не до нервов будет.

— Да что ж ты такой цеплючий-то? — возмутилась бабка. Но, подумав, сказала: — А замуж-то надо.

— Я тебя с егерем Степанищевым сведу. — Золотарев тут же перешел к делу. — Не мужик — лось. Кулак — во! Жди в гости.

— Нет-нет, — запротестовала Наталья, — не надо мне

никакого Степанищева.

— Как? — изумился дед. — Степанищева тебе не надо?

— Ну какой же цеплючий, старый. Человек уезжать от нас собирается, а ты со своим егерем.

Старик долго думал, а потом произнес:

— Ну и правильно. Я б на ее месте тоже уехал. Чего ей тут одной на горе куковать? Скучно, поди. А состарится, тогда как?

— А наши-то все об вас сильно жалеют, — заметила баба Валя.— Особливо те, у кого вы ребят учите.

— Это они не ее, это они себя жалеют. А вот ее-то кто на старости пожалеет? Не слухай, девка, никого. Решила, обмозговала, езжай с богом.

— Чего ты человека-то гонишь, чего подстегиваешь.

Долго сидели они, беседуя о здешней жизни и о городской. И под конец, когда все пришли к единому мнению, что хорошо там, где нас нет, и дед, круто изменив свое прежнее мнение, стал убеждать учительницу, что уезжать ей совсем ни к чему, а «надоть бы» состыковаться со Степанищевым, да и зажить припеваючи, работать, рожать, хозяйство вести. И когда правильность этого вывода стала для стариков ясной как день, Наталья неожиданно поразилась единственно реальной перспективе сельской жизни — рожать, хозяйство вести... И решила окончательно: уезжать.

Она возвращалась безлюдной вечерней улицей, редкие фонари сияли в нимбах морозного воздуха, желтые окна домов излучали тепло и уют. Деревянная двухэтажная школа настороженно смотрела из глубины большого старого сада, а напротив на плоском здании клуба на дверях красовался громадный замок. Если бы сегодня сюда собралось человек десять, то заведующий, хоть как-то оправдывая зарплату, с удовольствием запустил бы фильм или музыку, но по общесоюзной программе шел телевизионный сериал, и многие колкинцы сидели прикованные к домашним экранам. И Наталья подумала, что, может быть, права Веткина, заявляя, что настало время избавляться от телевизоров... Вот сейчас Муренкова заглянет к ней, Веткина отложит толстую книгу классика (пробел в ее детдомовском образовании), глухая Дуся, живущая, кажется, только тем, что иногда ей удается что-нибудь сделать для Веткиной, тут же соорудит чай, и Наталья сообщит им о своем решении. Взгрустнут. Просидят до ночи, обсуждая свое бабье житье-бытье.

Навстречу кто-то бежал. Пронзительно повизгивал снег. Муренкова присмотрелась: откидывая валенки в стороны и поводя плечами, бежала хохотушка Нюра Хохлова. Платок сбит на затылок, шуба расстегнута. «Неужели выпила?» — с сожалением

подумала о своей бывшей ученице Наталья.

— Наталья Борисовна! — еще издали закричала Хохлова. — Наталья Борисовна! — Девушка подбежала и выдохнула: — Сергуня Чудин пропал.

— Что значит пропал? Застегнись.

Хохлова послушно стала застегиваться.

— Я уж всех пацанов обегала, всех соседей, нигде нету. А мороз-то, а-а... — жалобно протянула девушка.

— Так с чего он пропал-то? — удивляясь своему раздражению, спросила Муренкова.

— Да все старое. Стал этот дурак драться, гоняться за Клавкой, та в голос. Бил ее, бил, пока мы не подошли... Ну отец с братаном накостыляли ему да связали, а Клавка на полу стонет: Сережа, Сережа, возверните его. Мы хватились, нету нигде. А мороз-то...

Наталья хотела спросить, когда, сколько часов назад это случилось, но вдруг почувствовала, что не может произнести ни слова. Легкая тревога, едва зародившись, уже превратилась в тяжелый, отнимающий и голос и силы страх.

— Ты у Юльки была? — выдавила Муренкова. — Он часто к ней ходит.

— Да была, была, ее самой нету.

— Так, стоп. Постой...

И тут Наталья вспомнила: сон-трава! Ну конечно же!

Она схватила за руку Нюру, и они побежали к Покровской горе.

— Понимаешь, — пыталась на бегу объяснять Муренкова, — я ему сказку про сон-траву рассказала. Дура, идиотка...

Хохлова ничего не понимала, да и не слушала.

— Я еще когда говорила, — твердила она, — что его сажать надо, я сколько раз говорила. «Ценный механизатор»... Стрелять таких ценных механизаторов.

Они быстро устали, прекратили бежать, а у подножия горы и вовсе остановились. Подняв головы, пытались отдышаться. Обломок храма чернел в высоте.

Наталья вдруг повернулась и несколько секунд отрешенно смотрела на Нюру. Потом громко охнула и, ни слова не говоря, побежала обратно.

Воздух сжигал легкие, ноги стали совсем как чужие, двигались сами по себе независимо от сознания. Ничего не видя, не слыша, она миновала поселок. Она уже и не бежала, по сути, а сгорбленно карабкалась на пригорок к своей библиотеке, но ей продолжало казаться, что она все еще бежит, бежит...

Он спал на крыльце, натаскав из сарая соломенной трухи. Он

свернулся калачиком, и в таком положении она внесла его в дом, положила на кровать и, лихорадочно вспоминая, что в таких случаях положено делать, стала звать: «Сергуня! Чудин!» Она слышала свой собственный голос — он показался ей не столько жалким, сколько одиноким и гулким, и впервые за два года у нее промелькнуло в сознании, как этот дом велик для нее.

«Люди, — сказала она вслух, — где же люди?» Муренкова выбежала на крыльцо и закричала в темноту: «Лю-у-ди-и-ы-ы!» В надрыве крик искажался, становился похожим на вой. Потом она включала и выключала свет в доме, надеясь, что этот сигнал увидят и поймут его смысл... Она подошла к мальчику, вгляделась в его мертвенно-белое личико, ярко выделявшееся на красном одеяле, и тут поняла, что боится к нему притронуться. Будильник на тумбочке оглушительно тикал.

Но вот Сергуня пошевелился и что-то невнятно сказал. Муренкова очнулась, быстро, но осторожно начала его раздевать, повторяя: «Говори, говори, Сережа, родной, ну не молчи, говори...» И мальчик, словно понимая, о чем его просят, бормотал, бормотал что-то, может быть, рассказывал свои сны.

Страницы жизни директора детдома. ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

Сидит, смотрит волчонком: худая, изможденная, глаза лихорадочна блестят; до сих пор с ней случаются голодные обмороки. Дразнят ее: «Обжора — три котла!»

— Аня, — говорит Светлана Николаевна как бы между прочим,— у меня к тебе просьба...

Аня отводит глаза в сторону. Она не верит директору. Она мало верит взрослым.

— Позанимайся с моей дочерью математикой, — ровным тоном, уважительно продолжает Светлана Николаевна.

Аня молчит.

— Договорились? — спрашивает Светлана Николаевна.

Ни слова в ответ.

— Ну, хорошо, иди, — говорит Светлана Николаевна. — Надумаешь — скажешь мне. Я буду ждать.

Аня встает со стула и быстро выходит из кабинета директора.

Некоторое время Светлана Николаевна задумчиво смотрит в окно. Осень. За оградой детдома — колхозные поля; картофель выкопан, свекла убрана, но в поле монотонно урчит и урчит трактор.

Светлана Николаевна никак не может найти ключ к душе Ани. И от этого у нее неспокойно на сердце. Аня в детдоме второй год. И уже дважды сбегала отсюда. Родители у Ани живут в городе. Казалось бы, она их ненавидит, но упорно убегает домой. Сколько раз отец с матерью, еще до того, как их лишили родительских прав, надолго запирали девчонку в подвале... Но Аня не пыталась стучать в дверь и кричать. Она впадала в какое-то странное оцепенение. Бывало, родители не кормили ее день, а то и два. Забывали про нее в угаре пьянства и разгула. Так у нее начались голодные обмороки. Прежде чем попасть в детдом, Аня два месяца лежала в больнице; диагноз — хроническое истощение организма. Маленькие сестренка и брат Ани, которым не исполнилось еще трех лет, попали в дом ребенка, Аня — в детдом. О них у Ани болела и страдала душа, она им с рождения была и за мать, и за няньку — к ним и сбегала. Но всего этого еще не знала Светлана Николаевна, директор детдома. И вот мучительно искала путь к Аниной душе.

«Обжора — три котла...» Аня действительно ела за троих. Она как будто наверстывала то, что когда-то недоедала у родителей. Больше всего любила хлеб и макароны. Особенно если макароны

с мясной подливкой. Ребята подсовывали и подсовывали ей свое: «На, ешь...», а потом дразнили: «Обжора — три котла!» Аня бледнела, глаза ее вспыхивали огнем ненависти и одновременно независимости, ни слова не говоря в ответ, она уходила куда-нибудь, пряталась от всех. Озлоблялась. Сколько раз и Светлана Николаевна, и воспитатели разговаривали с ребятами — не помогало. Ребятам не по душе гордыня Ани, ее независимость, резкость. А до внутренних ее страданий им дела нет...

В кабинет без стука врывается Володя Захаров. Волосы черные как смоль, в глазах — огненные чертики. Кличка у него — Цыган.

— Стучаться надо, — говорит Светлана Николаевна.

Но Цыгану не до вежливости, не до светского этикета.

— Опять она меня не пускает к Серому! — кричит он, захлебываясь словами от волнения.

— Кто — она? — стараясь успокоить его, ровным тоном спрашивает Светлана Николаевна.

— Вы будто не знаете! — выпаливает он. — Марья Ивановна!

— А ты сейчас где должен быть? На уроках?

— У нас физрук заболел.

— Ладно, иди. Я поговорю с Марьей Ивановной.

Мальчишка смотрит недоверчиво:

— Да она вас не боится!

— А зачем нужно бояться меня? — удивляется Светлана Николаевна. Но удивляется нарочно — она знает мнение ребят: директора должны бояться, иначе что это за директор?

— Вот она не боится! — повторяет Вовка, он хочет, чтобы Светлана Николаевна разозлилась на Марью Ивановну.

— Ладно, будет она тебя пускать к Серому. Иди.

Захаров закрывает дверь, но как-то без особой охоты, без веры в обещание директора.

Светлана Николаевна записывает в календаре: «Аня, Володя, Мария Ивановна».

У Володи Захарова есть мать, но она пила, гуляла. Вдруг вышла замуж — новому мужу чужой ребенок был не нужен. И вот мать отказалась от сына. Цыган без ненависти не мог вспоминать ее. Сбегал не один раз из детдома — искал родственников. Родственники не находились. Один раз оказался у цыган. Прожил с ними год. Полюбил лошадей. И теперь жить без них не может. В детдоме есть свой мерин — Серый. Но Марья Ивановна, конюх, с неохотой подпускает к нему. Особенно Цыгана — боится, угонит лошадь.

Светлана Николаевна выходит из кабинета. В коридоре сталкивается с почтальоном.

— Светлана Николаевна, вам повестка. Распишитесь.

Районный суд приглашает директора детдома на судебное заседание в качестве свидетеля по делу о поджоге дома жительницы деревни Сорокиной Е. Г. Обвиняемый — бывший детдомовец Александр Егоров. Сашка-бешеный — так называли его в детдоме. Светлана Николаевна до сих пор не может простить себе, что в тот вечер ее не оказалось дома. Ведь Егоров приходил сначала к ней. Стучался в дверь. Будь она дома — она предотвратила бы преступление. Для чего приходил к ней Егоров? Хотел поговорить? О чем? Может, хотел, чтоб она помогла ему устроиться на работу? Или помогла поступить в ПТУ? Не застав ее дома, Егоров сильно напился. Может, захотел выпить еще. Пришел в магазин. Закрыто. Пошел к продавцу Сорокиной домой. Та наотрез отказалась продавать вино. Сашка-бешеный вышел из дома, принес канистру бензина, облил крыльцо и поджег...

Ходили слухи — Сорокина воровала в магазине. И никто ее не любил в деревне. Но это же не значит, что можно вот так просто прийти и поджечь дом. Если ворует — тут должны разбираться особые органы... Другое дело, что Сашка-бешеный мог ненавидеть Сорокину по личным мотивам. Два года он обхаживал дочь Сорокиной — Надю. Мать и слышать не хотела ни о каком Сашке. «Шпана, разбойник, детдомовец!..» После восьмого класса отправила дочь к родной сестре в город — учиться в строительном техникуме... Так Сашка-бешеный потерял свою любовь.

И вот облил дом Сорокиной бензином и поджег. Преступление.

Откуда эта безрассудная жестокость?

Когда разговариваешь с Сашкой, разговариваешь спокойно, в добром тоне, который, надо сказать, сбивает парня с толку — он привык к грубостям, окрику, то вдруг видишь: он совсем еще парнишка, застенчивый, даже робкий, только вот в глазах — затравленность. Как же все это сочетается в одном человеке? Когда-то у него были мать с отцом. Отец, шофер, погиб при перегоне автомобиля — свалился в горное ущелье. Мать запила. Потом за воровство, за спекуляцию, за бродяжничество попала в тюрьму. Дальше ее след потерялся. Через три года, когда Сашка уже учился в детдоме, от матери из тюрьмы пришло письмо. Она отбывала новый срок. Просила сына — вот дикость-то! — прислать ей денег.

И теперь по стопам матери пойдет сын...

Светлана Николаевна знает Сашку всего полгода. За шесть лет его жизни в детдоме сменилось несколько директоров.

Светлана Николаевна — последняя...

Она выходит во двор. В детдоме сейчас тишина. Все ребята в школе, на уроках. Здания школы и детдома примыкают друг к другу. Можно сказать, они — одно целое. С одной лишь разницей: после занятий в школе деревенские ребята разбегаются по своим домам, а ее воспитанники идут в детдом. Как сделать, чтобы он стал им родным? Ведь далеко не все ребята именно так относятся к этому дому, где проходит все их детство...

Чуть в стороне от детдома скотный двор. Кроме Серого, в хозяйстве Марьи Ивановны — с десяток свиней. Тринадцать лет Марья Ивановна и за конюха, и за скотника в детдоме, пережила шесть директоров, никого не боится, характера резкого, своенравного, порой даже скандального, однако одна черта извиняет в ней все: она предана животным, знает свое дело.

Свинина в детдоме всегда своя, а Серый (до него была Аглая, мать Серого, а до нее — Игорек, дед Серого) ухожен и выхолен, как царский конь. Оттого Марья Ивановна и не подпускает ребят к нему, что боится — чего-нибудь натворят еще. А конь в детдомовском хозяйстве ох как нужен: весной и осенью — пахать землю, в остальное время — как тягловая сила. Разве машина заменит Серого, особенно по деревенскому бездорожью? Хотя, надо сказать, есть в детдоме и свой грузовик — без него до районного центра не доберешься.

Марья Ивановна встречает директора хмуро, настороженно. Она предчувствует, зачем пришла Светлана Николаевна.

— И не буду давать, даже и не проси! — начинает она с ходу.

— Пропадет парень, — говорит Светлана Николаевна как можно дружелюбней. — Сбежит — скитаться начнет. Пропадет...

— А что Серый пропадет — это никого не волнует.

— Слушай, Марья Ивановна, скажи честно: он понимает в лошадях или нет?

— Мало ли кто чего понимает...

— А все-таки?

— Ну, понимает. А обходиться с Серым он может?

— Марья Ивановна, давай сделаем так: назначим тебе Захарова в помощники.

— Ага, — хохотнула Марья Ивановна, — доверь коня Цыгану. Он его гоп — и угнал. А кто отвечать?

— Не угонит. А если угонит — я буду отвечать. Он мне слово дал.

— Таких-то, как ты, я, знаешь, сколько пережила?

— Ну, Марья Ивановна, я надолго. Не обижайся, но я надолго.

— Все вы сначала надолго. Вон Митрофановна... сто лет тут

царствовать хотела.

— То Митрофановна, а то...

— А все же завхоза она в руках держала. Прихожу к нему сегодня: дай вилы. Не дает. Дай лопату. Не дает. Я что, должна ему в пояс кланяться?

— Даст. Я скажу.

— Так что, Николаевна, выбирай: или я, или он! Я с этим держимордой работать не буду.

— Ладно, Марья Ивановна, не кипятись. Разберемся. Так как насчет Захарова?

— А если угонит Серого?

— Не угонит. Ручаюсь за него.

— Ладно, — почесала Марья Ивановна затылок, вздохнула. — Пусть приходит. Поглядим, какая такая в нем цыганская кровь...

За складом — легок на помине — показывается тучная фигура завхоза Марселя Петровича Горизо. Однако, как только Марсель Петрович видит директора, он тут же исчезает, будто сквозь землю проваливается.

Марья Ивановна усмехается вслед директору:

— Иди, иди, поищи его...

Светлана Николаевна с завхозом конфликтует. По справедливости, давно пора его уволить, да вот проблема — некем заменить. Никто не хочет идти на эту, как говорят, собачью должность. У Марселя Петровича особенность одна: ничего для детдома из него не выколотишь, а что «сплавить» налево — у него всегда пожалуйста. С Митрофановной — бывшим директором — дела они проворачивали вдвоем; Елена Митрофановна не гнушалась даже тем, что списывала совершенно новое постельное белье: новое — себе, старое — детям. А самое постыдное — заглядывала даже в детский котел. Будь воля Светланы Николаевны — она бы и Митрофановну, и Марселя Петровича под суд отдала...

А Светлана Николаевна, что ж, она потому и пошла сюда, потому и согласилась принять детдом, что почувствовала в себе неожиданную и страстную обиду за ребят: как же так, почему так получается?! Ведь не кого-нибудь, а сирот и обездоленных обижают, обманывают, а потом их же еще и воспитывают. С какой душой? С какой совестью? В то время она работала в школе — тут же, рядом, преподавала русский язык и литературу, и вот когда услышала всю эту историю про детдом... Имело значение и то (может быть, решающее), что Дмитрий, муж, тоже бывший детдомовец. Больше того, детдом, в котором воспитывался когда-то Дмитрий (в войну и после войны), находился как раз в их районном центре, а со временем переместился сюда, в большую

колхозную деревню, которая вольно раскинулась среди лугов, полей и лесов, на берегу неширокой, но полноводной и богатой рыбой реки Тик. У Дмитрия, мужа, характер был нелегкий: по природе своей добрый, отзывчивый человек, он мог иногда сорваться, накричать — буквально из-за пустяка. Светлана Николаевна объясняла это только тем, что у него было трудное детство, жалела его, прощала ему все. А когда впоследствии случилось так, что оба они, муж и жена, стали работать учителями вот в этой деревне, где школа и детдом стояли бок о бок, Светлана Николаевна не могла без внутренней боли и сострадания смотреть на детдомовских ребят: ей все казалось, что среди них она видит маленького Диму, своего мужа, что когда-то вот так же он жил без матери и отца, нелюдимый, недоверчивый к ласке, доброму слову, и у нее в душе росло чувство невольной вины перед этими ребятами и девчонками.

И. Мамедов. УТРО В ПОРТУ.
А. Мелконян. ЮНЫЙ ФЕХТОВАЛЬЩИК

Е. Кожевников. «МАЙСКИЕ ГРОЗЫ». Из серии «Селецкие каникулы».

Е. Широков. ДРУЗЬЯ.

Детдомовцы учились в той же школе, что и деревенские ребята, это была их родная школа, и все же в каждом классе, где она преподавала русский язык и литературу и где вперемежку сидели и те и другие ребята, можно было безошибочно определить, кто — детдомовец, а кто — из-под родительского крыла. У детдомовцев иные глаза, иная реакция на одни и те же слова взрослого. Даже иная этика. Иные представления о добре и зле, о силе и слабости, о честности и подлости. Откуда в ней возникло это мучительное, изнуряющее чувство вины перед ними? Иногда ей даже стыдно было своего тихого семейного счастья: вот у нее муж, дочь, квартира, работа, приносящая радость и удовлетворение, а рядом детдом, ребята и девчонки, живущие без матерей и отцов, какой-то непонятной для нее,

обособленной и, как ей казалось, далеко не счастливой жизнью. Так как же она может быть спокойной, равнодушной, довольной собой? И когда однажды ее вызвали в роно и после долгого предварительного разговора предложили стать директором детдома, она сначала внутренне испугалась той ответственности, которая ляжет на ее плечи за судьбы детей, а затем, подумав и взвесив, а главное — вспомнив свое постоянное чувство вины перед детдомовцами, дала согласие, даже не посоветовавшись с мужем.

И вот тут-то и произошло непредвиденное.

Оказалось, Дмитрий был категорически против, чтобы она работала директором детдома.

Чего-чего, а этого она никак не ожидала.

— Ты ничего не понимаешь в этой работе, — горячо говорил он. — Мало сострадать, сочувствовать, надо прежде всего знать дело. А его ты не знаешь и не можешь знать. Это все только женские сантименты: ах, люблю детей, ах, как жалко их, ах, не могу смотреть на сирот спокойно!.. Не сантименты нужны — нужен волевой, сильный человек, который бы перевернул жизнь в детдоме. Да и не только в нашем детдоме...

— Что ты имеешь в виду?

— Да ты посмотри повнимательней на современные детские дома! — продолжал горячо Дмитрий. — Ты только сравни: наши, военные, послевоенные детдома и нынешние. Как мы жили? Мы жили впроголодь, у нас действительно ни у кого не было родителей, мы были плохо одеты и обуты, дрова для кухни пилили и кололи сами и, будь го мороз или проливной дождь, воду бачками таскали из колодца. Представь себе десяти-одиннадцатилетних пацанов, которые тащат трехведерный бачок. Тяжело, но тащим, через несколько шагов меняясь руками. На плиту бачок поднимали сообща. Что я этим хочу сказать? Я не хочу сказать, что мы были лучше. У сегодняшних детдомовцев тоже нелегкая судьба. Но мы были детьми войны, мы должны были по-настоящему **трудиться,** чтобы вырасти полноценными людьми, а не только чтобы прокормить себя — это важно, но это не главное, — а что сейчас?! Сейчас у большинства детдомовцев есть родители, многие родители бросили своих детей, а многих — лишили родительских прав из-за пьянства, разгула, тунеядства. И что в результате? Многие детдомовцы ненавидят своих матерей и отцов, заметь — живых матерей и отцов, затаили эту ненависть и злобу глубоко внутри, ощетинились. А куда и на кого выливают свои чувства? На окружающих. В нашем сиротстве не было виновных, кроме войны, а в их сиротстве виноваты в основном родители — и вот свою ненависть и неприязнь к

родным и близким они выливают на всех и вся. К чему я это говорю? К тому, что среди правонарушителей и ребят, стоящих на учете в милиции, очень много детдомовцев. Есть ли выход? Я думаю, есть, но только его мало принимают во внимание. Кто такой современный детдомовец? И что такое современный детдом? Скажу откровенно детдом — это **рассадник безделья**. Да, да, не морщись, выслушай меня! Государство взяло на себя все заботы по воспитанию детдомовцев. Мы стараемся общими усилиями возместить моральный ущерб, который им нанесен жизнью, прежде всего — собственными родителями. И это удается. Просторные, светлые здания, чистые комнаты, полноцепное питание, библиотеки, спортзалы, комнаты отдыха, телевизоры, кино и прочее, нет только одного, главного, что делает любого человека человеком, — труда, участия детдомовца в трудовом, жизненно важном и жизненно необходимом процессе! Ты посмотри на картину внимательней, хотя бы и в нашей деревне. Ребята, которые живут с родителями, трудятся в десять раз больше, чем наши детдомовцы. Они работают и у себя дома, и в огороде, и в поле, и в лесу, а как же — нужны и картошка, и сено для коровы, и дрова на зиму, а паши детдомовцы? Они живут на всем готовом! Какими же они должны вырасти после этого и какими действительно вырастают? Не приспособленными к труду, не любящими его, требующими для себя всего и вся, потому что считают общество обязанным служить им (ведь как-никак они морально уязвленные люди).

Отсюда многие вывихи в их дальнейшей жизни, отсюда столько изломанных судеб. Труд — вот главное, что должно стать воспитателем в детдоме. И прежде всего — именно в детдоме.

— Да разве я не согласна с тобой? Этим я и хочу заняться прежде всего.

— А кто даст тебе право проводить реформы в давно налаженной системе? Есть определенные требования, программы, планы, инструкции, законы наконец... Ты сама не знаешь и не понимаешь, за какое дело хочешь взяться!..

Спор этот возникал между ними не раз, однако, несмотря ни на что, Светлана Николаевна не изменила своего решения стать директором детдома.

И тут случилось главное — сама жизнь вмешалась в спор супругов: бывшего детдомовца и нынешнего директора детдома. Началось повсеместное обсуждение проекта школьной реформы. А затем была принята и сама реформа. В чем суть реформы, если говорить кратко? Как раз в этом: в том, чтобы труд стал основополагающим в воспитании и обучении школьников. В том числе, конечно, и воспитанников детдомов.

...Весна 83-го года выдалась в Москве слякотной, затяжной... Да и гостиница, в которой жила Светлана Николаевна, затерялась далеко на окраине — от ближайшей автобусной остановки приходилось долго идти темными, слепыми переулками. Но ничто не могло омрачить радостного настроения Светланы Николаевны. Столько нового и важного услышала она здесь для себя, на республиканском совещании директоров детских домов. Речь шла именно о трудовом воспитании детдомовцев. И одна из главных мыслей совещания: каждый детдом должен стремиться не на словах, а на деле заводить подсобное хозяйство. Кроме того, нужно как можно шире и эффективней внедрять в детских домах систему самообслуживания (здесь вспоминались педагогические уроки и опыт Макаренко).

— Вспомнили Макаренко, — с удовлетворением сказал ей дома муж. — Это хорошо... Вот мы, детдомовцы послевоенной поры, учились и трудились по-макаренковски...

— А знаешь, какое у меня предложение? — загадочно произнесла Светлана Николаевна. — Переходи в детдом на работу. Воспитателем. Как хорошо будет! — И улыбнулась.

— Сразу быка за рога?

— Жизнь детдомовскую ты знаешь лучше других. Психологию ребят тоже хорошо чувствуешь. Заведем подсобное хозяйство. Откроем мастерские. Вот и сбудется твоя мечта — учить и воспитывать ребят трудом, а не словами...

— Какой там из меня воспитатель...

Об этом, о воспитателях, они тоже часто вели разговоры, а то и споры. Дмитрий никак не мог примириться с тем, что воспитателями в детдома идут случайные люди. В основном бывшие учителя, которые не справились со своими прежними обязанностями. Но если из человека не получается учитель, какой из него выйдет воспитатель? Воспитателей, по его убеждению, нужно готовить в специальных учебных заведениях, или хоть курсы какие-то открыть, что-ли. А то людям доверяют воспитывать не кого-нибудь, а детдомовцев — ребят с обостренным восприятием жизни, справедливости, добра, чести, а горе-воспитатели даже вникать в их жизнь не хотят. Не говоря о том, что им часто не хватает душевной теплоты, уравновешенности, таланта, наконец, быть справедливым, чутким, отзывчивым, умения загораться ребячьими идеями, воспринимать их беды и радости как свои.

— Вот из тебя и получится настоящий воспитатель, — сказала тогда Светлана Николаевна мужу.

Получится ли? Он в этом сомневался и до сих пор не дал своего согласия. А она ждала, особенно теперь, когда начался

учебный год и нужно на деле претворять в жизнь такую важную реформу... Ей необходимы единомышленники, друзья по духу, по целям, по идеям..

Светлана Николаевна обходит склад с противоположной стороны и тут нос к носу сталкивается с Марселем Петровичем. Он прячет от нее глаза.

— Вы что, скрываетесь от меня, что ли? — спрашивает Светлана Николаевна. — Зайдите ко мне.

Они направляются в кабинет директора. Светлана Николаевна — впереди, Марсель Петрович — сзади. Она слышит его сиплое, тяжелое дыхание, по которому определенно чувствуется недовольство завхоза.

— Так как будем работать? — спрашивает она его в кабинете. — По старинке? Почему до сих пор не установлены тиски в слесарной мастерской? Почему не выдаете нужный инструмент конюху? Почему библиотеке не переданы книжные полки? Почему девочкам не выдаете комбинезоны, а ребятам — рабочие костюмы? И когда, наконец, вы привезете оборудование для швейной мастерской?

Вместо ответа Марсель Петрович напряженно пыхтит, роется во внутреннем кармане и достает вчетверо сложенный лист. Подает Светлане Николаевне.

Так и есть — заявление об уходе по собственному желанию. Давным-давно написанное, заявление это Марсель Петрович каждый раз достает из внутреннего кармана, когда отвечать ему нечего. Он хорошо знает — заменить завхоза некем, поэтому ловко спекулирует своим заявлением.

Неизвестно почему и даже не зная еще, как, где и когда найдет нового завхоза, Светлана Николаевна решительно ставит на заявлении директорскую резолюцию.

Глаза Марселя Петровича удивленно округляются.

— Больше я вас не держу, — говорит Светлана Николаевна.

Оправившись от неожиданного замешательства, Марсель Петрович нагло ухмыляется и боком-боком выкатывается из кабинета. Вся его фигура как бы говорит: ну погоди, мы еще посмотрим, кто кого, еще будешь умолять меня, чтоб остался.

Светлана Николаевна опять остается в кабинете одна. Мысли у нее невеселые. Детдом небольшой, всего 72 воспитанника, но все равно чувствуется острая нехватка кадров. До сих пор нет завуча. В роно обещают-обещают, но так никого пока и не прислали. Дальше — воспитатели. Их у нее всего четыре человека, из которых две молоденькие учительницы (Наташа и Галя), только что окончившие педучилище. Никогда в жизни они не думали, что станут воспитательницами в детском доме, и

желание у них одно (это сразу чувствуется) — отработать два года, а потом бежать из деревни куда глаза глядят. Один воспитатель — Сергей Львович, мужчина солидный, предпенсионного возраста, бывший школьный инспектор, тоже человек случайный в детдоме: поссорился с женой в городе и укатил от нее сюда, в деревню. Работает второй год, ребята его побаиваются, но всерьез не воспринимают: душа его и думы ой как далеки от детдомовских забот. Единственная отдушина для Светланы Николаевны — воспитательница Елизавета Алексеевна, старенькая уже, седая, с кругляшами очков на переносице, с добрыми, проницательными глазами, всегда куда-то спешащая, энергичная, боевая, полностью отдающая себя ребятам. Светлана Николаевна улыбается, едва подумав о Елизавете Алексеевне. Специального образования у нее нет, да и вообще, кажется, она окончила когда-то всего семь классов, зато есть у Елизаветы Алексеевны педагогический талант, двадцатипятилетний опыт работы в детдоме, есть душа, которая живет одним — заботой и тревогой за ребят, за их жизнь, за их будущее. Вот и сегодня Елизавета Алексеевна уехала с утра в район (завхоза не заставишь; теперь можно сказать — «бывшего» завхоза) — выбивать на механическом заводе токарные станки для детдома.

Стук в дверь выводит Светлану Николаевну из размышлений.

— Да, да, — говорит она.

Входит муж Дмитрий. Она улыбается ему:

— Мог бы и не стучаться...

— Мало ли. Вдруг у тебя совещание... Ты, кстати, не забыла — пора обедать?

— А, да-да, пойдем.

Выходят из кабинета. Квартира их рядом, в пристройке детдома. Верней даже не квартира, а небольшая комната и кухонька, расположенные в одном из крыльев детдома. В другом месте они жить не хотят — здесь близко, удобно, а кроме того — Светлана Николаевна чувствует себя гораздо спокойней: в любую минуту, когда бы ни понадобилась, она здесь, рядом.

— А ты знаешь, Дима, я сегодня совершила одно великое дело.

— Что это за великое дело у директора детдома?

— Уволила завхоза.

— Ну да? Поздравляю! А кто теперь будет за него? Сама?

— Ты поможешь найти.

— Я? Где я его тебе найду?

— Помнишь, ты говорил...

В это время видят они — во двор детдома въезжает с улицы тяжело груженная машина. В кабине рядом с шофером весело

улыбающаяся, машущая им рукой Елизавета Алексеевна.

— Фу, привезли, — говорит она, выпрыгивая, будто молодая, из кабины. — Теперь заживем...

— И сколько станков? — радуется вместе с ней Светлана Николаевна.

— Хо, милая, сколько! — смеется Елизавета Алексеевна. — Станков немного, всего один. Зато настоящий, токарный, самой последней марки. Сгружать вот надо, он тяжеленный...

Рядом появляются две молоденькие воспитательницы, Наташа и Галя, — Светлана Николаевна просит их позвать старшеклассников на подмогу. Вскоре большой группой и ребята и взрослые выгружают наглухо обитый досками станок на землю.

— Давайте для начала вот сюда, под крышу, — командует Елизавета Алексеевна. — А потом уж в мастерскую...

Ребята со всех сторон обступают станок, постукивают по доскам, заглядывают в щели — интересно ведь, что за станок, какой? И неужто они сами будут работать на нем?

— Елизавета Алексеевна, пойдемте к нам, — приглашает Светлана Николаевна. — Пообедаем вместе.

— Ох, милая, спасибо, не могу. Надо сначала в группу свою заглянуть— как они там...

Возбужденная, радостная, Светлана Николаевна подхватывает мужа под руку. Только они переступают порог — их встречает дочка в кухонном фартуке, с поварешкой в руке:

— Сколько можно вас ждать? Все давно накрыто.

Смотрят — и правда: на столе три тарелки, три ложки, хлеб, салат, чайные чашки, посередине — кастрюля с супом. Готовить Маринка не очень любит, а вот накрывать на стол, убирать, посуду мыть — тут она мастерица, все делает от души.

Только садятся обедать, кто-то тихо стучит в дверь.

— Да, да, — кричит Светлана Николаевна, но никто не заходит. Она встает, открывает дверь. У порога — Аня, переминается с ноги на ногу.

— А, это ты, Аня, — обрадованно говорит Светлана Николаевна. — Проходи.

— Я это... я пришла сказать, Светлана Николаевна, я согласна.

— Позаниматься с Мариной?

— Ага, — кивает Аня головой.

— Вот и хорошо, спасибо тебе. Заходи.

Аня переступает порог.

— Давай-ка разувайся, мой руки — и с нами за стол. Мы как раз обедаем. А потом сядете за уроки...

— Не-е, я сытая. Я не хочу, — мотает головой Аня, лицо ее

неожиданно бледнеет, а потом враз заливается пунцовой краской. Она делает шаг назад, за порог.

— Куда ты? — не отпускает ее Светлана Николаевна. — Проходи, что ты...

— Нет, нет, я потом... я позже... — Аня спрыгивает с крыльца и убегает во двор.

Расстроенная, Светлана Николаевна возвращается за стол.

— Кто там? — спрашивает Дмитрий.

— Да Аня Кузовкина приходила. Я ее попросила с Мариной позаниматься. Знаешь, хочется хоть как-то приласкать девочку. Я ей говорю: садись с нами, пообедай, а потом уж занимайтесь...

— Потому она и убежала. Решила: ты ее специально попросила приходить, чтоб подкармливать.

— И это не помешает, конечно.

— Всех бы ты только жалела... а жалеть человека надо тоже умеючи.

— Ох, родители, хватит вам выяснять отношения, — вставляет свое слово и Маринка. — Ешьте суп, а то остынет.

И тут Дмитрий неожиданно говорит жене:

— Посмотрел я на вас сегодня... когда мы станок выгружали... и знаешь, жалко женщин стало. Как вы без мужиков ребят воспитывать собираетесь?

— Вот и шел бы к нам!

— Об этом я и подумал...

— Да ты что, Дима? Правда?!

— Возьмешь воспитателем?

«О, не только воспитателем... я бы тебя завучем с превеликим удовольствием взяла... Да мы с тобой, Дима, вдвоем-то... мы тут такое дело начнем...» — Все это молнией проносится у нее в голове, а вслух она говорит:

— Дима! Неужели? Да я...

Она порывисто встает из-за стола, чтобы обнять мужа, в это время чайная чашка с шумом летит со стола и вдребезги разбивается.

— К счастью, — как ни в чем не бывало говорит дочь.

Золотая медаль учителя. ВИКТОР ВАСИЛЬЕВ

Когда-то ни у кого не вызывала недоумения «спортивная форма» учеников. Сапоги и валенки, пальтишки на рыбьем меху — короче говоря, повседневная одежонка. Занятия проходили по принципу: кто во что горазд или чем бы дитя ни тешилось... Вот и забавлялись ребята как умели. А что им еще могли предложить физруки? Они благодарили синоптиков за сносный прогноз. Зарядит занудливый дождь либо мокрый снег — пиши пропал урок физкультуры; сидеть детворе безвылазно в тесном и душном школьном помещении. О спортзалах тогда слышали, но не более того — как о море в пустыне.

Вообще физкультура многим казалась чем-то вроде пятого колеса у телеги. На селе испокон веков недостатка в физических «упражнениях» не испытывали. В деревне только успевай поворачивайся, лопаты с вилами тут редко простаивают без надобности. Поэтому сельчане и говорили о нововведении с усмешкой: «Баловство одно...»

Именно в то время и пришел Сергей Андреевич Анисимов — молодой преподаватель физического воспитания — работать на село, сменив на этом посту инвалида войны. Анисимову предстояло сломать укоренившуюся житейскую формулу: обстоятельства, мол, были превыше нас, и все тут, взятки гладки. Удобно.

Но Сергей для себя таких удобств и оправданий не искал. Ни к чему! Идей и оптимизма у него хватало с избытком — за плечами остались Ленинградский техникум физкультуры, оконченный с отличием, и заочное отделение Государственного инфизкульта (ГЦОЛИФКа). Когда был студентом, всерьез увлекался легкоатлетическим десятиборьем, получил первый разряд: ведь личный спортивный опыт может пригодиться на педагогическом поприще.

Пробовал преподавать, совмещая учебу в институте с работой по профилю, в одном из московских фабрично-заводских училищ. Но почем фунт изюма в этом деле, Сергей по-настоящему узнал позже, на селе.

Сегодня Сергею Андреевичу не стыдно признаться, что поначалу его природный оптимизм был изрядно поколеблен, а радостное настроение и предчувствие скорого успеха совсем не обуревало. Действительно, попробуйте заставить человека добывать огонь трением, когда он знает о существовании спичек!

Теорию и практику разделяла «дистанция огромного размера». Однако не в характере бывшего десятиборца пасовать перед препятствиями. И, засучив рукава, Сергей принялся за черновую работу.

Физкультура на селе нынче претерпела разительные перемены: сейчас существуют колхозы, замахнувшиеся на строительство ледовых Дворцов спорта, не традиционных — это пройденный этап, а именно ледовых: для развития фигурного катания, хоккея и прочих зимних игр. И все же рискну утверждать, что без них, первопроходцев, которые в несладкие послевоенные годы пошли «в село», нынешний прогресс был бы не столь значительным. Особенно в смысле перестройки человеческого сознания, в смысле перемены отношения сельского жителя к физической культуре. И за это низкий поклон в первую очередь учителю физкультуры. И коли не везде, будем честны, произошли нужные перемены — значит, не настал еще там черед энергичного и неуемного специалиста по физическому воспитанию, значит, ждут там своего Сергея Анисимова.

Анисимов про себя говорит, что у него глаза завидущие. Где что увидит новое, интересное — обязательно в свое хозяйство надо внедрить, иначе сна лишится. Он любит над собой слегка подсмеиваться. Чего-чего, а тщеславия и завистливости Сергей Андреевич лишен напрочь. Иначе... Иначе все было бы иначе.

— В городе ведь как можно жить и горя не знать: раздал учеников по секциям, которых всюду понатыкано, и полеживай на печке, — делится наболевшим Анисимов. — А пироги сами пекутся. Выполнить план по разрядникам (за чужой в общем-то, как ни крути, счет), выставить команду на районные соревнования — что дров вязанку нарубить. Сельскому учителю физкультуры надеяться не на кого. Никто, кроме тебя, не обучит, не покажет.

Да, есть у физкультурного воспитателя на селе бесспорное преимущество: все, что тобою достигнуто, — рукотворный памятник твой. Ты незаменим. Тебя никто не продублирует.

И хотя Анисимов принципиально против громких фраз, его с полным правом можно назвать первопроходцем в деле становления физкультуры на селе. Недаром Сергею Андреевичу присвоили почетное звание «Отличник народного просвещения РСФСР», которого удостаиваются далеко не все лучшие педагоги.

Заглянем же в Глебовскую среднюю школу Истринского района, где по сей день учительствует Анисимов. Расположилась она всего в 65 километрах от столицы по Волоколамскому шоссе. Всякого гостя первым делом ведут на экскурсию по спортивной базе. И глазам тут немудрено разбежаться. При входе в

просторный и светлый спортзал невольно обращаешь внимание на огромные знаки-символы, выточенные саморучно Сергеем Андреевичем: эмблемы комплекса ГТО, массовых разрядов, контуры значка мастера спорта — все это своеобразные ориентиры для школьников. Золотые у Анисимова руки, шестой разряд фрезеровщика он получил еще юношей, в ФЗУ. Наверно, такой талант дает глебовскому педагогу определенную фору перед коллегами. Но на все одной пары рук, понятно, не хватит, будь ты семи пядей во лбу. Верным союзником учителя выступает авторитет, завоеванный не за год и не за два.

Помощь приходит в виде награды, благодарности за самоотверженный труд. Долгое время возглавлял Анисимов поселковый Совет народных депутатов, был в самой гуще общественной жизни. И никогда не проходит он мимо чужой беды, мимо чужого несчастья. А добрые посевы дают добрые всходы.

Вчерашние ученики Сергея Андреевича (он ни за что не позволит сказать — бывшие), повзрослев, не забыли дорогу в школьный спортзал. Поддерживают спортивную форму, играя в волейбол, баскетбол, мини-футбол, помогают вести секции. И, как люди творческие, они частенько вносят рационализаторские предложения. Отсюда в спортивном зале разные технические хитрости: электромеханическое табло, оригинальный счетчик времени, сирена, возвещающая о перерывах и окончании матча. На специальном макете баскетбольной площадки можно проводить вполне качественные разборы игры и теоретические занятия. С потолка улыбается обаятельный Мишка-олимпиец, на стенах забавные рисунки на спортивные темы, гимны спорту: «Нет в мире лучшей одежи, чем крепость мышц и бронзовость кожи» (В. Маяковский).

Эстетическое воспитание учитель относит не к второстепенным задачам, наоборот. («Дети — самые эмоциональные люди на планете» — одно из любимых его высказываний.) Поэтому понятна искренняя досада Анисимова на нашу легкую промышленность, не поспевающую в ногу со временем. Спортивная форма стала уже притчей во языцех, а воз и ныне там: не всегда найдешь на прилавках магазинов обыкновенные трикотажные костюмчики, майки, трусы, кеды нужных размеров, не говоря уже о комплектах. Вот и выходят порой ребята на урок одетыми на партизанский манер, кто во что горазд. А детей на занятиях не должно покидать ощущение праздника, убежден Сергей Андреевич.

Выходит, не случайно спортзал оборудован с выдумкой, нестандартно. Не зря спортивная база глебовских школьников

неоднократно признавалась лучшей в Подмосковье по итогам смотров-конкурсов, проводимых облоно. Хотя в двух шагах от школы обосновался уютный, современный даже по городским меркам стадион, построенный Глебовским производственно-птицеводческим объединением (о нем речь впереди). До арены — рукой подать, но Анисимов из породы максималистов и предпочитает иметь собственную базу. Педагог вдохновил ребят и шефов на строительство школьного спортгородка с игровыми площадками, нестандартными гимнастическими снарядами. «А как же? — резонно замечает учитель. — На стадионе проводятся соревнования — полноценный урок физкультуры там не организуешь. Да и на переменке ребята лишний раз выскочат во двор и разомнутся — тоже польза».

Кстати, со спортивной базой вышел поначалу серьезный казус. Соорудили ее сперва на месте, отведенном, как затем выяснилось, под капитальное строительство. И все пошло на слом. Можно понять расстройство — до слез — юных строителей. Но ничего не попишешь! Закатали рукава сызнова. Зато теперь весело и красочно (помните сб эстетическом начале?) оформленный спортгородок с его неугомонным населением привлекает взор, да и заниматься в нем одно удовольствие. Умеет Сергей Андреевич зажечься сам и других зажечь огоньком энтузиазма — бесценный дар для педагога!

База — это здорово, это фундамент. Но и она не снимает с повестки дня всех вопросов. Ведь «зажиточному» колхозу недолго возвести в центре деревни любые расписные хоромы и наречь их Дворцом физической культуры и спорта. Но пойдет ли туда народ? Некому там организовать интересные мероприятия, некому расшевелить людей. Юным глебовчанам повезло. Редким организаторским талантом обладает их физкультурный наставник. В облоно его так и рекомендовали как человека, умеющего создать вокруг себя «поле притяжения», к каждому из ребячьей армии найти индивидуальный подход, увлечь, заинтересовать. Потому и не остановишь спортивную «карусель» в сельской школе.

Предмет особого внимания Анисимова — комплекс ГТО. Вот что говорит по этому поводу Сергей Андреевич:

— Как старый поклонник десятиборья, я не приемлю той узкой специализации, когда футболист (баскетболист, лыжник) не в состоянии подтянуться на перекладине или «тонет» в бассейне.

В школе сложилась добрая традиция: к моменту получения аттестата зрелости каждый ученик должен сдать нормы всесоюзного комплекса. Хотя сделать это в сельской школе весьма

непросто. Если метанию можно научиться и без теннисных мячей, заменив их обыкновенными камешками (хотя это, конечно, тоже не от добра). То вот как быть с плаванием? Нет собственного бассейна, и хоть в корыте учи детей держаться на воде. На одном «сухом» плавании — теоретических занятиях и имитации движений — далеко не уплывешь. Выход один: с приходом тепла обучать первым «шагам» на воде в местной речонке и на Истринском водохранилище. Тех родителей, чьи дети все-таки неуютно чувствуют себя в водной стихии, учитель настойчиво убеждает приобретать абонементы в истринский бассейн, с дирекцией которого имеется специальная договоренность. Худо-бедно, а на сдачу норм ГТО все выходят более-менее подготовленными, умеющими плавать. Другой вопрос, каким способом?..

Зато из глебовчан выходят отменные «ворошиловские» стрелки. В их распоряжении тир, в котором можно тренироваться круглый год.

В последнее время любимыми соревнованиями в Глебовской школе стали «Старты надежд». По мнению Анисимова, они очень перспективны. Соперничество по типу «класс на класс» сплачивает ребят, крепит «мушкетерскую» солидарность: один за всех и все за одного! Другими словами, если у кого-то хромает какая-нибудь спортивная дисциплина, его берут на буксир, заставляют подтянуться.

Анисимов не гонится за тем, чтобы непременно попасть в финал Всесоюзных детских игр, проходящий на побережье Черного моря. Так недолго дойти и до формирования «сборных» классов из наиболее способных мальчишек и девчонок в ущерб остальным, до «натаскивания» на результат. Нет, Сергей Андреевич стремится использовать «Старты надежд» именно как дополнительный импульс.

— Важно развивать у мальчишек и девчонок чувство самостоятельности, — рассуждает Сергей Андреевич. — В конце концов, Гайдар в пятнадцать лет командовал полком! А если разобраться, то это возраст семи-восьмиклассников. Поэтому я смело иду в школьный комитет ВЛКСМ и поручаю комсомольцам провести «Старты надежд». За собой оставляю контроль и методические разъяснения. Принцип школьной демократии исключает саму вероятность подтасовки или иного ловкачества.

Самостоятельность — экзамен на зрелость. В Глебовской школе ребята взрослеют быстро, потому что им доверяют ответственные дела. Учителя иногда вызывают по срочным делам в райцентр, в столицу, но он спокоен за «тылы». Ход внутришкольной традиционной спартакиады ничем не

нарушится: все заранее расписано, предусмотрено; четко распределены ответственные за виды спорта; компетентная судейская коллегия не допустит несправедливости. Короче, физкультурный актив постоянно в действии.

Почти каждый второй учащийся — член одной из восьми спортивных секций. Футбол, волейбол, баскетбол, легкая атлетика, велосипед, настольный теннис, стрельба — выбирай на вкус! Но самый популярный вид спорта — лыжи. Закономерно, что на базе школы возникло отделение детской юношеской спортивной школы (ДЮСШ) «Урожая». В сельской школе ежегодно готовится, как минимум, пять перворазрядников по лыжам, так что при ней вполне можно организовать клуб чемпионов области.

Чемпионы нужны, чтобы звать к совершенству остальных, так считает Анисимов. Но главная его забота — массовость. Долго и упорно он боролся с родителями, убеждая их на собраниях, и добился-таки своего: каждый ребенок имеет в личном пользовании лыжи, чтобы выполнять домашние задания. Маленькую хитрость преследовал здесь учитель: для того чтобы проверить, насколько прилежно готовится домашнее задание, папам и мамам самим надо встать на лыжи. А там сама собой вырабатывается полезная привычка, так органично входит спорт в быт семьи. Не случайно жители поселка ждут не дождутся, когда юркие снежинки соткут свой белый ковер.

Уроки Сергей Андреевич проводит академично, но живо.

— Я давно заметил, что в младших классах, — делится он опытом, — с помощью игры скорее достигнешь цели. Вот я и строю занятия на всевозможных эстафетах, конкурсах. Под шум, переживания, всплески эмоций детвора незаметно осваивает программу.

Можно и урок физкультуры «вызубрить». Но, по убеждению Анисимова, куда важнее почувствовать эстетическую радость от умело выполненного броска, правильного приема мяча, чем во что бы то ни стало выучить тот или иной технический прием.

Оттого, наверное, воспитанники Глебовской школы спортивно «всеядны». Они отлично бегают и прыгают, технично выполняют метания. В толкании ядра стабильно кто-либо из учеников Анисимова выходит в призеры Московской области среди школьников. Как правило, два-три человека к десятому классу обязательно взлетают над планкой на 160—170 сантиметров, а в длину свободно перекрывают пять с половиной метров.

Массу интересных сведений хранят журналы, которые Сергей Андреевич педантично ведет с начала педагогической карьеры.

Основываясь на них, преподаватель вправе считать, что его подопечные ни в чем не уступают своим городским сверстникам, а то и превосходят их. Ведь сельские ребята с детских лет приучены к труду: подсобное хозяйство, посевная, уборочная. Есть у них и непосредственно свой участок фронта в борьбе за выполнение Продовольственной программы — операция «Зернышко», в ходе которой они тщательно прочесывают скошенные поля. При заготовке кормов старшеклассники — незаменимые помощники.

После окончания школы большинство учеников остается в родном селе. Многие идут работать на ордена Трудового Красного Знамени Глебовское производственно-птицеводческое объединение. Так уж повелось, что цехи объединения курируют конкретные классы. Двадцать восемь классов — столько же шефов. Отношения между ними установились самые дружеские, неформальные. Положение о внутренней спартакиаде предприятия позволяет школьникам выступать за коллектив шефов. Игра в одной команде, совместные тренировки сближают рабочих и школьников. А произвольно возникающие разговоры — в раздевалке, после матча — так или иначе касаются и производственных тем, исподволь раскрывая ребятам суть профессии. Чем не эффективная форма профориентации!

Руководство птицеводческого гиганта понимает это, идя навстречу инициативам преподавателя физкультуры.

Налицо и еще одна очевидная зависимость. Не потому ли кипит спортивная жизнь на птицеобъединении, что черпает оно надежное пополнение, которому с раннего детства привиты навыки физической культуры?

Интересный факт: большой процент юношей — выпускников Глебовской школы призывается служить в воздушно-десантные войска. Слабых в ВДВ не берут — это точно. Значит, подходят по всем статьям воспитанники Анисимова. Это ли не заслуженная награда учителю физкультуры! Подлинных защитников Родины готовит он. И ото всюду ученики шлют ему письма, в которых благодарят за физическую закалку, помогающую легче переносить армейские будни. У Сер гея Андреевича нет важнее задачи, чем воспитать полноценного гражданина и человека. В этом он видит свое призвание, в этом его педагогическое кредо.

И еще одна деталь: в год Московской олимпиады в павильоне «Народное образование» экспонировался фотоальбом Глебовской средней школы, рассказывающий о физкультурно-спортивной жизни учащихся. На ВДНХ СССР сельскую школу наградили почетным дипломом, а преподавателя физкультуры — золотой медалью.

А все-таки главная задача Анисимова — сделать для мальчишек и девчонок физкультуру и спорт лучшими друзьями, с которыми веселее шагать по жизни.

Федора-бессмертник.
НИКОЛАЙ СТАРЧЕНКО

— Ох, да сколько ж тебе любовных-то петь... Ну ладно, давай еще вот эту...

Собирайтесь все девочки,
будет перебор:
которая девка сына родила,
в реку выбросила...

Старуха обрывает песню, укоризненно покачивает головой:

— Ох, куда-а меня занесло...

И, отнекиваясь от настойчивых просьб продолжать песню, уже строго, наставительно говорит:

— Там дальше слова некультурные, внучка.

Двадцатилетняя «внучка» — студентка пединститута, временная квартирантка (приехала с курсом помогать колхозу убирать сахарную свеклу) — послушно выключает портативный магнитофон, смеется:

— А и в старое время, оказывается, случались секс-песенки!

Смотрит на часы:

— Ну, хватит на сегодня, Федора Прокофьевна.

Старуха молчит, по лицу видно, что мысли ее сейчас где-то далеко... Потом спохватывается, говорит студентке:

— Сходи, Надечка, в магазин за хлебом. А я ужинать на стол соберу.

Студентка опять смотрит на часы:

— За хлебом сбегаю, а ужинать не буду. Через полчаса у нас с ребятами пикничок. За деревней, в роще...

Вечером, перед самым закатом, подоив корову, старуха садится у дома на лавочку под старой березой. Сидит одна — все ее ровесницы-соседки или уехали к детям в город, или умерли. Тихо на деревне в этот на редкость теплый сентябрьский вечер, хорошо слышны молодые голоса, пение под гитару из недалекого мыска леса.

«А давно у нас песен не слышно было! — вздыхает старуха. — А пелось-то, пелось в молодые годы... Бывало, с того конца девки начнут, а наш конец навстречу, да так ладно, красиво — душа замирает!»

Старухе вспоминается ее жизнь...

И вспоминается, как всегда, несвязно, отрывочно, будто во сне. Часто одно и то же приходит на ум, а другое и в десять лет не вспомнишь...

Она хотела дождаться квартирантку, но сон морил. Старуха улыбнулась про себя: «Напелась песен, старая, ослабела... К подушке тянет». И уснула сразу.

А поздно ночью вдруг проснулась — под окном негромко разговаривали. При ясном лунном свете узнала свою квартирантку. Она была с парнем, сидели на лавочке. Через приоткрытое окно (старуха терпеть не могла духоты в доме) хорошо слышен был их разговор.

— Ты что, Надежда Ивановна, хочешь скромненькой девочкой прийти в школу? — тихо, но напористо, с ехидной насмешливостью говорил парень. — Да там уже восьмиклассницы тебе сто очков форы дадут.

И он, обнимая ее правой рукой за плечи, полез целоваться. Девушка мягко отстранилась, но не уходила. Встал и парень. Лицо его теперь было освещено луной, и старуха увидела, что он красив. Парень, помедлив, плюнул в сторону:

— Ну иди, иди к своей Бессмертнихе. Как раз пара вас будет...

Старуха слышала, как звякнула щеколда, дернулась запертая на крючок дверь. Затем раздался робкий стук. «Ах ты, бедная», — пожалела квартирантку старуха.

Открыла дверь, включила свет и на извинения девушки ответила.

— Ты, Надь, особо не горюй. Как в старину говорили: «Не бойся, девка, — твой криворот не минет твоих ворот».

Надя удивленно-растерянно смотрела на старуху. Та усмехнулась

— Проснулась я от вашего разговора. Нечаянно слышала.

Девушка покраснела. Молча легли спать. Но обеим не спалось. Надя осторожно спросила:

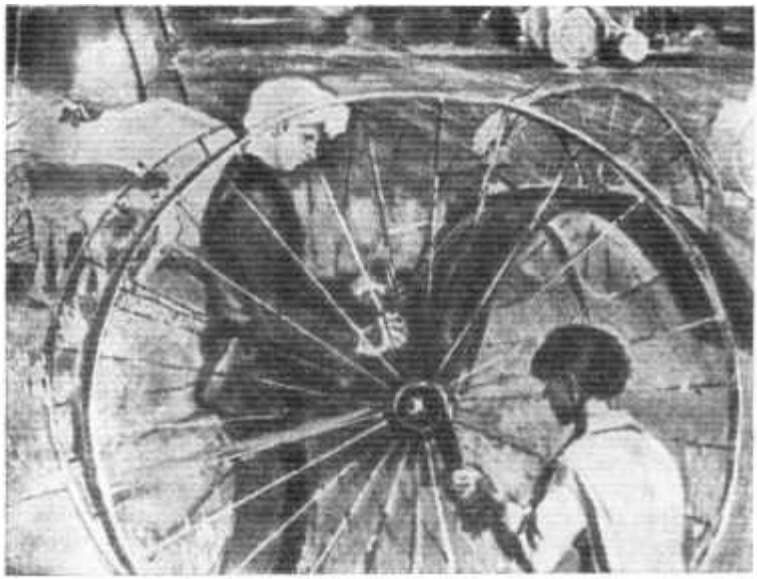
— Извините меня, Федора Прокофьевна, за такой вопрос... Почему вас Федорой-бессмертником зовут? Ребятам о вас деревенские что-то рассказывали, но я так толком и не поняла.

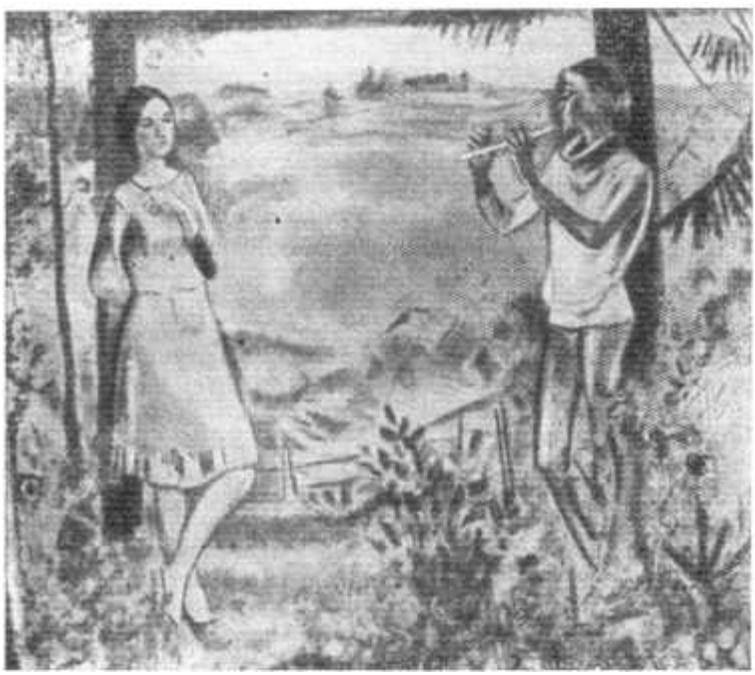
Старуха молчала, не отвечала. Надя беспокойно завозилась в постели, подняла с подушки голову:

— Вы не обиделись, Федора Прокофьевна?..

— Какая ж тут обида? Век с этим живу, — тяжело вздохнув, отозвалась старуха.

А. Икрамджанов. ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ.





Е. Кожевников. «НА ВСЕ РУКИ МАСТЕРА». Из серии «Селецкие каникулы».

Б. Шаманов. «СВИРЕЛЬ».

И увидела себя в двадцать пятом году, когда в их деревне построй ли школу. Приехали из города две молодые учительницы — сестры Журбины — пошли по дворам детей записывать. Зашли

и в их хату. Отец с матерью стали отнекиваться: куда, мол, девке на покров шестнадцать исполнится, теперь вся ее учеба — от печи и до порога. Учительницы не стали настаивать, только посоветовали: пусть Федора хотя бы одну зиму походит в школу, все-таки немного грамоте обучится.

А весной Журбины опять зашли к ним — просить за Федору. Горячо убеждали, что Федоре нужно учиться дальше, что у нее удивительные способности, она лучшая ученица в школе и что им, родителям, не следует закрывать дорогу к свету единственной дочери.

Спасибо им, бескорыстным и честным труженицам — сестрам Журбиным... Помогли Федоре за пять лет пройти программу семилетки, поступить в педагогический техникум. Помогли и потом, в первые дни ее работы в родной школе.

Так получилось, что замуж она не вышла, хотя из себя была видная. Скорее всего деревенских женихов отпугивали ее ученость, прямота и строгость характера. К тридцати годам Федора привыкла к мысли, что своей семьи у нее не будет, и всю нерастраченную любовь перенесла на детей, своих учеников.

Когда началась война и всех взяли на фронт, ее поставили бригадиром. Люди ее уважали, она сама старалась — и к приходу гитлеровцев только их бригада в колхозе успела убрать и надежно спрятать хлеб. Этим хлебом они потом крепко помогли в первую зиму партизанам.

Федоре не раз предлагали уйти в лес (уже было несколько случаев расстрела фашистами учителей), но она не могла бросить одну больную мать. Отец умер перед самой войной...

Летом сорок второго года вся округа собирала для немцев бессмертник. За этот целебный цветок оккупанты платили солью. И вот по деревне прошел слух: в Хотимске задержали троих подростков — бывших учеников Федоры. Они якобы под видом продажи бессмертника собирали сведения для партизан. Еще через день новость пострашнее: подростков собираются расстрелять.

Федора надела свое строгое учительское платье и пошла за пятнадцать километров в Хотимск. В том самом здании, где до войны был отдел народного образования, поместилась комендатура.

Ее провели к пожилому немецкому офицеру. Федора сразу узнала в аккуратном, чистеньком переводчике бывшего своего сокурсника Игоря Спиридонова. Он улыбнулся ей и громко поздоровался. Федора не глянула в его сторону и сразу заговорила по-немецки, обращаясь к офицеру, — язык она знала хорошо. Тот удивленно вскинул рыжие брови, предложил ей

сесть. Федора сказала:

— Задержанные вами подростки из Чагодаевки — мои ученики, они учились в школе семь лет, я их хорошо знаю. Дисциплинированные и послушные ребята. Они не могут быть в связи с партизанами.

Немец с нескрываемым любопытством смотрел на нее. Молчал, ждал, что она скажет дальше.

— Я прошу вас отпустить их домой. Это невинные дети.

— Они не так невинны, как вам кажется, — мягко начал немец. — И потом: если это были ваши ученики, то они должны быть воспитаны в коммунистическом духе, нацелены на борьбу с нами. Иначе какая же вы учительница? Ваш муж — коммунист? — резко спросил он.

Федора не была готова к такому повороту дела. Ей впервые стало страшно: она поняла, что уйти отсюда будет нелегко. А между тем Спиридонов что-то услужливо стал шептать на ухо офицеру.

— Ах, вот как! — удивился офицер и нехорошо засмеялся. Помолчал минуту, все с той же усмешкой ощупывая взглядом Федору: — Значит, что-то вроде Орлеанской девственницы? Жанна д'Арк!

Он опять помолчал и деланно-обрадованно воскликнул:

— Есть выход, Жанна д'Арк! Для вас и ваших учеников. Вы — при полной тайне, разумеется, — становитесь нашим агентом. Так, пустяковое дело — иногда кое-какие сведения... Если даете согласие — мы тут же отпускаем детей. Повторяю: тайна гарантирована, никто не узнает.

Федора почувствовала, как что-то тонко зазвенело у нее внутри...

— Нет! Я не пойду на это...

Офицер сожалеюще покачал головой, кисло улыбнулся:

— Зачем так горячиться? Нет, значит, нет... Просто завтра мы вас вместе с вашими учениками повесим — и все.

Он закурил тонкую длинную папиросу, расслабленно откинулся в кресле:

— Вы садитесь-садитесь, давайте пофилософствуем напоследок. О смерти, о бессмертии, о бессмертниках... Вы не думали, например, над таким вопросом: мы принесли на вашу землю смерть, а ваши люди нам несут бессмертники. Мешками несут. Не странно ли это для уважающего себя народа? Где же ваша идейная стойкость? Вы — плохая учительница, у вас в России плохие учителя. Знаете, как Бисмарк сказал после победы в войне с французами: «Победил не я, победил немецкий учитель». Что скажете на это?

Федоре хотелось плакать от своего бессилия: от волнения, от всего пережитого у нее не было ни нужных слов, ни сил возражать. Она не знала в ту минуту, что еще десятки лет бессонными ночами будет страстно, гневно, с яркими, весомыми доводами спорить с этим гестаповцем. Но все-таки сказала тогда тихо, убежденно:

— Для людей наших это просто трава. И продают за соль от нужды. А вам хочется видеть в этом философию... Чепуха это.

Наутро ее неожиданно отпустили. Федора — в смятении, без особой радости, вся как бы оглушенная — вышла за ворота... У городской площади ее догнала легковая машина. Приоткрыв дверцу, вчерашний гестаповец сказал ей:

— Сегодня ночью они расстреляны. Вам не страшно возвращаться?

В школу после войны Федора не пошла — не смогла. Ее несколько раз вызывали в районный отдел народного образования, уговаривали, убеждали, предлагали хорошие места в других школах... Но решение свое она не изменила, так и не вошла больше в школьный класс.

В деревне ее прозвали Федора-бессмертник; до пенсии она работала бухгалтером в колхозе.

...Надя уже давно не лежала, а сидела на постели, слушая рассказ старухи. А когда та умолкла, у Нади сразу вырвалось:

— Ну зачем же вы так поступили, Федора Прокофьевна? Я имею в виду — почему после войны в школу не пошли? Зачем добровольно себе такой приговор вынесли? Разве ж люди не поняли бы вас?..

— Да люди-то давно поняли... Если б иначе, я на свете б жить не согласилась. А вот не смогла к детям пойти...

— Но вы же не виноваты!

— Вот этого-то как раз я и не знаю. Я так любила свое дело, так гордилась, что я — учитель! Душа моя вся перекипела после того страшного дня. Может, мне надо было поиграть в этого самого агента? Но я ведь не могла и мысли допустить, что я хоть как-то, даже нечаянно, могу служить врагу. А когда ученики мои были расстреляны, в голове навсегда засело: ты виновата, дети тебе всегда верили. Верили, что ты всегда поможешь им, себя не пожалеешь... Ах, Надечка, проклятая-проклятая эта война!

Федора глухо, по-мужски всхлипнула, и Надя тут же вскочила, порывисто бросилась к ее кровати.

— Да разве ж можно такие невыносимые требования к себе предъявлять, Федора Прокофьевна?

Старуха ответно обняла девушку, спокойнее ответила:

— Надя-Надечка... Помни: мы — учителя! Совесть...

Народные учителя!

— Знаете, знаете, Федора Прокофьевна, — заволновавшись, быстро заговорила Надя. — Вот он, — она кивнула на окно, — Валерка этот... в педагогический пошел потому, что в университет провалился. Чему он детей научит?! Что он им даст? А вы... вы... — у Нади задрожал голос, — вы для меня — настоящий, истинный учитель! Я постараюсь, нет, я буду, буду учить детей так, как будто я их учу и за те долгие годы, что вы, Федора Прокофьевна, не входили в класс! Верьте мне, пожалуйста...

Федора снова заплакала — уже не сдавленно, освобождение, бережно обнимая за нежные узкие плечи эту гордую, ласковую девчушку.

Потом уложила ее спать, сама же присела у окна, пошире раскрыла его. Федоре хотелось долго сидеть вот так, чувствовать прохладу сентябрьской ночи, смотреть на пустынную, беззвучную улицу.

Возвращение в школу. АЛЕКСАНДР РАДОВ

В сороковой курганской школе сенсация: Белобородов вернулся! Посмотрите на фото — как встречают! В последний раз убрал свой станок, со всеми в цехе распрощался и будто на крыльях — в школу! А в ней еще помнили, как уходил: родился ребенок, потом другой, а зарплата — одна на семью. Понимали Сашу, жалели, а помочь не могли... Помогла реформа — школьный заработок Белобородова увеличился наполовину. Сияет Саша, премного довольны ребята.

Тут новость не местного значения: возвращаются в школу повсюду. В Минпросе России узнаю: таких, как Белобородов, — две тысячи. «Да не всех берем — самых лучших!» Вот как: появился выбор! То же самое во многих педвузах: за долгие годы впервые — конкурс! А ведь еще недавно — что ж скрывать — брали всех.

Учительский дефицит — из самых, пожалуй, серьезных. И хотя не случалось, чтоб какой-то предмет отложили, а все ж последствия были. Кто вместо Белобородова вел физкультуру? Кто придется... Как рассуждают директора в условиях дефицита? «Лучше такой учитель, чем никакой!» Что ж скрывать — попадали в школу не самые лучшие специалисты. А теперь?

В Министерстве просвещения России получаю статистику, которая, конечно же, всех обрадует: никогда прежде учительский состав не был столь ровен — 97 процентов с высшим образованием. А ведь в пятидесятом году таких по стране было всего 14. Взлет! Во главе школ ни одного практика нет — все с высшим образованием. Это к вопросу о потенциале реформы... Какой же вывод? Дело реформы в надежных руках?

Тут не все однозначно. Из исследований социологов узнаю: немало учителей осознают, что неавторитетны для своих учеников. Как с такими учителями быть? Напрашивается ответ: пусть учатся, работают над собой. Тут вспоминаю мысль Ушинского: учитель живет до тех пор, пока он учится; как только перестает тянуться — в нем умирает учитель... После такого бесспорного суждения грустно знакомиться со статистикой: самообразованием занимается только каждый третий учитель...

В книге секретаря Новосибирского обкома партии Леонида Федоровича Колесникова «Школа: время перемен» нахожу слова директора совхоза «Карасукский» Ивана Прокофьевича Диброва: «Я открыто сказал директору школы, что некоторым учителям не

доверил бы детей. Пугает в учителе знаете что? Серость. Это самое страшное... Как хотите это называйте, но отсутствие в педагоге интеллигентности, культуры нетерпимо...»

— Нам необходимо серьезно улучшать педагогический состав школ!

Так восклицала при мне старейший учитель Мария Васильевна Есакова. Дело происходило в подмосковном Загорске. Поговорить о реформе собрались за «круглым столом» восемь директоров школ. Марию Васильевну решительно поддержали. Друг друга перебивая, принялись вспоминать примеры из собственной практики. Сошлись в одном: даже если учитель невежда или, мягко говоря, человек неуважаемый, убрать из школы его почти невозможно.

Пересказываю этот разговор начальнику управления кадров Минпроса РСФСР Валерию Ивановичу Бударину. Он не согласен и произносит слово «аттестация». Пожалуйста, дескать, не аттестуйте, и дело с концом. Я и сам думаю: чего же проще? Но первое смущение — аттестации раз в пять лет. А если в их промежутке учитель душевно сломался, стал откровенно халтурить? Не бывает? Читательская почта, увы, подсказывает: таких случаев много. Но если и этим пренебречь — сколько же их за год, неаттестованных? Бударин называет мне цифру: за четыре года на всю республику — пятьдесят пять человек.

Видя мое изумление, Валерий Иванович спешит успокоить: боясь аттестации, многие учителя сами ушли. Самые худшие? Валерий Иванович кивает, да не больно уверенно. И сколько ж было таких? За те же четыре года — две тысячи шестьсот. Цифра впечатляет, но если и ее перевести в проценты — ноль и три десятых. Кстати сказать, две тысячи вернувшихся в школу — пока такой же малый процент. Что ж получается? Обновление школы проходит медленно. Как нам ускорить темп?

Не упустим побочной задачи, которую многие, болеющие за реформу, выдвигают в главные. Речь о мужчинах в школе. Сегодня их — каждый четвертый, в начальных классах — каждый восьмой. Во многих школах — ни одного мужчины. Как вести в таком случае мужское воспитание, вводить производительный труд, затевать технические кружки?

Узнаю: среди абитуриентов педвузов было в этом году больше, чем прежде, мальчишек. Сколько же? 20—22 процента. Впервые появились они на факультете дошкольного воспитания. Повод для радости? Небольшой. Не все из принятых дойдут до выпуска, да и после вуза не всякий мужчина с дипломом попадет в школу и в ней приживется.

Вот пример: Константин Рясов. Он из той же, что и

Белобородов, сороковой курганской школы. Не радуется — печалится. Год назад окончил педвуз и удачно, по мнению дирекции школы, коллег, начал. Общее мнение: будет толк! Но сам он — вот беда — убежден: не его дело, не родился педагогом. Так что ж, не отпускать? Стерпится, слюбится? Но согласитесь: учительское дело ну совершенно не из тех, что может делаться из-под палки...

В педагогике никак нельзя не принимать в расчет личность, ибо она и есть главное орудие воспитания. Тут не моя мысль — замечательного педагога В. Н. Сороки-Росинского. Он звал в педагогику людей характерных, с ярким личностным началом. Ведь учителя безликие, посредственные заведомо профнепригодны. Вспомните вашего любимого учителя. Почему запал в душу? Был личностью...

Вот что более всего требуется пореформенной школе: личность. Без нее воспитание не состоится. Значит, надо звать в школу людей ярких, увлеченных, содержательных. Способных не только «принести с собой» личность, но и сохранить ее в школе, приумножить. Это нелегко, учитывая школьные перегрузки.

Знаю нескольких самобытных, на мой взгляд, людей. У всех одна беда: отправлялись в школу, чтобы всеми силами послужить реформе. Их не взяли по той причине, что образование не по профилю: высшее, да не педагогическое. Стоило ли отвергать с порога? Вспоминаю, что вовсе не педагог по диплому Михаил Петрович Щетинин, а музыкант. Однако кто отважится теперь сказать, что он не по праву директор школы? Мало ли подобных примеров в истории педагогики? Во всяком деле формализм плох, а уж в школьном — вдвойне... Конечно, от учителя, а тем более директора надо требовать квалификацию, однако можно ли сводить ее к формальному образованию?

Вспоминаю иной пример. Столкнулся с ним в восемьдесят второй свердловской школе. Попал в нее в тот момент, когда директора со всех трибун корили «партизанщиной». В том она проявилась, что своей властью директор сорвала с уроков старшеклассников и отправила на уборку капусты и моркови в подшефный совхоз. Меня это удивило: обычно бывает наоборот — от директора требуют, а он упирается. А тут — сама!.. Оказалось: эта «партизанщина» директора принесла городу шестидесятиквартирный жилой дом. Каким образом? Ребята заменяли на уборке своих отцов и матерей с подшефного для школы завода железобетонных изделий. Да не принудительно ехали, а в душевном порыве, причем не всем повезло, а лучшим ученикам, кто пообещал: до конца полугодия освоим самостоятельно (друг дружке помогая) пропущенный материал и

сдадим по нему зачеты. Так, собственно, и случилось.

Эта школа собственная и в смысле подбора кадров. Шаврова предпочитает красивых людей. Не только и не столько внешне. Она удивительно умеет распознать прирожденного педагога. Иной раз — в школьном завхозе. И уж здесь создает все условия для творческого роста, для непрерывного образования.

Подумал: сколько у нас повсюду талантливых воспитателей, которые об этом порой и не догадываются. Но как же их разыскать, под толкнуть к педагогическому образованию, а потом призвать в школы, в другие воспитательные учреждения?

С другой же стороны, реформа требует наладить и обратное движение: отлучая от школы всех, кому дело воспитания не подходит. Это тоже нелегко. Но делать это необходимо. К тому же в нашей стране никто без работы не останется — вот сколько вокруг призывов «требуются!». Разумеется, процесс этот деликатный, немыслимый без индивидуального подхода. От органов народного образования здесь потребуются большая мудрость и такт.

А как иначе? Тут дело святое — воспитание. Хороший лозунг: все лучшее — в школу. Это оправданно, если хотим, чтоб наше будущее было лучше, чем настоящее.

О наших авторах.

Ольга СТЫКАЛИНА родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ, работает в газете «Пионерская правда». Живет в Москве.

Михаил ПЕТРОВ — член Союза писателей. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Печатался в центральных журналах, в коллективных сборниках. Автор книги прозы «Иван Иванович». Сотрудник журнала «Наш современник». Живет в Калинине.

Елена БРУСКОВА родилась в Москве. Закончила МГПИ, лауреат премии журналистов имени Н. К. Крупской. Автор 7 книг. Член Союза журналистов. Живет в Москве.

Игорь АРЯСОВ родился в Кировограде в 1946 году. Окончил Тульский пединститут имени Л. Н. Толстого. Печатался в центральных журналах, в сборниках. Автор книги прозы «Каменотес». Живет в Туле.

Татьяна ЦЮПА родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ, работала в экспедициях на Дальнем Востоке и в Сибири, публиковалась в центральных газетах и журналах. Живет в Москве.

Валерий МИТРОХИН родился в 1946 году. Окончил Симферопольский университет. Член Союза писателей. Автор нескольких книг прозы. Руководитель литпоста на строительстве Крымской АЭС. Живет в Симферополе.

Сергей ИВАНОВ родился в 1949 году. Окончил медицинский институт. Работает врачом-педиатром. Печатался в центральных журналах, в коллективных сборниках. Автор книги «Я лечу детей». Живет в Ленинградской области.

Валерий ХИЛТУНЕН родился в 1951 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Работает в газете «Комсомольская правда». Печатался в журналах «Журналист», «Смена», «Советская педагогика» и других центральных изданиях. Лауреат премии Московской организации журналистов. Живет в Москве.

Ольга МАРИНИЧЕВА родилась в Запорожье. Окончила

факультет журналистики МГУ, печатается в центральной прессе, работает в газете «Комсомольская правда». Живет в Москве.

Юрий ДАНИЛИН родился в 1948 году в городе Степняке Кокчетавской области. Окончил Уральский государственный университет имени М. Горького и АОН при ЦК КПСС. Работал в молодежных газетах Омска и Новосибирска. Сейчас работает в «Комсомольской правде». Очерки печатались в центральных газетах. Живет в Москве.

Максим ЗЕМНОВ родился в 1956 году в Хабаровском крае. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал журналистом в газете «Комсомольская правда». Очерки печатались в центральных газетах, в журналах «Юность», «Молодой коммунист», «Студенческий меридиан». Живет в Москве.

Андрей КОНОВКО родился в 1951 году. Окончил Харьковский институт радиоэлектроники. Работает там же старшим научным сотрудником. Участник VIII Всесоюзного совещания молодых литераторов. Печатался в сборниках, в журналах. Автор книги прозы «Разряд по альпинизму».

Николай ПОЛУНИН родился в 1961 году в Москве. Окончил Московский техникум электроприборов. Работал лаборантом, техником-испытателем. Печатался в альманахе «Истоки». Живет в Москве.

Феликс МАХОВ родился в 1928 году в Житомире. Окончил ЛГУ, кандидат психологических наук. Автор многих книг о молодежи. Живет в Ленинграде.

Валерий КОЗЛОВ родился в Воронеже в 1947 году. Окончил МГУ. Участник VIII Всесоюзного совещания молодых литераторов. Лауреат премии Московского горкома ВЛКСМ и Московской писательской организации. Печатался в центральных журналах, в сборниках. Живет в Москве.

Георгий БАЖЕНОВ родился в Свердловске в 1946 году. Окончил Московский государственный педагогический институт имени М. Тореза и Литературный институт имени М. Горького. Член Союза писателей. Живет в Москве.

Виктор ВАСИЛЬЕВ родился в 1953 году. Печатался в центральной печати, в сборниках издательства «Физкультура и

спорт». Окончил факультет журналистики МГУ. Живет в Москве.

Николай СТАРЧЕНКО родился в 1952 году. Окончил ЛГУ. Участник VII Всесоюзного совещания молодых литераторов. Печатался в центральных журналах. Автор трех книг прозы. Живет в Москве.

Александр РАДОВ родился в Москве в 1940 году. Окончил Московский автомеханический институт и аспирантуру Новосибирского университета, кандидат философских наук, лауреат многих премий, материалы публиковались в центральной прессе. Работает в газете «Советская Россия».

Содержание

СТУПЕНИ ВЗРОСЛЕНИЯ
Беседа с заместителем министра просвещения РСФСР Л. К. Балясной 3
ПРИЗВАНИЕ
Ольга Стыкалина НА РОДУ НАПИСАНО... 11
Михаил Петров НАСЛЕДСТВО ОВСЕПЯНОВ 18
Елена Брускова ДОМ НА ОСТРОВЕ 31
Игорь Арясов ДВАЖДЫ ДВА 42
Татьяна Цюпа У СТАРОЙ РЕКИ ДВА РУСЛА 50
Валерий Митрохин ДРЕВО ДОБРА 66
Сергей Иванов САДЫ ДЛЯ СЫНОВЕЙ 77
СТЕПЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
Валерий Хилтунен ОТ РАЗГОВОРА — К ДОГОВОРАМ 89
Ольга Мариничева ПОРЯДОК — А НЕ РАДУЕТ 96
Юрий Данилин ТОВАРИЩ МОЙ, УЧИТЕЛЬ! 101
Максим Земнов «Я РАБОТАТЬ БЫ ПОШЕЛ...» 106
Андрей Коновко СЕНТЯБРЬ... И СНОВА ШКОЛА 116
Николай Полунин В ПОНЕДЕЛЬНИК УТРОМ 122
Феликс Махов ТВОИ ДРУГ ЭВМ 131
ОДА УЧИТЕЛЮ
Валерий Козлов СОН-ТРАВА 139
Георгий Баженов СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ДИРЕКТОРА ДЕТДОМА
Виктор Васильев ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ УЧИТЕЛЯ 172
Николай Старченко ФЕДОРА-БЕССМЕРТНИК 178
Александр Радов ВОЗВРАЩЕНИЕ В ШКОЛУ 185
О наших авторах 189
ИБ № 4911
БОЛЬШОЙ ПЕДСОВЕТ

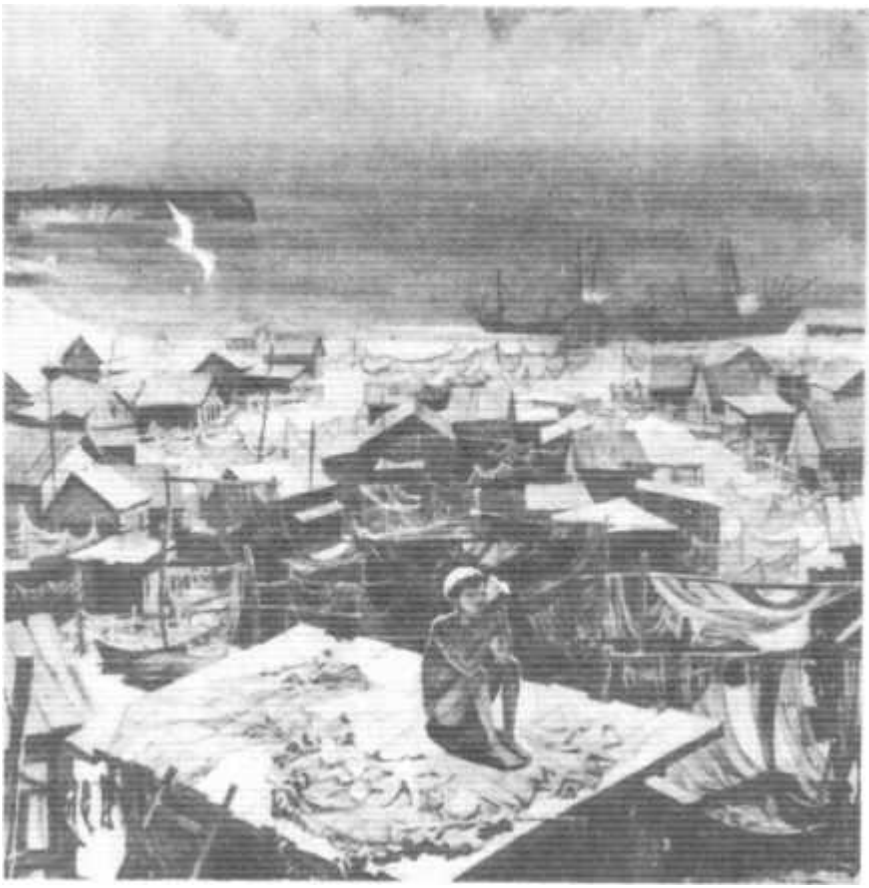
Рецензент Е. Гусева
Редактор И. Аксенова
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Г. Варыханова
Корректоры Е. Сахарова, Т. Крысанова

Сдано в набор 10.06.85. Подписано в печать 22.11.85. А16152. Формат 70Х90$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 14,04. Усл. кр.-отт. 16,28. Учетно-изд. л. 13,6. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.). Цена 75 коп. Заказ 892.

Типография ордена Трудового Красного Знамени

издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30. Сущевская. 21.

75 коп.



notes

Примечания

1

Автор этих строк — народный поэт Латвии Ояр Вациетис.

2

Муалим — учитель.

3

Шариат — нормы поведения, изложенные в Коране.